

Федор Востриков

Снежень

2
12

3.

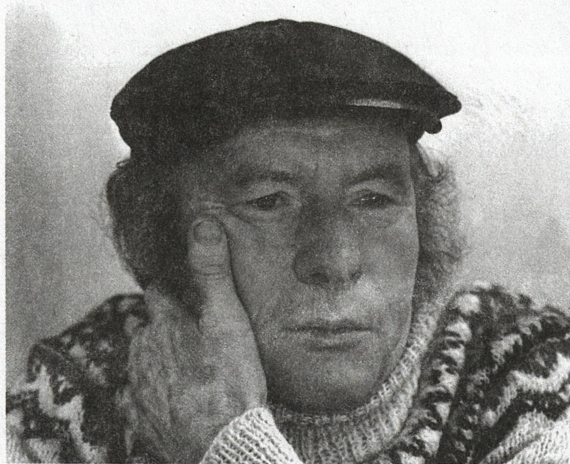
3
4
5
6

7

*Библиотека
Пермской
поэзии*

11 КАК МОЛОДЫ
МЫ БЫЛИ... 11

Фот. В. БИКМАЕВА
из архива ГАЗ. "Звезда"

Федор Востриков

Самой дорогой
краевой библиотеке им
А.М. Горького на родину
вашу! С ю-би-ле-ем!!!

СНЕЖЕНЬ

стихотворения

Храни Вас Господь в
здравии, в радости и конче-
но в радужной любви к
великому русскому
поэтическому слову!!!

20.04.2018

Пермь
2018

Серрегина

Ф. Востриков

УДК 821. 161. 1-1
ББК 84 (2=411.2) 6 - 5
В 78

Востриков Ф.С.
Снежень.
Стихотворения.
Пермь

ISBN 978-5-904890-50-6

От издательства

Природа, любовь, земля, человек, осмысление глубинных связей современности с историей Родины – основные темы творчества поэта Фёдора Вострикова, члена Союза писателей России.

В привычных русских пейзажах он находит новые звуки и краски, возвращая нам мир, утраченный в суете и бездуховности.

Поэт всегда остаётся верен главным традициям поэзии – её простоте и высокой человечности.

© Востриков Ф.С. 2018

ТВОРЧЕСКИЙ ПУТЬ

Поэт Фёдор Сергеевич Востриков родился 6 февраля 1942 г в совхозе «Батрак» (ныне посёлок «Авангард») Алексеевского района, Куйбышевской (ныне Самарской) области. Детство и юность поэта прошли в степном заволжье, в родном совхозе «Батрак». Окончил Куйбышевское Культурно-просветительное училище, Пермский Университет Марксизма-Ленинизма, отделение журналистики. Работал в клубах, школах, профтехучилищах...

Стихи публиковались в журналах, в альманахах и сборниках: «Рабоче-крестьянский корреспондент», «Смена», «Родники народные», «Молодая гвардия», «Воин России», «Великоросс» (Москва), «День русской поэзии» (Санкт-Петербург), «О матери» (Иркутск-Италия), «Его божественная лира» (Псков), «Духовной жаждою томим», «Чаша круговая», «Любимых наших имена», «Материнский причал», «Уральские нивы», «Уральский следопыт», «Урал» (Екатеринбург), а также в Самаре, в Березниках, в Тюмени, в Перми и т.д. Первый поэтический сборник «Отцовское поле» вышел в Перми (1979 г). Член Союза писателей России, Фёдор Востриков – автор более тридцати отдельных книг и поэтических дисков. Сотрудничает с композиторами, переводит с азербайджанского на русский. Он – дважды лауреат Пермского края в сфере искусств и культуры, награжден Почётной грамотой Министерства Культуры и массовых коммуникаций Российской Федерации,

Золотой медалью Российского Фонда Мира, награждён юбилейными медалями Г.К. Жукова и А.С. Пушкина, М.В. Ломоносова и М.Ю. Лермонтова, кавалер ордена Ф.М. Достоевского I степени, почётный гражданин Алексеевского района Самарской области, часто выступает по Краевому Пермскому радио и телевидению. Ведёт литературное объединение «Тропа» (30 лет) в городском Дворце детского (юношеского) творчества Перми. Многие его ученики стали профессиональными писателями, победителями Краевых, Российских и Международных литературных конкурсов, кандидатами наук. Вместе с юными поэтами «Тропа» Фёдор Сергеевич участвовал в съёмках фильмов о В.В. Каменском, поэте-футуристе, друге В.В. Маяковского, о В.И. Радкевиче, прекрасном русском поэте и учителе. Неоднократно рекомендует молодые дарования в Союз писателей России. Как правило, его рекомендуемые успешно преодолевают барьеры в приёмных комиссиях Перми и Москвы, становятся профессиональными писателями. Был и есть зачастую редактором-составителем поэтических книг В.И. Радкевича, А.Л. Решетова и, конечно, молодых литераторов «Тропа» и Пермского края, сопровождаемые добрыми глубокими предисловиями о творчестве данных авторов. Десятки лет являясь членом правления краевой Пермской писательской организации, ведёт активно большую общественную работу. Председательствует в литературных конкурсах имени В.И. Дементьева, журналиста, погибшего в Нагорном Карабахе, имени великого русского писателя В.П.

Астафьева, в конкурсах фонда мира, детской краевой библиотеке имени Л.И. Кузьмина, в Доме культуры и библиотеке Всероссийского общества слепых и других библиотеках края. Он – член славянского центра, член учёного Совета Пермского Краеведческого музея, литературный консультант журнала «Родничок»... Не счесть поэтических встреч с читателями, которые провёл в городах и весях Поволжья, Урала, Сибири, Псковщины, Забайкалья, Севера, Заполярья, и всегда откликается на новые творческие встречи.

Пермь, 2017 г.

НАЧАЛО

Не от асфальтовых дорог,
Не от домов многоэтажных,
Не от коттеджей архиважных,
Где сторож каждого бульдог.
Не от политиков продажных,
Которым злато царь и бог,
Живут, не ведая тревог...
Я смело утверждать берусь,
Не здесь берёт начало Русь.
Она – из муромских лесов,
Из Костромских, где жил Сусанин,
Из Холмогор, откуда сани
Науке множили творцов,
Кто вскоре в рост восстали сами,
Как Пушкин, Лермонтов, Кольцов,
Как тыщи славных мудрецов
Из-под Рязани и Твери,
Из-под Самары и Перми.
Они – державный мой народ,
Любых эпох великороссы:
Крепки, храбры, русоволосы,
Как мой крестьянско-волжский род.
И завершались войны, космос –
Салют побед под небосвод!
Из века в век, из года в год
От них – оттуда, чем горжусь,
Берёт начало гордо Русь!

* * *

Если хочешь в древность провалиться,
То к дубам – столетникам сходи,
Где времён патриархальных птицы
Вьют у них гнездовья на груди.
Заграбастав крыльями полнеба,
Каждая над бездною парит!..
И тогда пугающая небыль,
Может быть, с тобой заговорит!

* * *

Тропинки волглые листая,
Не слыша птичьих голосов,
Брожу и медленно вырастаю
В дремучье таинство лесов.
Бурлят во мне Руси истоки,
Как реки в хлёстком камыше.
И век благой, и век жестокий
Переплетается в душе.
Навстречу злу, добру и мраку
Летят гремучие ветра...
Вещает огненный Аввакум
Из поднебесного костра...

В ДРЕВНЕЙ ЧЕРДЫНИ

Непроглядный туман откипел –
В полдень город возник из тумана.
По-шаляпински вольно запел
Стариною, как Русь, перевозданной.
Пред очами церквей купола
В поднебесье несут семихолмье.
С поля брани погибших тела
Облаками покоятся в Колве.
Вековые стоят деревья,
Охраняя погосты и дали.
Дышит Чердынь, а значит – жива,
Жив купец неsgiбаемый Алин,
Что-то шепчет из вечной глуши –
Ранит душу таёжная дальность...
Из купеческой древней тиши
Не хочу возвращаться в реальность.

СЕРАФИМ СОРОВСКИЙ

Прохором звали в миру Серафима.
В Курске родился в семье Мошниных.
Дела в торговле не стало любимым –
Счастье находит во книгах святых.
Храмостроитель отец умирает.
Матерь Агафья сына одна
И поучает, и в путь наставляет
Людям служить, как молитве, сполна.
Прохор запомнил, как людям служенье,
Самый благой материнский завет:
Чувствовать к храму душой приближенье,
Видеть во тьме благочестия свет.
В радости жил он и в тягостном горе.
Дева святая явилась во сне.
Вскоре его исцелила от хвори –
В божие чудо поверил вдвойне!
В Киев подался мощам поклониться,
Богу решил себя посвятить.
В книгах священных парил, словно птица,
Жизни поломников смог полюбить.
В храм пресвятой Богородицы Прохор
Смело в обитель в Сарове вступил.
И начинается новой эпохой
Дело, которое он возлюбил.
Прочь отлетали недуг и разруха –
Денно и ночью молитвы творил.
Силой и мощью окрепшего духа
С Матерью Божьей себя исцелил.
В Храме светился свечой негасимой,

Таинство доброе миру верша,
Инокем стал, наречён Серафимом –
Глубокомыслием пела душа!
Пустынничество в хижине-келье
В древне-дремучей Тамбовской глуши,
Рядышком сосны да чёрные ели –
И ни одной человеческой души.
Тени вставали, как лес над обрывом,
В келью стучался крутой бурелом...
Спал на камнях, балахоном прикрывшись,
Печь не трещала ни ночью, ни днём.
Свято молился во благо спасенья
Нищих и слабых, разбойных и злых.
И наступало в умах просветленье,
Как в старину от пророков бывших.
И потянулись к Саровскому люди
С близких и дальних славянских краёв.
Было узнать любопытно и любо:
Где на Руси городишко Саров?
И разузнали – молва не потонет,
Много рассказов пошло про него,
Будто он кормит медведя с ладони,
Птиц и лосей, не боясь никого.
Это не сказка, а жизни реальность –
Старица церкви зрила сама.
Тем и приблизила чудную дальность
В наши обители, в наши дома.
Сам отказался от мира и пищи,
Даже запреты воздал овощам.
Снадобьем кормит зверушек и нищих,
Воров и татей кровавых прощал,

В келье пророчество людям вещал.
Много сбылося его предсказаний:
Бунт на Сенатской и в Крыме война.
Будто какое-то слово заранее
Знал преподобный из божьего сна.
Долгое царство царя Николая
И трагедийность двора предсказал.
Духом светлел он, но телом страдая,
Время кончины своей не скрывал.
В келье закрылся. Пасхальные песни
В ночь доносились из кельи земной.
То возносились они в поднебесье,
То возвращались в таёжный покой.
Снова в молитве к иконе любимой,
Голову низко пытаюсь склонить...
Но не спасают отца Серафима
Ни песнопенье, ни травушка снить...
Двери открыли, а он на коленях –
Так и в молитвах под свечи почил
Перед иконой благой «Умиленья».
Келья дымилась огнём просветленья –
Не было в мире подобных кончин.
И отпевали во гробе дубовом,
Издавна крепко сработанный им.
Он возлежал, словно в царстве сосновом,
Полный покоя, молитвы и слова,
Незаходящего солнца святого
Наш преподобный пророк Серафим.

2015 г. Пермь-Самара.

СЫНЫ БОРОДИНО

В земле, в былинных травах,
В столетьях спят давно
Воители Державы,
Овеянные славой,
Сыны Бородино.
В пылу лихих сражений,
Чего ж теперь скрывать,
Учили нас терпенью
И как из поражений
Победы добывать!
Уроки преподали –
Святей молитв слова!
Когда леса рыдали,
Когда пылали дали,
В огне Смоленск, Москва...
А вы – свои народы
На правый бой вели,
Враги любой породы,
Отребье разных сбродов
Бежали, как могли.
А вы торжествовали
Вперёд на много лет.
Вовек не забывали
Над миром воздвигали
Полотнища побед!
И нас учите браво,
Как было вам дано,
Воители Державы,
Овеянные славой
Сыны Бородино.

КОЛЧАКОВЩИНА

В Прикамье с мородёрскими полками,
Бесчинствуя, свирепствовал Колчак:
Взрывал мосты, топил уральцев в Каме,
Сжигал живьём, рубил и сёк с плеча –
С трудом найти такого палача.
А кто не верит – снимки есть в музее,
Пускай узрит «Художество» его.
Я верю в то, что сердце занемееет,
Колчаковское видя «торжество» –
Будь проклято злодейство и мертво!
И золото, и деньги разбазарив,
Споскудилась колчаковская рать.
Красноармейцы в мировом пожаре
Не дали в забугорие удрать.
Завесились предательские очи,
Как вечно и положено врагу...
А что же власть обратное бормочет,
И памятники ставит Колчаку?!

КРЕЩЕНЬЕ

Мы встречаем не впервой
Праздник славный и священный
На Руси моей благой, –
Хлебосольный и святой,
День рождения Крещенья.
Пред очами вмиг встаёт
Князь украинский Владимир.
И народ поклоны бьёт.
Звон церквей под небосвод.
Вере, что владеет миром.
От Днепра я вдалеке,
Но бываю постоянно
На Коломе на реке,
Где в крылатом вербняке
Спит в могиле баба Анна,
Мне по матери родня,
Словом, бабушка родная.
Украина для меня,
Как берёза у плетня,
Как Россия горевая.
Значит, веры мы одной,
И неважно, где родились,
Но повязаны судьбой.
В путь земной и неземной
На века перекрестились.
Этой верой я горжусь –
Свет Украйны в сердце брезжет,
Как моя степная Русь.
Я крещённый, вновь крещусь
Не в Днепре, а в речке Съезжей!

СЛАВНАЯ ДУША

Памяти Л.С. Найда
«Остановите мне весну:
Хочу я ею насладиться,
Остановите мне весну:
А вдруг она не повториться?»
В. Максимов

I

Не стало в сорок первом мужа –
Убило подлою войной.
В душе вдовы и боль, и ужас –
Детей воспитывать одной.
А деток – пять, и младшей самой
Всего-то года полтора.
Ах, как стучатся в дверь и в рамы,
Как смерть, голодные ветра!
Вдова, презрев боязнь, обиды,
С мольбой и просьбой к людям шла,
Чтоб и последыш, кроха Лида
На радость матери росла.
Она росла. Тянулась к слову,
Как к русской песне, что светла.
Родная степь всему основой
Для Лиды школьнице была.
Любовь к труду взяла у мамы,
От братьев смелость с детских пор:
От Вани лихость и простор,
От Коли страсть к театру драмы,
От Саши мудрый разговор...

Года стремительно летели.
По силе свой вершила труд.
Отпели детские метели.
Потом Уральск. Пединститут.
Любовь, учительство и дети,
Которых полный класс и двор.
Под вечер быть на педсовете
И в Рэ.Дэ.Ка. успеть на хор.
Успеет, коль машину водит,
Что редкость было в деревнях.
Заметку ждёт «Степной маяк».
Она с народом и в народе,
Об этом знает всяк земляк.
Когда закончится работа,
Спешит стремительно домой,
Где вся семья, как в рамке фото
С Людмилой Зыкиной самой!
Спечет блины, благой сметанкой
Не позабудет подбодрить,
Коров Голубушку и Жданку
На зорьке в стадо проводить.
А жизнь к ней краше и влюблённей,
Но что на пенсии – не в счет.
В Большечерниговском районе
Ей вера, слава и почёт!
Слова высокие по праву
Ей за высокие дела.
Как песен звон, как хлеб и травы,
Весну любила и ждала.
Весна пришла, точней явилась,

Сквозь тучи солнце проявилось.
Река взорвала тишину...
А жизнь её остановилась,
Её весна остановилась,
Чтоб дочь продолжила весну!

II

Не ушла, а взмыла птицей.
Распахнув легко крыла,
Песню шлёт реке Глушице,
Что, как даль, от верб светла.
Мы и в радости, и в горе
Песней дышим, не спеша.
Ах, как песня хороша!..
Растворилась в дивном хоре
Найда – славная душа!

МАТЬ

Г.А. Набатовой

Когда уходит мать,
То мы взрослей и старше
Становимся мгновенно
В тот же скорбный день.
Дороже нам лесные полосы
и пашни

В святом окружье
Древнерусских деревень.
Преодолев путей
Земное притяженье,
Взмываем ввысь, а силы
Нам не занимать.
В себя вдыхая Русь,
И жизни продолженье,
Потомкам в дар несём,
Когда уходит мать.

СГОВОР

Война вторая мировая –
Коварней в мире битвы нет.
От крови Волга, закипая,
Перерастала в красный цвет.
Взрывался в клочья белый свет!..
Врага мы били и топили,
Пройдя сквозь тысячи потерь.
Паучье племя победили –
В берлогу загнан подлый зверь!
А что ж у нас в стране теперь? –
Горят в пожарах лес и топи,
А с ними – сёла заодно.
Людей сжигаем, в Волге топим,
Да не чужих – своих давно.
Бесславно флот залёг на дно.
Но где же ты, народ могучий,
В войну был смел и храбр, и крут? –
Молчишь, продавшись власти сучьей,
Что разорила твой уют
В преступном сговоре иуд?!

РАССКАЗ ВЕТЕРАНА

К. К. Жижиному

– Ну что ж, давай знакомиться, земляк,
Коль нам палата общая досталась.
Я родом из Черниговки. Степняк.
Да никого родных там не осталось.
Теперь давно я житель городской,
Живу в Самаре, стало быть, на Волге.
Крещён войной второю мировой,
А путь по свету – даже очень долгий.
Казалось, жизни оборвётся нить –
Вскипали кровью реки и болота,
Но разве мог нас враг остановить,
Стрелков бессмертной миномётной роты?
Атаки отражая, вплавь и вброд
Фашистов брали в крепкий оборот.
И гнали сучью тварь дорогой длинной.
Кричали в мир, распахивая рот:
«За Сталина, за Родину, вперёд!..»
И так дошли до самого Берлина!
Автограф мой запомнил и Рейхстаг.
Разбиты в клочья вражеские цепи...
А снились мне всегда в госпиталях
Заволжские черниговские степи.
Наград, как ран, увы, не сосчитать,
Да и считать, я думаю, не надо.
Но кто полковником помог мне стать,
Я говорю спасибо Ленинграду.

Да-да, тебе, мой милый Ленинград.
И никакого Питера не знаю.
И Волгоград зову я Сталинград –
Иначе до сих пор не называю.
Но вот ещё тревога есть одна,
Которой вопиют пенсионеры:
Да как могла ты, русская страна,
Ко власти допустить миллионеров?
Я не могу терпеть, как воин старый,
Прости полковника, коль что не так.
Теперь мы познакомились, земляк.
Ты в гости приезжай ко мне в Самару!

* * *

Пограничники, парни, солдаты,
Чтоб рассвет над землёю не гас,
В бой вступали и в мирные даты,
Сколь погублено ворогом вас?
Неизвестны посмертные списки,
Всех почивших имён дорогих.
Вырастают, как лес, обелиски –
Шар земной тяжелеет от них...
Гибли в ночь и на зорюшке ранней,
Укрываясь землёй и травой.
Младший брат на границе был ранен, –
Слава богу, вернулся живой!..

* * *

Боже, сколько страдальцев убитых безвинно
В землю шара, в моря-океаны легло?
Не ответят никто: ни кудесник былинный,
Ни державы, несущие войны и зло.
В мир преступный по-прежнему двери открыты
Вражьи силы, господь, отведи, успокой.
Если всё-таки счесть всех безвинно убитых, –
Задохнётся планета от правды такой.

* * *

Гремит не гром, а самолёт,
Что пострашней, пожалуй грома.
Да будет радужным полёт
До полосы аэродрома!
Добра желаю, но боюсь,
В душе последних дней тревога:
В реке и в небе гибнет Русь
От мерзкой власти, не от Бога...

ПРИСТАНИЩЕ СТЕПНОЕ

Кипрей, куровник и осот,
Да вётлы ржавые от зноя.
Висит над ними небосвод –
Моё пристанище степное,
Где зачинал мой прадед род,
А значит – царствие земное,
Крапивно-злое и ржаное,
И если братъ из той дали,
Возьмём-ка «царствие» в кавычки.
Едва ль представить мы смогли,
Живя у чёрта на куличках,
Спахать за жизнь шары земли,
Скорей не в быль поверь, а в небыль,
Всего-то ради булки хлеба.
Но это было лишь начало
Тропы горючей, а потом,
Хоть било время и качало,
Но вырастал за домом дом.
Клялись во храме под крестом,
Что мы взбурлим родные дали, –
И мы на подвиги вставали!
Врага рубили, как сорняк,
Сметая прочь с высокой кручи.
И слово гордое «Степняк»
Зажглось над свастикой паучьей,
Как наш победно-русский стяг
Наверно, был бы рад мой предок,
Дожив до радужной Победы!

Ругать историю грешно –
Она без нас в веках свершилась.
А что ж толпа, как фальш в кино,
По-крысьи в гнуси всполошилась?
Воюют с памятниками сплошь,
Вообразив себя витией.
Но в их речах змеится ложь,
Как шелуха, слова пустые.
И всё ж хотят перечеркнуть
Величье славное России:
У них один продажный путь,
У нас иной, как даль в росинах,
Где спеют солнечно хлеба,
Где русский дух, как вознесенье,
Как наша вечная изба,
Где вечны Пушкин и Есенин...
Ругать историю грешно –
Кляните тех, кто в зле зарылись...
Аввакум с Никоном давно
В надзвёздных далях помирились.

ТЫ САМ ТЕПЕРЬ – И ЛЕС, И СТЕПИ

Памяти В.Г. Маликова

Встречались в августе, под осень,
А в сентябре ушёл мой друг.
Горластый мир обезголосел
И потемнела даль вокруг.
Смешались воля и неволя.
Оделся в траур род людской...
Не затушить душевной боли
Ни жгучей водкой, ни строкой,
Ни горькой свечкой, ни молитвой...
Он был с хоробрым мужем схож.
Крещён огнём Днестровской битвы,
Не мог терпеть, как русич, ложь.
За честь платил своею кровью,
За смерть друзей, за сына мстил.
Не сдал полковник Приднестровья,
Хватило мужества и сил...
Пока живём на белом свете,
Его нам помнить и любить,
Как свет берёзовый, как ветер –
Из сердца друга не избыть,
А если враг, как день вчерашний,
Прошепелявит: «Что с того?
Живым нужней леса и пашни –
Ему ж не надо ничего.»
Отринув жалкий вражий лепет,
Я утверждать, мой друг, берусь:
Ты сам теперь и лес, и степи,
И речка Съезжая, и Русь!

ВДОВА

Спина, как серп, у бабы Катерины.
Хлебнула бед за век дремучий свой:
Из Курска муж, а сын из-под Берлина
Вернулись похоронками домой.
Кого угодно боль такая свалит.
Она не помнит, как пережила.
Лечили раны ей ржаные дали
Да бабки-вековухи из села.
Родных солдат, войною убиенных,
Вдова не забывала ни на миг.
Как трудно было Родине – в три смены
И за себя трудилась, и за них.
Когда луна калитку припорошит,
Выплакивала горюшко ветле.
И незаметно, как под тяжой ношей,
Всё гнулась, гнулась к матушке-земле.
Во сне себя красавицей видала,
А рядом парень – вороха кудрей!
О, как она мучительно страдала,
Старухой просыпаясь на заре.
Смахнув слезу рукою крючковой,
В корыто снова пичкала бельё...
А со стены, не старясь, два солдата
Смотрели виновато на неё.

ОБЕЛИСК

Обелиск поставили в деревне,
На открытые стар и млад пришёл.
Тоненькая веточка сирени
Поднялась на белый частокол.
Вспомнил каждый дорогое имя —
И зажглись рябинами венки.
И, скорбя, в молчании над ними
Головы склонили земляки.
И старушка сухонькая строго
Молвила, крестясь на обелиск:
«Ну, теперь спокойна, слава Богу,
Все в деревню детки собрались».

ИЗБА

Памяти матери

Свистит пурга над ветхою трубою.
Горбатится от снега городьба.
Не назову теперь избу избою –
Да разве, мама, без тебя изба?!
Не пахнет хлебом. Холодно и тихо.
Ни лампы керосиновой в ночи.
Не греет кости баба Кузнечиха.
Дерюгою прикрывшись на печи.
В углу повыцвел Николай Угодник,
Что рисовал Колодин Геродот.
С тобою, мама, кажется, сегодня
Остановился Востриковский род.
Хотя живут и правнуки, и внуки,
Хотя живут на свете сыновья.
Но как нужны твои родные руки,
Но как нужна добриночка твоя!
Зима сменяется весною синей.
И снова степь полынная в цвету.
Спасибо мама, что любить Россию
Учила нас, как вере в доброту.
Иду к тебе кладбищенской тропюю,
От кашки и шалфея даль светла.
Да разве назовёшь избу избою
Без твоего сердечного тепла?..

ПОЗЫВНОЙ «МАНГУСТ»

Памяти А. Стефаносвкого

Когда в Донбассе мир взорвался,
Он добровольцем прибыл в строй.
Не гнулся, в землю не вжимался.
А шёл вперёд, как русич, в бой.
Война – кровавая работа.
Дай бог, хватило б только сил.
Врагов косил из миномёта,
Из пушек огненных косил.
Давал убийцам пылу-жару
За Русь, за родину свою.
Мангуст похож на Че Гевару
И на привале, и в бою.
Наш командант Мангуста звали
И потому враги боялись,
Как не боялись никого.
Сто тысяч долларов давали
За буйну голову его.
Солдат младых, совсем зелёных,
Спасая, грудью прикрывал.
А диким врагам пленённым
Наказы крепкие давал:
– «Чтоб на свободной Украине
Я видел вас в последний раз.
Запомнить следует поныне,
Что будет проклят всяк из вас».
А меж боями непременно,

Когда накатывала грусть,
Звонил жене: «Молись, Елена,
И за меня, за нас, за Русь».
В ответ: «Молюсь, родной, молюсь...»
Не помогли, увы, молитвы,
Хотя Мангуст легендой стал.
Но под Луганском в смертной битве
От мины, замертво упал...
Я верю, наш боец уральский,
Теперь, как должное, прими:
Ты будешь улицей в Луганске,
Ты будешь улицей в Перми!

ВСТАЛИ В РОСТ

Раздолбили страну, разодрали
По частям, по костям, по кускам.
Кровью харкают веси и дали,
Да неймется постылым врагам.
Прячут в масках бесстыжие лики
По-бандеровски прут напролом.
Мат, проклятия в возгласах диких...
Люди мирные мрут под огнём.
Встали в рост ополченцы-герои
За детей, за родных, за страну.
Закрывают бесстрашно собою
Не гражданскую эту войну,
А верней – от бессовестных Штатов
И подонков из натовских стран.
Очень скоро врагам – супостатам
Мы напомним Мамаев Курган!

ПОТОМКИ БАНДЕРЫ

На мир славянской православной веры,
Оскалившись звериные клыки,
Направив современные штыки,
Пошли потомки выроodka Бандеры,
Как злостные фашистские враги.
И гибнут люди мирного Донбасса,
Луганск под сокрушительным огнём.
Сплошные ночи стали днём за днём.
Ревёт пространство древнедиким басом,
Не умолкает орудийный гром.
Америка с Европой изуверов
Открыто обеляет эту мразь,
Подыгрывая гнусной ложью всласть
Через потомков мерзкого Бандеры,
Через холуйско-Киевскую власть.
Но встали в рост славяне-патриоты,
От мала до велика встал народ.
И просветлел над миром небосвод.
Перед врагом захлопнулись ворота –
Ему покажут в бездну поворот, –
И повторится сорок пятый год!

РАТОБОРЦЫ

*«Да разве найдётся такая сила,
Которая бы пересилила русскую силу?..»*

Н. Гоголь

Из Чечни, из Сербии, из Боснии,
Из бывлой Молдовы, из Руси
Едут добровольцы в Новороссию,
Чтоб её от недругов спасти.
Враг напал, насквозь пронаркоманеный.
Вперемешку с Натовской ордой.
Даль всклубил кровавыми туманами –
Не узнать Луганщины родной.
С неба катят громы смертоносные,
Разрывая землю на куски.
Глохнут в бездне плачи безголосые,
Погибают братья-земляки.
Но встаёт из пепла ополчение –
Крепнет с добровольцами вполне.
Мудрое Мангустово учение
Так необходимо на войне!
В память о Мангусте, русском воине,
Татей крушат Сашины друзья.
Их не зря народ зовёт героями –
Победить геройский люд нельзя!
Веруют в Отечество ли, в бога ли,
Но подвластны правде лишь одной:
Ополченцы чтят и любят Гоголя,
Да с Тарасом Бульбой за спиной,
Ратоборцем Родины святой!

ЗАКРУЖИЛО, ЗАМЕЛО...

I

Тучами загружен
Свет небес вдали.
От ветров, от стужи
Камыши легли.
Сгинула сорока –
Грянет снег к утру.
Зря что ль пёс до срока
Лезет в конуру?

II

Птичий мир обезголосел,
Снегом высветило даль.
На реку мороз набросил
Целлофановую шаль.
Днём мороз пока не в силе –
То-то выкинет в ночи!
Ведь не зря же кот Василий
Прописался на печи.

III

Закружило, замело,
Задохнулись дали мглою.
В пропасть кануло село
С речкой, с кручей и с ветлою.
Оборвало провода –
Обессветились избышки...
Пожалеешь иногда,
Что повымерли коптушки.

* * *

Темнеют озёра. И спешно
Грачи отлетели на юг.
И ночью, и днём безутешно
Дожди висают вокруг.
Но вдруг поднялась из-за дола
Пурга, прозвенев серебром –
Просторы зима проколола
Колючим, как штык, декабрём!

* * *

Заноябрило и задекабрило –
Метели перепутали пространство.
Зима, бунтуя, осень покорила
И обрела на время постоянство!

ПРЕДЗИМЬЕ

Посеребрились травы и кусты,
Хотя мороза градуса четыре.
Прошёл всего-то может с полверсты,
А как-то неуютно стало с мире.
Не прочь поднять повыше воротник –
Душа всегда должна быть обогрета.
Не верится, что здесь клубил родник
И птица прославляла бабье лето.
Летели паутины день-деньской,
С плетня трещала радужно сорока.
И вдруг, отбросив благостный покой,
Обрушилось предзимье ненароком.
А где предзимье – рядышком зима.
С морозами, с клокастыми снегами.
Ну то ж, входи в чащобы и в дома,
Мы вспомним прошлое жильё-быльё –
Не обличу в голодной укоризне,
Ведь ты, зима, рождение моё
И продолженье выстраданной жизни!

ДЕКАБРЬ

I

Проклюнулось утро декабрьское,
Метель закачала снега.
Мороз леденящею краскою
Друг с другом сроднил берега.
За осень деревья заохрившись,
Неспешно сменили наряд.
И, словно монашки, нахохлившись,
Молитвенно думы творят.
Вокруг ни следов, ни дороги –
Сугробы пророчат беду.
А я, точно странник убогий,
Куда-то в пространство бреду.

II

То ли утро, то ли вечер –
В декабре не разберёшь.
Выдыхают в небо печи
Знойный дух, что с летом схож.
На душе в избе светлее –
Значит, будем жить в добре.
Может чутку потеплеет
Мир вселенский в декабре?!

III

Зябну, стыну, замерзаю,
Но иду, иду, иду.
А куда иду? – не знаю

На удачу ль, на беду ль?
День давно уже на склоне,
Берега в снегу глухи...
Зябну, стыну... Стёжка гонит
Вымораживать стихи!

IV

Реку зима сковала,
Сутробы виснут с круч.
Рванут ветра – и валом
Снега попрут из туч.
Господь до крыш сутробы
Пургою занесёт.
Хоть я несуетный,
Но колокольчик древний,
Пожалуй, не спасёт.

* * *

Реку мороз, как птицу влёт,
Ударил холодом скрипучим.
Луна и речка вмёрзли в лёд,
Как вмёрз камыш под стылой кручей.
Казалось, жизнь ушла навек,
Ни рядом нет её, ни выше.
Но всё же слышит человек,
Как подо льдом речушка дышит!

* * *

Ровняя даль, бугры и доли,
Лежат глубокие снега.
За чернолобым частоколом
Холмами дыбятся стога.
Откинув звёздную простынку,
Над царством сонным месяц встал.
Дивясь, что к проруби тропинку
Пока никто не протоптал.

* * *

Заморожены лужи,
Снег скрипит под ногой.
Приготовился к стуже
Березняк над рекой.
Вместо листьев набросил
На верхушку сугроб.
Тихо обезголосел,
Нету рядышком троп.
Только ветер под кручей
Вяжет травы узлом,
Да качается тучей
Дым печной над селом.
И возносится споро
На свету и во тьме
Дров скрипучие горы,
Словно вызов зиме.

* * *

Последний день. И старый год,
Как говорится, рухнет в пропасть.
А новый – вот уж у ворот
Свои разбрасывает тропы!
Прошёл я многие пути,
За честь и свет случалось драться.
Но в старость, господи прости,
Не знаю я в конце пути
В какую сторону идти,
Какой тропой к добру податься?..

* * *

Новогодье морозами грянуло,
Да такими, что терпишь с трудом.
А декабрьская оттепель канула,
Как река под синеющим льдом.
Мироздание сгнуло в небыли –
Мечет стрелы буранная рать.
То ль земля вознеслась, то ли небо ли
Наземь рухнуло – не разобрать.
Не спасут ни тулупы, ни валенки –
Задохнулось пространство во мгле...
Лишь цветочек Аксаковский аленький,
Как спасенье, нам ждать на земле!

Зима взлохматила равнины.
Бело и празднично окрест.
Сугробы взбиты, как перины,
Для самой лучшей из невест!
В прозрачном кружеве верхушки
У тополей, что над рекой.
К равнинам снежным деревушки
Припали тёплой щекой.
Как много близкого, родного
В твоих пейзажах зимних, Русь!
В который раз гляжу – и снова
От счастья плачу и смеюсь!

НОВОГОДЬЕ

С Новым годом, друзья дорогие!
Я желаю, как жизнь ни крути,
Чтоб ни беды, ни вьюги лихие
Не встречались ни вашем пути.
Только радость, любовь и раздолье,
Уводящие в дивный полон,
Да шампанского брызги в застолье,
Да романсов Булаховских звон.
А недобрые тёмные силы
Не пройдут в наступающий год,
Если будем душой за Россию,
За её сердобольный народ!

ЗА РЕЧКОЙ ЗИМА

За речкой пустынно. За речкой зима
Крыла распластала вихрасто-былинные.
В округе не кручи, а сплошь терема
Державно воздвигла на месяцы длинные,
Чтоб птицы не сгибли в колючий мороз,
А славили зиму, как Русь несравненную,
Могучую Родину вечных берёз,
Откуда блистательный великоросс,
Впервые тропу проторил во Вселенную!
За родину гордость зовёт в терема –
Я к ним поднимаюсь дорогой не длиною...
За речкой пустынно. За речкой зима
Крыла распластала вихрасто-былинные!

ЯНВАРЬ

Сугробы грузные навьючив,
Шагает кряжистый январь.
Безумно жжёт мороз трескучий –
Под сорок градусов, как встарь.
Казалось, птица в небо взмлет –
Падёт стекляшкою к ногам.
Гуляет сутки без покоя
И треск, и звон по соснякам.
Не город – царство ледяное.
И люди в нём – снеговики.
Но здесь вокруг мне всё родное:
Дома, дороги, сосняки.
Простор былинный светлоликий,
Где начинается село...
Мне от любви к земле великой
И в стужу лютую тепло!

СВЕТ ВИФЛЕЕМСКОЙ ЗВЕЗДЫ

I

Вдохнул и сдулся календарь,
Чтоб превратиться вскоре в новый
С коротким именем январь,
Но с длинный теменью суровой.
И превратился, что ни день
Морозы яростней и круче.
Не месяц в кепке набекрень.
А с неба прут лавиной тучи.
В сутробах доли и пруды,
Но выюга шибче в стены бьётся.
И Вифлеемский свет звезды
Никак на землю не пробьётся.

II

Как сменился декабрь январём,
Так взбурлила свистящая выюга.
Задохнулся ивняк серебром,
Завернулась тулупом округа.
Провалились в безвестье пути,
Как пруды, мелколесье, овраги.
Не проехать, увы, не пройти.
Многоточье на белой бумаге.
Но и всё ж мы не знаем беды –
В мироздании мы не бездомны,
Лишь бы свет Вифлеемской звезды
Вечно теплился в мире бездонном!

III

До белезны промёрзли берега.
Вгрызаясь в них, продрогшая река,
Окаменев на кряжистом ветру,
Оделась в ледяную кожуру.
Звения, поют прибрежные кусты,
Как в храме хор – слышать за полверсты.
Берёт меня, грабастая в полон,
Господне – поднебесный перезвон!

* * *

Ночь январская длинная-длинная.
Просыпаешься множество раз.
Веет бездной, как проза былинная,
Будоража пугающе нас.
То швырнёт в безизвестье дремучее,
То в сегодня пургой возвратит...
В душу странника слово певучее
Вифлеемской звездой слетит.

ХОРАЛ

Морозы держатся стабильно,
На то он, батюшка Урал.
Звенит в берёзах и в рябинах
Зимы торжественный хорал.
Притихли грады и деревни,
Притихли доли и холмы,
А он звучит, как русич древний,
Среди бунтующей зимы.
Не только нам – он миру слышен
Во мгле глухой, в цвету чудес.
И поднимается всё выше,
Касаясь царствия небес!

НА БЕЛОЙ ГОРЕ

Свечу за здравие поставил,
Другую – всем за упокой.
Перекрестившись, храм оставил.
И в путь дорогой снеговой.
Спускаясь вниз с горы высокой,
Как странник брёл я за людьми.
Метели ноги жгли осокой,
Секли свистящими плетьюми.
Не страх, не злость, а облегченье,
Как в день пасхальный по весне,
Почти господнее свеченье
Переполюняло душу мне!

* * *

Дали засугроблены,
Реки заморожены,
Гумна огорожены,
Печи позатоплены.
Дым, качаясь, тянется,
Что ни вздох – свободнее.
Мир земной вплетается
В царствие Господнее!

* * *

Усилились морозы к Рождеству.
От инея деревья распушились.
И, сказки возвращая наяву,
Набросили ушанки на вершины,
Чтоб стало потеплее в час ночной –
Вот-вот рванут крещенские морозы.
А я до зорьки сяду не впервой
За крепкую распутинскую прозу.
И канут в бездну горы лютых зим,
Заполыхает небо в тёмной сини.
Заговорят былинные русины.
Предстанет предо мною баргузин
Великого Байкала и России!

* * *

Бесконечные зимние ноченьки,
А в бессонницу – дюже длинней.
На морозах крещенских заточены,
На снега, что былинных древней.
Зарываясь в дремучие дальности,
Как в омёты во злую пургу,
Я боюсь, что в живые реальности
Возвратиться к утру не смогу.

* * *

Мороз Рождественский взъярился –
За сорок царствует и жмёт.
Под свет звезды с пути не сбился –
Меня к волхвам тропа ведёт.
Светло, как в детстве, помолился –
В душе благое торжество.
Сегодня в мир Господь явился –
Пою и славлю Рождество!

* * *

Пришли Крещенские морозы,
Свистят пургою сквозняки.
Звонят стеклянные берёзы,
Коньковый скрежет от реки.
Перемешались воедино
Эпохи, годы и века,
Но также горькая рябина
Стучится в душу, как строка!

* * *

Очередной январь уходит в Лету.
Мороз ослабевает с каждым днём.
Февраль уверенно кружит по свету,
В сугробы превращая окоём.
В безвестье тонет вечное пространство
В древне-ямщицкой вьюжной полумгле...
Не потому ль, не зная постоянства,
Моя душа, презрев властей богатство,
Пургою плача, бродит по земле?!

МЕТЕЛЬ

I

По округе от каря до края
Сутки пляшет густая метель.
Закатала с макушкой сарай,
Превратила берёзу в кудель.
Но всё выше и выше сугробы –
Не видать в преисподней села.
Будто сгнули люди и тропы,
Будто жизнь навсегда умерла.
Но взглядишь – и поведают губы:
Вовсе с жизнью не прервана связь.
Папиросками длинными трубы
В небо тычутся, вольно дымясь.

II

Дорогу тонкие метели
Перебегают в двух шагах.
По сторонам дороги – ели
Толпятся в дышащих снегах.
Вдали чернеются деревни,
Кудрявя дымом небеса.
И наплывает сказкой древней
Руси нетленная краса.
Забыв о горестях до срока,
Поверишь в давние века,
Ежель услышишь издалёка
Охрипший голос ямщика.

ЗИМА КРЕПКА

И в древний год, и в новый год
Зима крепка в моей России.
Не от неё ль велик народ? –
Его могучей нет по силе!
Он в православии века,
А значит – духом ближе к Богу.
Врагу, чья память коротка,
Укажет к пропасти дорогу.
Такой взбугрит круговорот
Под клич провьюженной мессии! –
Во вражьих жилах кровь застынет...
И в древний год, и в Новый год
Зима крепка в моей России!

ГРЯДЁТ ФЕВРАЛЬ

Грядёт февраль – мой день рожденья.
На зиму старше стану я.
В лета млады без сожаленья
Менял обжитые края.
И превращалась Волга в Каму,
А Кама – в стынущую Обь.
Во сне я видел степь и маму
Меж разбегающихся троп.
К вершинам звёздным поднимался
Легко, возвышенно, светло.
Под утро вязкое – срывался
В реальность жизни: в ложь и зло.
Тоска по родине далёкой
Мне душу стужила и жгла.
А вьюга кошкой белобокой
Окно промёрзшее скребла,
Под звук шопеновского вальса
Друзей оплакивал своих.
В безвестье долго оставался
Среди безмолвий роковых.
Но всё же ветры отыграли,
Утихомирилась пурга.
Сквозь толщи снега на Урале
Моя проклюнулась строка.
Радкевич, Решетов – поэты
Мне, как сумели, помогли.
Вобрать и мудрости, и света
Неугасающей дали.

Теперь давно уже не молод,
Оповещаю не скорбя:
Меня схватил за горло город,
Не отпускает от себя.
Не страшно мне, ведь за верстами
Клокочет песенная Русь.
Страшнее то, что я с годами
В дороги новые не рвусь.
В кабак иду без сожаленья,
Прискорбных мыслей не тая...
Грядёт февраль – мой день рожденья.
Ни зиму старше стану я.

РАЗДУМЬЕ

Неспешно бреду по угору.
Взирая таёжную даль.
Болезненно-хмурый и хворый
Встречаю за Камой февраль.
Пыхтят и дымят деревушки,
Питая пространство теплом.
И полнят мне душу избушки
Почти позабытом былом:
Летят удалые салазки,
По-лисьи петляет лыжня...
Теперь-то не были, а сказки,
В которых не помнят меня.
Мы здесь проходящие гости,
А гостю – короткие дни.
Давно возлежат на погосте,
Пожалуй, уже полродни.
Чего же февраль мне суровит,
Но старость, конечно, не в счёт.
Шепчу я, насупивши брови:
«С природой слиться влечёт.»

ФЕВРАЛЬ

I

За декабрём январь пуржистый
Беспечно удочки смотал.
Грядёт февраль путём тернистым:
Ершист, сугробист, разудал!
Бог весть, куда тропу направит,
А может в зиму повернёт?
Меня прославит иль ославит,
Или под крылышко возьмёт?
В любых гаданьях прока нету.
Но вот обрадуюсь едва ль,
Когда мой путь по белу свету
Укоротится на февраль.

II

Календарный февраль настоящий,
Как дремучего века февраль,
Навалился пургою бурлящей,
Заморочил заволжскую даль.
Сквозь кипенье метровых сугробов
Проступают дома, как грибы.
Заклубились и взвихрились тропы,
И стихия встаёт на дыбы!
Поднебесье шарахнулось наземь,
А земля – в поднебесье ушла.
С миром нету и призрачной связи –
Вьюга дикая оборвала.
Непонятно столетье какое,

Но страну перепутать едва ль.
Ведь извечно с такою пургою
Лишь в России бывает февраль!

* * *

Последний день февральский прожит.
Ветра едва весной пахнут,
Как деревья от стужной дрожи
Слегка оттаивать начнут.
И на завалинках старухи
Рядком воссядут не впервой,
Осудят власть, вздохнув глубоко:
«Да мы-то, ладно, как-нибудь.
А вот внучатам ясноокиим
Добрей бы надо в жизни путь.»

СНЕЖЕНЬ

Теперь со временем всё реже
Душа нас тянет к старине.
Февраль когда-то звали снежень,
Что соответствует вполне.
Ведь он-то самый снежный месяц:
Пуржист и крут во весь размах!
Не счесть о нём стихов и песен,
Как в древний век о ямщиках.
Но с ними он не канул в Лету,
А в звездолётах в космос мчал
И путешествовал по свету,
И в люльках первенцев качал.
Не обошёл меня вниманьем,
Когда среди шестого дня
В степной заволжской глухомани
Вдохнул поэзию в меня.
Я стал, как ты, суров и нежен,
Будил и пестовал зарю.
Спасибо, друг мой, старый снежень,
По-стариковски говорю.
Меня, как вьюга, жизнь качала,
В низы швыряла и в верхи...
Ах, снежень, ты моё начало:
Рожденье, песня и стихи!

МЕТЕЛЬНАЯ СТРОКА

Крутых снегов нагроможденье.
Метели дерзко рвут покой.
А в душу стих стучит строкой...
Семидесятый день рожденья
Встречаю нынче за рекой.
Меня ни холод, ни сорока
Не могут встретить горьким злом,
Хоть время выцвело былём,
Когда я в полюшке широком
Родился с буйным февралём.
С тех пор, как братья, крепко дружим,
В ладу с весельем и с тоской,
Как с тишиною и с пургой.
Он русским людям служит стужей,
А я – метельною строкой!

* * *

Восток прояснился. Светает.
Проснувшись, вздрогнула метель,
И зачала, как мать седая,
Трясти лохматую кудель.
Холмы, овраги вновь сравнила,
Дворы сподобилась латать.
За комом ком, а всё ей мало...
Но жизнь назад не отмотать.

* * *

Забылась злая стужа,
Снега в овраги сели.
Февраль в ручьях и лужах,
Пригорки облысели.
Не уж-то в самом деле
Пурга уже отпела?..
Под свисты свиристелей
Зима от слёз вспотела.

* * *

Потепление. Слепит солнце.
Льды бугрятся на реке.
А капель звенит в оконце,
Как метафорка в строке.
Воробьи раздухарились,
Шумно радуясь теплу.
Лужи ярко заискрились,
Протянувшись по селу.
В ночь мороз, конечно, слабый.
Дом скликает на пирог.
И давно готовы бабы
Встретить Масленицу в срок!

ЗВОНОК ОТ БРАТА

Брат звонил, что цапли прилетели,
А вокруг снега – ещё лежат.
И не только цапли – от метели
Ивняки, сгорбатившись, дрожат.
На веку погожих вёсен много,
А вот нынче – жаль, не удалась.
Братова неясная тревога
Через голос мне передалась.
Ивняки, как люди, передюжат –
Силу-то питают от земли.
Перед нами отступала стужа
И врага осилить мы смогли.
Это было со времён безвестных.
Не о том веду стихами речь:
Как же цапель, ангелов небесных,
От беды холодной убересть?!

ЛЮБИМЫМ ЖЕНЩИНАМ

Для Вас и цветы, и стихи, и подарки.
Любимые женщины, с праздником Вас!
Чтоб мартовский день и счастливый, и яркий
Для вас, как любовь, никогда не угас!
Вы ласка для нас и высокая нежность.
Для вас, как волшебник, в весенней ночи
Поднимется первый российский подснежник
И первая песня скворцов прозвучит.
Вы наша надежда, от бед исцеленье...
Желаю и в самые злые ветра
Быть пушкинским чудным прекрасным
мгновеньем,
Творителем света, любви и добра!

* * *

Обессилен март, расплакался –
Слёзы выросли в ручьи.
Грач с грачихой раскалялся, –
Видно, речи горячи.
Талый тополь к солнцу тянется.
Милый тополь, удержишь,
За тобою зачинается
Звонко-буйных вёсен жизнь!

ВСПЛЕСКИ АПРЕЛЯ

I

В полдень солнце подогрело –
Обернулся снег ручьём.
Даль проталиной вспотела
И озвучилась грачом.
Повлажнели рвы и кручи,
Зазвенела с крыш капель.
Незаметно март колючий
Переплавился в апрель.

II

Апрель проталинки рассыпал
По чистополью, как веснушки.
От дива этакого липа
Захорошела на опушке.
Пахнула стёжка прелью тонкой,
Былую стужу тихо руша,
Чтоб слышно, как сосулька звонко
Стучится капелькою в душу!

III

Оживил реку апрель –
Льдины затрещали.
Обронила птица трель –
Вербы задышали.
Вроде пропасть до жары,
До посева – тоже,
Но зима в тартарары
Провалилась всё же.

За окном апрель, а не верится –
Двор сугробами полонён,
Да к тому ж вещает метелица
Нам привет из древних времён.
То ямщицким свистом забористым,
То летящей тройкой лихой,
То напевом звонко – задористым
Колокольцами под дугой.
Ах, не тем ли Россия славится,
Наша вечная колыбель?
Неужели на днях переплавится
Мир метельный в чудо-капель?!

СКВОРУШКА

Устали не зная,
Скворушка поёт.
Сторона родная
Трель за трелью пьёт.
Захмелев, как злато,
Дарит людям свет,
Как дарил когда-то
Афанасий Фет.
Ласточки летали
И летят теперь.
Молодеют дали
Сквозь года потерь...
Грудь наполнив светом,
Радостью дышу,
И строкой поэта
Скворушку прошу:
«Пой и в зной и в вихри,
Песнями свети.
Только не охрипни
Посреди пути!»

ПЕРВОМАЙ

Первомай принёс похолоданье
Вовсе не готовясь, не тайком,
А ворвался буйно в мирозданье
Северно-клокастым сквозняком.
Завязал в узлы пруды и реки –
Волны, пенясь, лупят берега.
Как в далёком бородатом веке,
Горбятся от холода луга.
Вроде бы вокруг не пахнет маем.
И не слышно пенье птичьих стай,
Но и всё же люди понимают,
Что в миру черёмуховый май!

* * *

Май до ниточки промок –
Дождь не замолкает.
Хоть бы чутку занемог.
Льёт, не зная края.
Я-то, ладно, как-нибудь, –
Пообсохну в доме.
Но посеву б надо в путь –
Ждёт земля в истоме.
Кой писал стихи, и вот
Прояснилось небо.
Миг – и солнце зацветёт,
Посевная старт возьмёт,
Значит, будет с хлебом!

ОДУВАНЧИКОВЫЙ ЦВЕТ

Сгинул май, как ветер шалый.
Лес накинул полушалок.
Превратился белый свет
В одуванчиковый цвет.
Зацвели поля и доли,
Камышовые подолы,
От версты и до версты
Придорожные кусты.
Никакой вокруг мороки.
Только рвутся в душу строки
Под певучий птичий звон.
Как цветы со всех сторон.
Выход, вдох – и во мгновенье
Родилось стихотворенье!
Мил и люб мне, как рассвет,
Одуванчиковый цвет!

Мы, конечно, встретимся с тобою.
Только льды взбунтуются в реке
И зависнет небо голубое
Романтичным солнцем вдалеке.
К солнцу клён, потягиваясь кроной,
Стаю воробьиною стряхнёт.
Мир зальётся птичьим перезвоном
Без сопровождения, без нот.
Затанцуют яблони с тропею,
С конопатой вербой у плетня...
Мы, конечно, встретимся с тобою,
Но дождись, пожалуйста, меня!

КНИГА ПРИРОДЫ

Я с природой. Только ей подвластен,
У неё учусь я и лечусь.
И к природе в солнце и в ненастье
Из жилища каменного мчусь.
Ведь она и вечность, и реальность,
Книга неземного бытия.
Та, в которой растворилась дальность, —
Растворюсь со временем и я.
Но пока, люблюсь птичьей стаей,
Мне лепечет доброе родник.
Прикоснувшись к вечности, листаю
Самую главнейшую из книг!

СРЕТЕНИЕ

Пришёл на сретенье с природой –
Она чиста и первозданна.
Справляют птицы хороводы
Под лепет ветел долгожданных.
Я незаметно погружаюсь
В её глубины тайн и в броды.
И не понять перед уходом:
То ль я в природе продолжаюсь,
То ли во мне сама природа?!

* * *

Спасибо, природа родная,
Что даришь мне солнце сполна,
Лесная моя и степная,
Ты мне, словно воздух, нужна!
Дышу я тобою и в горе,
И в радость, конечно, дышу.
Волнует мне душу цикорий
И сосен целительных шум.
А песенных ивушек трепет,
А дуба славянского дух?!
В тебе и полесье, и степи,
Как стать и краса молодух!
Даруешь нам солнце, ветра ли –
Ты вечная наша заря.
Не зря ж за тебя умирали,
Любили и жили не зря!

И ЕЩЁ ПРО ВЕТЕР

Разбросав всклокоченные тучи,
Будто ветви ивушек плакучих,
Лопухи, крапиву, камыши
В одночасье ветер взворошил.
На холмы взметнулся, на селенья,
Поразрушил копна и поленья,
Кур загнал, как водится, во хлев.
От разгула юно захмелев,
Лихо взял молодушек в объятья,
Завернув метущиеся платья.
Не попал в скандально-сладкий плен –
Проскользнул на волю меж колен.
И помчал взволнованно по свету,
Как возможно только лишь поэту:
Жить и петь, презревши боль и страх,
Не лукавя в собственных стихах!

ПОСИДЕЛКИ

Под вечер время очень нравится,
Волнуя, радует меня,
Когда ядрёные красавицы
Садятся дружно у плетня,
Чтоб повести итоги дня.
Одна другой грудастей, краше,
Задорней, радужней, милей.
Не то что пушкинские Маши,
А эти – зореньки светлей,
Озёрной лилии белей!
Не знаю, что они лепечут,
До них мне дела вроде нет,
Но вот без них, красавиц вечных.
Как восклицал былой поэт:
«Бледнее стал бы дивный свет!»

* * *

Зацепившись, полумесяц
Закачался на дубу.
Освещает миру веси,
Как дома и городьбу.
Чтоб никто не заблудился,
Пел бы песни, как сверчок.
Чтоб с пути никто не сбился,
А домою в срок явился
К милой жёнке под бочок!

* * *

В круговерти серых буден,
В круговерти праздных дат
Позабыл крутые груди,
Что влекли, как вешний сад.
Не вернуть тепла бывшего –
Холод выстудил давно,
Как почти немое слово
Довоенного кино.

* * *

Морозы откалякали.
Метель в долгу слегла.
Сосульки с крыш заплакали.
Оттаяла ветла.
Ручьи, буравя пажити,
Торопятся к реке,
Где лёд, дробясь, куражится
На вешнем сквозняке.
А в сёлах на заваленках,
Как стих строка к строке,
Сидят в платочках аленьких
Старушки разудаленьки,
Как куры на шестке!

БЕРУСЬ Я СНОВА ЗА СТИХИ

Наверно, хватит со стихами,
Насочинял в избытке их.
А как тут быть, когда на Каме
Открылся пляж. И день, и миг,
Как стаи чаек легкокрылых,
Бурлит в купальниках цветных!
Я не хочу, а ноги сами
Туда на крылышках несут
Над поездами, над лесами.
И вот он радужный уют:
С картин сошедши диво-девы,
Качая бёдрами, снуют.
Любуясь и чаруясь ими,
И, прислонясь к ветвям ольхи,
Как к знойной женщине любимой,
Не знавшей прошлые грехи,
Светло, по-юношески смело
Берусь я снова за стихи!

ПЛЯЖНЫЕ ЭТЮДЫ

I

На пляже солнечно и ярко.
Песок от зноя пропотел.
А я чуть-чуть помолодел –
Мне по-мужицки стало жарко
От шоколадных женских тел!

II

Вовсе зря отказалась
Поехать на пляж.
Там вполне загаралось
Под чудный пейзаж.
Речка резко клубилась
От женщин нагих.
Ты бы там задымилась
От взглядов мужских!

III

Пляж пустеет. Вечер.
Светы испарились.
Платьица на плечи –
Девы растворились.
Из души, как пенье,
Вслед стихотворенье
Рвётся ввысь, как птица...
Может на мгновенье
Молодость приснится?!

ЯРОСЛАВА

Ярославе Сафоновой

Зацвели проталинами дали,
Залила полгоризонта синь...
Ярославой девочку назвали,
Так издревле звали на Руси.
Ярослава, славущка родная,
Нет на свете имени светлей.
Родина склонилась напевая,
Над кроваткой крохотной твоей.
Песнею баюкает и лаской.
Чтобы ты счастливою росла:
Верила в бессмертье русской сказки
И не знала горести и зла.
Грянет день двухтысячного года,
Всполошит черёмуха сады,
У ветлы из дальнего похода
Встретишь князя, радостная, ты.
Встретишь князя – искренно полюбишь
Под ночную россыпь соловья.
Грянет день – и князя приголубишь,
Как славянка древняя твоя.
Станут вам дороже и дубравы,
И луга, и реки, и цветы,
Ведь не зря в российских Ярославах
Испокон славянские черты!
Для любви, для верности, для славы
Это имя с гордостью неси,
Чтобы вечно жили Ярославы
На великой праведной Руси!

Травы сникшие киснут в низине,
Лес листвою устал шевелить.
Что ж ты, осень, торопишься ныне
Бабье лето дождями залить?
Мужиков не жалеешь? – Не надо,
Ну а женщин, прошу, пожалей.
Знай, что женщина в мире – награда,
Мать божья лесов и полей!
Ей бессмертье дарует природа
За рожденье детей на земле.
Ты ж с природой единого рода,
Отчего ж покоряешься мгле?
Разорви чёрно-тучные светлы,
Что висят от зари до зари.
Хоть бы капельку бабьего лета
На мгновенье, но всё ж подари!

ОНА

В очах смеются астры,
А с ними – небосвод.
Не груди, а богатство
За пазухой несёт.
Впиваюсь знойным взглядом,
Колючим, как стерня.
Она ж проходит рядом,
Не глядя на меня.
Хмелею в самом деле –
Она всему виной.
Своё богатство делит...
Ах, жаль, что не со мной!

ЕЛЕНА

Купалась в озере Елена
Не дева – сущая краса.
Плескалась ярко, вдохновенно...
А не таких ли, как Елена
Писал Брюллов и Энгр писал?!
Она, пlying, волну ласкала,
А может быть её – волна?
Пред ней на цыпочки вставала –
От камыша до краснотала –
Природа, полная вина.
Пьянело солнце с неба пляясь,
Не зрило знойнее чела.
И к совершенству прикасалось.
А комарё – кусать стеснялось,
Когда нагой Елена шла.

НА РЕКЕ

Тиха погода и светла.
Тропа к речушке привела.
Халат распластан на песке,
Девница плещется в реке.
«Ну, как водица, холодна? –
Да нет.» – ответила она.
Когда явилась предо мной
Полураздетой, неземной,
Я ошалело поспешил:
«Да вы безумно хороши!»
Потом ещё в один момент
Подкинул жаркий комплемент.
«Я знаю!» выдохла тепло,
Халат набросив на чело.
Скользнув улыбкою слегка,
Отрезав коротко: «Пока!»
И понял я, ну что ж, пока..
Чего ж ей ждать от старика?..

Разнотравье. Густолесье.
Птицы вечные поют.
И Купринские Олеси
Из речных глубин встают.
По-русалочки игриво,
Русы косы распустив,
И себя несут, как диво,
Превратив реальность в миф.
Утопаю в мифе этом,
А, наверно, утону.
Что там я, когда от лета
Целомудренного света
Вся Вселенная в плену!

В ТЁПЛЫЙ ДОЖДЬ

Тёплый дождь ромашки метит,
Метит галок и сорок.
Ворошит рябины ветер
У просёлочных дорог.
Пьёт дожди ржаное поле,
Пьёт цветастый травостой.
И пространство дышит волей,
Древне-русской и младой.
На земле в избытке света,
Пусть и мокрого слегка,
Но задиристое лето
Топит в лужах облака.
Миром благостным объятый
Отчий край в начале дня...
В дождик тёплый, как маслята,
Вырастает ребетня!

* * *

Зелёными шапками вётлы
Разбросаны спешно вокруг,
Где рядом в косыночках жёлтых
Купавами высвечен луг.
Очами коснёшься купавок –
И вмиг улетучится грусть:
В душе зашевелиятся травы
И песней откликнется Русь!

* * *

Шиповник цветёт на угоре,
А спустишься вниз, то узришь:
Лихой синеглазый цикорий
Волнует и радует тишь.
Вдохнёшь – и наполнишься зноем,
Который нельзя позабыть.
Поверишь, что поле родное
Не сможешь из сердца избыть!

СУХОВЕЙ

Вокруг простор необозримый –
Шумит волнующий кипрей.
И облака проносит мимо,
Жарой пропахший, суховой.
Предела нет его границам –
Велик бунтующий размах.
Таятся, прячась, божьи птицы
В тени деревьев на прудах,
Чтоб переждать в стихии сушу,
Не задохнуться в мире им...
Мне суховой тревожит душу
Воспоминанием былым:
Отец и мать прожжённые зноем,
Что от рубах и пот, и дым,
Серпами жнут жнивье ржаное,
Чтоб выжить нам, чтоб выжить им.
А хлеб ржаной – дороже злата,
В жестокий холод с ним теплей.
Володька старший саламатой
Встречал родителей с полей.
И мать, молясь, шепнёт иконке:
«Спаси, господь, и сохрани.»
Поклон отдаст родной сторонке,
Что продолжает наши дни...
Ушли родные друг за другом.
Воспоминанье сжёт кипрей.
И заросла травой округа,
И оборвался суховой.

* * *

В полдень солнце даль парило.
Снасть для мух пауков вершил.
А потом засентябрило,
Ветер тучки взворошил.
Следом как-то безголосо
Дождь явился: прыг да скок.
Кинул в травы капель россыпь,
И пустился наутёк.
Мимо рощицы кленовой,
Мимо лодки, что в реке
Возвращался трижды снова,
Но опять накоротке.
Что ж ты, дождик, неумело
Наследил и то слегка?
А сорока проскрипела:
– «Репетиция пока!»

* * *

Купол неба сер и мглист –
Не отмоешь в Каме.
Пал с берёзы первый лист,
Как о лете память...
Пожелтело, зацвело,
Стало грустно и светло
У природы в Храме.

В ночь жара немного спала.
За звездой зажглась звезда.
От росы свежее стало,
Хмель завис, как провода.
Заглядевшись, месяц ушком
Зацепился за камыш.
Прошуршала мышь-норушка,
Да на то она и мышь.
Светлячками поперхнулся
Родничок, за ним ольха.
Но чтоб мир ночной проснулся,
Надо выждать петуха!

Ночь прокалывают звёзды
Светоносною иглой.
Рассыпают искры-брызги
Над летящею землёй.
И послушную рукою
Только чуть безмолвье тронь,
Как прожжёт простор, как душу,
Божьей милости огонь.

ТЕНИ

Полнолуние. Звездасто.
Полночь дышит сосняком.
Одиноко и клокасто
Тени ползают тайком.
То по межам огородным,
Прижимаясь к городьбе,
То поднимутся свободно
К засыпающей трубе.
Не задумавшись, оттуда
Сквозь подмокшую листву
Нестареющей остудой
Канут в росную траву.

БЛАГОДАРЕНИЕ

После зноя ливень беспросветный
Молниями высь перекрестил.
Да грома по жести прокатил
И ударил! Только в час рассветный
Буйные деянья укротил.
Встали в рост хлеба, цветы и травы,
Закипели птичьи голоса.
Всколыхнувшись, ожили леса.
И земли зелёная держава
Потянулась в божьи небеса.
Смело, жизнелюбо, светоносно
Не затем, чтоб птицей воспарить,
А затем, чтоб радость сотворить
За спасенье от жары несносной
Господа Христа благодарить!

ПЕРЕМИРИЕ

Дождь утих, и, слава богу,
Вновь природа ожила.
Цапля, взвившись по-над логом,
На болото курс взяла
Стрекоза подсуетилась,
Подневестилась слегка,
На кувшинку примостилась,
Поджидая жука.
Только жук не поспешает –
Целомудрие блюдёт.
Может бабочка мешает,
Может сам подругу ждёт?
Не узнать, да и не надо –
Правду знают тростники.
А труду, как солнцу, рады
Муравьи да пауки.
Мир закончил с непогодой –
Пчёлы в ульи носят мёд.
Дождь, пожалуй, не придёт,
Если радуга с природой
Перемирие ведёт!

У ДУБА

«Среди долина ровная...»

А. Мерзляков

I

Такое же синее небо,
Такой же простор обозрим.
Три лета у дуба я не был.
А нынче – стою перед ним.
Как прежде, он, кроны развесив,
За коршуном тянется впрок.
Вобрав антологии песен,
Вобрав антологии строк.
Певцы из Руси родниковой,
Его восславляя, поют.
Былые стихи Мерзлякова
Покоя душе не дают.

II

Поздзадержусь в пути возможно.
Когда вернусь? – откуда знать.
Встречай меня, природа – мать,
Погодой радужной и сложной,
Могучит дубом Мерзляковским,
Степным именем Толстовским –
Твоих красот не занимать!
Я разгоню тоску и тучи,
Взъероша волнами покой,
Привешу солнце над рекой.

Но прежде чем тебя озвучить,
Стрижами взмою из-под кручи.
Переживу, очеловечу,
Как говорят, ещё не вечер,
Ещё порадуя строкой!

* * *

Гуляет солнце – день отличный!
Брожу ромашковой тропой.
В лесу пьянящий дух клубничный,
Клубникой дышит травостой.
Природа – храм, а я во Храме
Светло и праведно молюсь
За дивный день, за дом, за Русь.
И верю, с новыми стихами
Из Храма божьего вернусь!

Замер лес. Природа тоже,
Если ветер замолчал.
И рыбак, почти пригожий,
Плот поставил на причал.
Лучше удочку закину
На серёточку реки.
Сразу вявь, а не в былину
Затанцуют поплавки.
Встанут лилии, кувшинки –
Взор созвучный в тишине.
Древней песней камышинки
Закачаются во мне.
И подхватит песню ветер,
Оттолкнувшись от реки...
Бог прости, что не заметил,
Как заснули поплавки.

ПЕСЕННЫЕ ВЕСТИ

I

Зной угас. Похолодало.
Туча треснула по швам.
И зашлёпал разудало
Крупный дождь по деревьям.
Птицы смолкли на мгновенье –
Спрятал певчих отчий кров,
Чтоб набраться вдохновенья
До свиридовских хоров!

II

Просветлело. Холод сгинул.
Пар над речкой за клубил.
Придорожную рябину
Облепили воробьи.
Тишина разбилась в клочья –
Обронил рыбак весло.
В мир, как выдох между строчек,
Солнце жизнью потекло!

III

Какой прекрасный день!
Над миром солнце властвует,
В селе плетни грабастает
Кустистая сирень.
Взгляни: и там, и тут
Акация и лютики,
Камыш и даже пруттики,

Как радуги цветут!
Полынный край степной
Поэзией Некрасова,
Пейзажами Саврасова,
Встаёт передо мной!
Как чайка над рекой,
Взмываю я и падаю –
И хочется обрадовать
Кого-нибудь строкой!

IV

Белый свет зелёный стал,
А потом – цветастым.
Ветр причёсывать устал
Леса чуб вихрастый.
И в бессилии упал
С тишиною вместе.
Но в блокнот мне передал
Песенные вести!

* * *

С утра уйду в широко поле.
В хлеба, как в речку, окунусь.
И, захмелев от синей воли,
Кольцовско-выстраданной доли,
Воскресну к вечеру во поле,
Домою с песнями вернусь,
Чтоб продолжать святую Русь!

* * *

Дымясь июльской жарой,
Упал, как чайка, с кручи в реку.
А что ещё в смертельный зной
Желать счастливей человеку?
Волной играя, ряску рву,
Соединяя быль и небыль,
Легко по вечности плыву,
Мешая речку с божьим небом!

Раскраснелось поле –
Клевера цветут!
А над ними небо
Коршуны стригут.
И теряют в травы
Перья-облака,
Как теряли в прошлом
В древние века.
Ни конца, ни края
Мирозданию нет.
Сохрани нам, Боже,
Добрым белый свет!

* * *

Кустарник, репейник, ветла.
Корова в ручье попила,
Репьи на боку принесла...
Не выдумка то, не мираж,
А кровный и праведный наш
Славяно-родимый пейзаж!

* * *

Не манят вдаль чужие страны,
Мне чужд их лающий язык.
Я к своему на зорьке ранней,
Как к роднику, душой приник.
Не променяю на мгновенье –
Других же хаять не берусь.
Во мне клокочет вдохновенье,
Когда поёт и плачет Русь!

ЦАПЛИ

I

Я цаплям, видимо, по нраву,
Да и они по нраву мне.
Одни мы в жизни любим травы,
Кувшинки, лилии, купавы,
Камыш в озерной тишине!
Дивитесь радугой в полёте,
А красотой земной – вдвойне!
Живёте вольно, гнёзда вьёте
И наблюдения ведете,
Когда сидите на сосне.
Я отдыхаю вместе с вами,
К сосне прижавшись иль к ветле.
Вы возвышаетесь крылами,
А я удачными стихами,
Но тяга общая – к земле!

II

Раздвинув ветви, пруд открылся.
И цапли вмиг взлетели ввысь.
Их путь за лесом растворился –
И шумы крыл оборвались.
Простите, ангельские птицы,
Что я разрушил ваш покой,
Что вами смог я удивиться
И прикоснуться к вам строкой.
Вы здесь в гостях – я тоже вроде,
И путь наш также крут и дюж.

Давно родня мы по природе –
Одна крылатость наших душ!

III

Отскрипела ветла – старуха.
С кручи рухнула в сонный пруд.
Волны в берег уткнулись глухо,
Лягушачий взорвав уют.
Цапля рухнула лихо в небо
Из дрожащего камыша.
То не цапля уплыла в небыль,
А старухи-ветлы душа.

IV

Раскинув крылья-паруса,
Взвалив на спину небеса,
Зависла цапля над болотом.
Направлен острый взгляд её
На земливолие своё,
Как видится оно с полёта,
За цаплей медленно слежу,
Как будто рядом с ней кружу
В большом вселенском огороде,
И шлю приветствие стрижу,
Косуле, белке и ежу...
И во мгновенье нахожу
Я что-то новое в природе!

ВОРОБЕЙ

День не в шутку раздождился –
Даже стало холодать.
Я под липой приютился,
Чтобы дождик переждать.
Думал я один спасаюсь,
Но взглянул, а средь ветвей
Надо мной с куста свисает
Сероглазый воробей.
Я боюсь пошевелиться:
Не спугнуть бы воробья.
Он, видать, меня боится,
Хвостик-кроху тербя.
Ах, ты, птаха неземная! –
Приласкать хотел его.
Да язык, увы, не знаю –
Он не знает моего.
Время Пришвиным заняться ...
Он молчит и я молчу.
И не хочет расставаться –
Я ведь тоже не хочу!
Только тучи опустели,
Дождь рассеялся как дым,
С воробьём мы разлетелись –
Он к своим, а я к своим!

До срока поле в проседи и в охре.
А ведь июль всего-то на земле.
Кузнечики от зноя пересохли,
Речушка прижимается к ветле.
В безводье стаи уток сиротеют —
Не улететь заранее на юг.
И пережить придется суховеи,
И смерти верноподданных подруг.
Ведь Родину, как мать, не выбирают,
Сказал когда-то признанный поэт,
А в ней живут, творят и умирают,
И снова нарождаются на свет!

* * *

Волну за волною швыряет река,
Круша и утюжа свои берега,
С волнами, а выброс вольней и мощней, –
Зелёные щупальцы трав и корней.
Крылами касаясь чубов тростника,
Небесные чайки клюют облака.
Проходят столетья, проходят века,
За ними плывёт, как бессмертье, река.

* * *

Молча удочки смотали,
Потеряли время зря.
Ни плотвички не поймали,
Ни худого пескаря.
Нас покинула удача,
Стыд какой-то, боже мой,
Меж кустами, чуть не плача,
Пробираемся домой.
Не увидели б соседи,
А увидят – засмеют.
Поскорей бы, как наседок,
Спрятать удочки в закут.
А не то – бабуся Тоня,
Как сорока на колу,
Растрешит и растрезвонит
Про уловы по селу!

РЫБАКИ

Пару дней среди июля
Дуют студные ветра.
Рыбаки дела свернули –
Души греют у костра.
И, по стопке пропуская,
Вспоминают прежний лов.
Каждый знает: в Пермском крае
Был когда-то дивный клёв!
Устилили берег Камы
И, конечно, не впервой,
Грузной щукой, судаками,
Окунями и плотвой.
Это праздник настоящий,
Не придумано – лихой.
Нет на свете пира слаще,
Чем со сложною ухой!..
Рыбаки повспоминали,
Да иссяк запас хмельной.
Молча удочки смотали
И направились домой.
Но друг другу дали слово,
Чтоб умаслить Маш да Зин,
Порешить дела с уловом
Через рыбный магазин!

МЕЧТА

В ночи светился млечный путь салютом.
С утра мечтал отправиться в поход.
Но лишь едва проклюнулся восход,
Как все мечты мне ветер перепутал.
Взъерошил многотучьем небосвод.
И зачастил промозглый дождь по крыше,
По стёжкам, по деревьям зачастил.
Не только сам на улицу не вышел,
Но и кота Семёна не пустил.
Пускай сидит мурлыка мой хороший
На стуле у хозяйского стола,
Забыв про воробьиные дела...
И мать моя любила, помню, кошек,
Ведь с детства сиротинушкой росла.
Бывало, мне рассказывая, плачет:
«Отец на фронте, мать в сырой земле.
От горькой доли мачеха во зле.
А мне пришлось и нянчить, и батрачить
В своём хозяйстве и в чужом селе.
За мелкие погрешности возжами
Меня хлестала вдоль и поперёк –
Преподавала мачеха урок.
А кошка в ночь ко мне, жалея, жалась –
Шуршал её чуть слышный говорок.
Наверное, о маме... засыпая,
Мне было и спокойно, и тепло...»
Промозглый дождь затих. Опять светло.
Рассказ, как голос матери, растаял.

И солнцем занавесилось село.
Немедля, разбудил кота Семёна,
Поспать, как рыбу, любит смачно кот.
Мы, пробираясь, вышли из ворот.
Кругом ручьи буянили со звоном.
А что, Семён, отправился в поход?!

Почти не бывает
Дождей затяжных
Особенно летом,
В июле тем более,
Когда средь полей
Травянисто-ржаных
Страда подтверждается
Русскою волею.
До солнца оратай
Выходит в поля.
В работе, как воин,
В косьбе забывается.
А в полночь во сне
Не смолкает земля,
Которая шаром земным
Называется.
Родился и жил я
В просторах степных.
Склоняю главу
Пред крестьянскою долею...
Почти не бывает
Дождей затяжных
Особенно летом,
В июле тем более.

Небесный свод, взвалив на плечи тучи,
Как стог ржаной, и в бездну поволок.
А лес, безбрежье шапок нахлобучив,
В природе ждёт лихой переполох.
Не беспредельны силы небосвода –
Не удержался, рухнул стог ржаной.
И зашумели, взбунтовавшись воды,
Безжалостно пластая шар земной...
Не поддавайся, друг мой, непогоде,
Её душой и разумом прими:
Не может быть согласия в природе,
Когда согласия нету меж людьми!

МЕСЯЦ

Зацепился за корягу
Месяц рогом золотым.
И повис по-над оврагом
От кустарников густым.
И вертелся, и метался,
Пережил и боль, и страх.
Чуть с коряги не сорвался
В бездно-дышащий овраг.
К счастью, с жизнью не простился
До господнего утра.
Даже он, рогатый месяц,
Знает, чтоб свободным быть,
То не хватит в мире песен –
Надо золотом платить!

* * *

Озеро натягивает ряску,
Закрывают лилии глаза.
Звёздочки озвучивают сказку,
Выпадает первая роса.
Травы прибодрились и привстали,
Восхищаясь музыкой словес.
Светлячки в округе засверкали –
Задышал ночью жизнью лес!

ВДОХНОВЕНЬЕ НА ПРУДУ

Рядом с дубом мне по нраву
Небольшой, но ёмкий пруд.
Берег кутается в травах,
Не полог он и не крут.
А букашки, как веснушки,
Рассыпают на тростник.
Есть и рыба, и лягушки,
Ну а как же тут без них!
От полётов отдыхают
Утки, ястребы, стрижи.
Но недавно тишь взрывая,
В пруд нагрянули ужи.
Заиграла солнцелико,
Закурчавилась вода,
Закричала диким криком
Вся лягушечья орда.
Но смиренная природа,
Не ответив на беду,
Дарит мне, слуге народа,
Вдохновение на пруду!

Умерший тополь рухнул на рассвете
С обрыва в полусонную реку.
Никто вокруг не только не заметил,
Но даже не взгрустнул по старику.
А жизнь его когда-то не скрипела,
А пела и во мгле, и на свету.
Река, приняв безжизненное тело,
Обмыла – и к незрячему кресту.
К незрячему, но тихо и смиренно
Молитву прошептала камышом
И закачала в волнах мир не бранный,
Пускай и не великий, не большой.

АВГУСТ

Приходит август, а река,
Как встарь, светла и глубока.
Кусты кувшинок там и тут
Не отцветают, а цветут!
И в поле травы зелены
На все четыре стороны.
Рассветы здравицы поют,
Кругами цапли небо пьют.
Волна, взрывая небосвод,
Как солнце, к вечности плывёт.
Не веря в августа приход,
Свершает ласточка полёт.
Чем дольше, милая, кружись,
Тем продолжительнее жизнь!

УРАГАН

Превратился ветер в ураган –
Лес взорвался, вскрикнул, застонал.
Да не унимался интриган,
С новой силой, будто в океан,
Кинул в лес девято-буйный вал!
Вновь, треща, метались деревья –
Корни их держали, как могли.
Но всему предел – рвалась листва,
Корни отрывались от земли.
Падали, как люди, деревья,
Не спиной к врагу, а головой,
Хоть была и сила велика!
Жаль, что не двужильная пока.
Покидая вечный шар земной,
Уносили горсть земли родной –
Как бывало в битве мировой!

Когда разрываются тучи
От молний кинжальных и гроз,
А ветер от древности злочий
Сдирает и тучи до кручи,
И платица с юных берёз.
Бессильны здесь плачи и речи,
В молитве живёшь иль во зле,
Природа нам вечное шепчет,
Что сила небесная крепче
Той силы, что есть на земле!

ЗЕЛЁНЫЙ АВГУСТ

Месяц август, а степь зелена
В разнотравье густых паутинок.
Пруд не тучами выцвел до дна,
А певучею солнечной синью.
Мир пернатый звенит и поёт,
Неизвестность крылами листая.
Как стремителен ласточек лёт! –
Метит в небо, а в стих попадает.
И, конечно, возня мотылька
Душу радужной краскою полнит.
Всё забудется, только строка
Степь и август зелёный напомним!

ПТИЦАМ В ПОЛЁТ

Грачами, утками, стрижами
Полнеет неба синева.
И птиц, в дорогу провожая,
Шепчу заветные слова:
Не бойтесь бурь и гроз в полёте,
Дождя, что хлещет вас плетью,
Но свято знайте, что в полёте
Сбивает нелюдь самолёты,
И даже с мирными людьми.

* * *

Свалилась туча за угор.
И от дождя освободилась.
И снова синим стал простор,
И поле песней пробудилось.
Когда крылатые ветра
Хлеба и травы закачали.
И вновь мажор слетел с пера,
Как будто не было печали!

* * *

Прижавшись к старому плетню,
Берёза сохнет на корню.
Ни ветер, ни дождик-водолей –
Никто помочь не сможет ей.
Теперь она, как человек,
Земной заканчивает век.
Одно ей хочется зело:
Отдать последнее тепло.

ПРАЗДНИК

День святых Бориса, Глеба,
Празднуй, русская земля!
Солнце льёт лучины с неба,
Житом вызрели поля!
Веселись за чаркой, пахарь,
Песни пой и стар, и юн,
И не знай ни зла, ни страха, –
Защитит тебя Перун!
А Перун – посланец неба,
Дарит нам в избытке хлеба,
Охраняючи поля...
День святых Бориса, Глеба,
Празднуй, русская земля!

Ещё кузнечики стрекочут,
Точней скрипят, как я пою.
Ещё паук в траве хлопочет,
Для мух готовит снасть свою.
Высоко в небе птицы кружат,
Крылами тучи теребя.
Испить водицы в гости лужа
Глазами кличет воробья.
О, люди, люди, славьте лето,
Купаясь в солнечной реке,
Совсем не думайте об этом,
Что с вами будет вдалеке.
А осень вовсе ждать не надо —
Она сама в дома придёт.
И разноцветным листопадом
В леса грибные позовёт.

* * *

Сидит. Папироска дымится,
В глазах непонятный укор.
Над теми, другими глумится –
Не клеется с ним разговор.
Мне молвит он, как говорится:
«Зачем огород городить,
Теперь бы и жить, да трудиться,
Но в землю пора уходить...»
Да брось ты на бога гневиться,
Умерь же свой страх, человек!..
А бабочка, глянь, веселится,
Хоть короток бабочки век!..

* * *

Стадо пропылило.
Снова тишь легла.
Задышала влагой
Бабушка-ветла.
Скоро звёзды вспыхнут.
И в ночной туман
Предо мною встанет
Суриков Иван.
О крестьянском детстве
Речи поведёт.
А к рассвету – точно
С Пушкиным сведёт!

КУКУШКИ

Сплошная синь. Ни пятнышка на небе –
Намёка даже нет на облака.
Слетают птицы в солнечную небыль,
Как в мир слетали в древние века.
Зегзицы в прошлом, а теперь - кукушки
Подсчитывали годы, не тая.
Тогда ещё не жил на свете Пушкин,
Не умирала Родина моя.
Не разрывали вороги границы
Под смертоносный выдох сквозняка...
Да где же вы, премудрые зегзицы,
Вернитесь снова к нам издалека.
Отбросив к чёрту в пропасть бесконечье,
И накукуйте, хоть в начале дня.
Не годы жить моей Руси, а вечность
Без крови, без терактов, без огня.
И не забудьте, птицы, про меня!..

Ещё один рассвет встречаю
На родине степной.
А ветер медленно качает
Берёзовой листвою.
И тонут яблони и сливы
Последние дары,
Желая мне дорог счастливых
До будущей поры.
А будет та пора? Не знаю,
Её не угадать.
Календарей я не листаю –
Состарился, видать.
Мы все ведь топчемся под Богом
Всегда готовым будь.
Зовёт дорога – так дорога,
А есть последний путь.
Конечно, будет он печальным
На родине степной...
А ветер медленно качает
Берёзовой листвою.

В осенние ромашки
Поистине влюблён.
Они, хоть запоздашки,
От лета шлют поклон.
Бывая за рекою,
Пленит ромашек свет.
Я радуюсь, не скрою,
Когда несу букет.
Лучист, разноголосен –
Забуду, что грустил...
Принёс домой не осень,
А лето возвратил!

Изба покосилась, едва лишь стоит,
На столб опираясь, как дед-инвалид.
Костыль убери – окровавит траву,
Окажется в древне-оплаканном рву.
На свете, как видно, одна круговерть:
За жизнью торопится шествовать смерть.
А если попроще: наверно, судьба –
Уходит хозяин, а следом – изба.

ДВОРНЯГА

Всколокочены тучами сплошь небеса.
Дожди без умолку полощут просторы.
Хороший хозяин не выгонит пса
В такую сквозяще-простудную пору.
А я, доброволец, иду не спеша,
Куда торопиться, коль вымок до нитки.
И жаль, что не взял ни зонта, ни плаща,
И даже обычной болоньей накидки.
Теперь-то, конечно жалеть ни к чему,
Не важно, какая на свете погода,
Когда одиноко дворняга в доме
Живёт без хозяина около года.
Хозяина ждёт. Не будет его.
А если и я, не дай господи, слягу?
Проснётся дворняга – вокруг никого.
Но кто же накормит тогда бедолагу?..

Осень уже на пороге –
Виден вживую приход:
Лужи да грязь на дороге,
Много в хозяйстве хлопот.
Выкопать надо картошку,
Курам подладить шесток.
Сено сложить не в копёшку,
Лучше, как принято в стог,
Чтобы Косуля корова,
Марта иль Зорька потом
Свету хозяйюшку снова
Радовала молоком.
Будет и солнце, и просинь
Высветят речку до дна.
Можно тогда и за осень
Выпить по кружке вина!

* * *

Сухостой под ногами хрустит,
А тропинка – в лесу заплуталась.
Лес без листьев, как баба, грустит,
Что без мужа до срока осталась.
Ничего не поправить. Молчи:
Размышляй, философствуй, кумекай.
Почему улетаая, грачи
За собой не зовут человека?..
Маг и знахарь и Мессинг былой,
Отметая ответов беремья,
Нам сказали б, качнув головой:
«Значит, время пришло, значит, время...»

* * *

Дорога длинная, но коль пройдёшь,
Она, как миг, становится короткой.
Ни правда не спасёт, ни злая ложь,
Не удлинить её горючей водкой.
На божий храм в молчанье помолись,
Прости себя за глупую беспечность,
Как истинный философ умились,
Что впереди страдающая вечность!

ГРИБЫ

Я грибы мечтаю не на рынке
У торговок бойких покупать,
А, как предки наши по старинке, –
Самому в лесу пособирать.
Да не только лесом насладиться,
Думаю, что всё-таки главней
Лишний раз землице поклониться,
Что дороже нету и родней!

ПРОСЕКИ

Иду неспешно я по просеке,
Вокруг бросая острый взгляд.
Спасибо вам, благие сосенки,
Что столько дали мне маслят!
Был восхищён я дивным жаревом
Под виноградное вино.
Родных жарёхою одаривал, –
Но это было так давно!..
Теперь ни жарева, ни просеки.
Иду всё той же стороной,
Но грусти нету никакой.
А время дивное и просеки
Всегда останутся со мной!

ЯБЛОНИ

Сажали яблони когда-то
Мы много-много лет назад.
Теперь едва ли вспомнишь даты,
Но цвёл наш яблоневый сад!
Всесвято садом дорожили –
Любви к нему не занимать!
Тогда ещё на свете жили
Отец и праведная мать.
Семейство наше было в силе,
А силу брали от земли.
Водой живою сад поили,
От стужи дикой берегли.
А яблок столько собирали –
И нам хватало и родне.
Дороже нет и горше дали,
Чем даль в заволжской стороне.
Но годы шли, рыжая в охре,
И сиротел родной уют.
Десяток яблоней усохли,
А две – по-прежнему живут!
И тянут к нам упрямо ветви,
Плодами угощая нас.
И возвращают снова в детство,
В румяно-августовский спас.
Отбросив жизни перегуды,
Стою, прижавшись к городье:
И сад, и яблоко в судьбе...
Наверно, мать с отцом оттуда
Напоминают о себе!

МОЛОДИЛЬНЫЕ ЯБЛОКИ

Дождавшись полного рассвета,
Прошёл по тропочке босой.
И пару крупных яблок с веток
Сорвал и съел, запив росой!
Прогревшись первыми лучами,
Я провалился в кучу дел.
Забыв про хвори и печали,
Не смог заметить поначалу,
Как в старость вдруг помолодел!
Я понял, что молва права,
И птицы пели, птицыплыли...
Что сказка русская жива,
А значит яблоки – то были
Из молодильных эти два!

Был жуткий зной и крупный ливень,
И вихрь вершил круговорот.
Но встал, как яблони и сливы, —
Не пал в стихии огород.
Не только встал, а урожаем
Округу напрочь поразил.
Хозяин погреб загружая,
Сказал: «Такого урожая
В избытке нам на пару зим!»
Бахчи, картошка, тыква, сливы —
Вполне довольные жильём.
Теперь политиков блудливых,
Как саботажников крикливых,
Наверняка переживём!

Бездарной прессой душу не тревожь.
Живи и наслаждайся огородом.
Протянешь руку – яблоко сорвёшь,
Другую руку – сливу даст природа.
Захочешь – и рябиновки налей,
И повод есть – весьма неоспоримый,
Пятидесяти пятый юбилей
Грядёт на днях племяннице любимой!
Один, второй бокалы пью до дна –
Теперь на свете я вполне счастливый!
Тупая пресса вовсе не нужна.
И пью очередной бокал вина,
Закусывая солнечною сливой!

ПЛЕМЯННИЦЕ ЛЮБАШЕ

Л.В. Нижегородовой

Не считаю августы твои.
Ты сама, коль надо, сосчитаешь.
При подсчёте горя не таи –
Пусть его уносят птичьи стаи.
Далеко за горы и леса,
Где таится вечное безвестье.
А в тебе – звучали б голоса
Радости, что дарит поднебесье.
Святость и величие вкушай,
Добрым людям истинно любима.
Пусть твоя, благую жизнь верша,
Августами полнится душа,
Верую и Господом хранима!

Степь и зной. Полынь. А коршун
Ходит кругом в синей мгле.
Для меня родней и горше
Нету края на земле.
Здесь родился и крестился,
Здесь родители лежат.
Здесь я в девушку влюбился,
Научился петь и жать.
Отчего ж на сердце горько? –
Прям ответ, хотя не прост:
Превратила перестройка
Край родной в сплошной погост.
Властный царь, презрев науки,
Встал, как скажем, у руля.
И пошла в чужие руки
Древнерусская земля.
Стонут люди, стонет коршун,
Стонет степь в кромешной мгле...
Для меня родней и горше
Нету края на земле.

Сёла и деревни опочили,
Степи задохнулись в сорняке.
Школы, институты разучились
Говорить на русском языке.
Что же вы, враги – образованцы,
Продались загранке ни за грош? –
Подлые болонские засланцы
Убивают нашу молодёжь.
Первыми когда-то в мире были –
Мир учился классике у нас.
Пушкина и Гоголя любили,
Возносясь в ученьях на Парнас!
А теперь в учебниках от злости
Стая ЕГЭушников поёт.
Ребятне какой-то евро-Остер
Вредные советы выдаёт.
Если это будет продолжаться,
То, я думаю, нагрянет год –
От пророчеств нам не удержаться –
Прекратит безмолствовать народ!

Я был в вертепе и во храме,
Богато нежил – бедно жил.
За то природой дорожил.
Но жаль мне тех, кто со стихами
Не дружит вовсе, не дружил.
А значит, родину забыли,
Хотя предсказывать боюсь,
Презрев пророчество, как грусть,
В себе и Пушкина убили,
А с ним Шаляпинскую Русь.
Природу, музыку и слово,
Патриотизм в конце концов,
Победы дедов и отцов.
Любовь к Руси – всему основа,
Как пел Есенин и Рубцов.
Стихи, я рад, что понимаю,
А нелюбовь к ним – не пойму.
И не желаю никому.
В друзья таких не принимаю –
Теперь едва уже приму!

МОЛЧАНЬЕ ЛЕСА

С лета не был, в осень снова
На часок, но заглянул:
Здравствуй, лес, мой друг ветловый,
А в ответ – лишь ветра гул.
Лес молчит. Обезголосел –
Ветер листья оборвал.
Тучи тёмные набросив,
Ветки холодом сковал.
Позабылись тропы-строки,
Рядом нету никого.
Даже верные сороки
Отвернулись от него.
Не слышать про иву песен,
Что Алфёров нам дарил.
Круг друзей, увы, стал тесен,
А когда-то шумным был.
И пошёл я, опечалюсь,
Грусть-тоску лечить в пути.
Как же, лес твоё молчанье
Мне в стихи перевести?..

Ветер кружит. Небо хмурится.
Не выводит кур петух.
Тополь старчески сутулится,
Опираясь на катух.
Двор годами неухоженный,
Как хозяина портрет.
Палисад неогороженный
Безобразит белый свет.
Лишь одно меня обрадует,
От любой хандры спасёт,
Коль себя, как чудо-радугу,
Чаровница ненаглядная
Мимо окон пронесёт!

ОГОРОД

Востриковой М.Е.

Тихо радуюсь природе,
А люблю её всегда...
У Марии в огороде –
Урожайная страда!
Нет в восторге перебора –
Выдаю вам на гора:
Поспевает помидоров
В каждый день по два ведра!
А морковь, картошка, репка,
Огурцы и кабачки?
В аккурат полна погребка,
Переполнены мешки.
Покорила дивом веси –
Видел сам, скажу и вам:
Рекордсмен арбузный весит
Аж двенадцать килограмм!
А дубовки и медовки
Покорят наверняка.
Под плетями прячут робко
Жёлто-спелые бока...
Тихо радуюсь природе,
А люблю её всегда.
У Марии в огороде –
Урожайная страда!

ВЕТЕР

У ветра силы не осталось –
За день намаялся сполна.
И валит с ног его усталость,
Упал, как дворник от вина.
Укрывшись рыжею дерюгой
Под оком дремлющей луны,
Он вместе с верною округой
Свои досматривает сны.
Не сладко ветру-то живётся .
Спи, милый, господи прости,
Ведь завтра шар земной придётся
С утра до вечера мести!

НЕ РАССТАНУСЬ

И хлебная, и бахчевая,
И светоносная земля.
От края вольного до края
Одета в иво-тополя.
Пруды в кувшинках и речушки
Древней, чем Далевский словарь.
Родная степь, я – твой и Пушкин,
И жнец, и спец, и государь!
С тобой, как с песней, не расстанусь
И в год худой, и в год благой.
А, уходя, в тебе останусь
Своей живительной строкой!

* * *

Ночь окутала тучами дом
С огородом, с цветами и с клёном.
Спят хозяева вместе с котом,
Хитромудрым и важным Семёном.
Сторожит и хозяев, и дом.
Крепкий дуб, что вознёсся над крышей.
И спокойствие в мире ночном,
И Вселенная росами дышит!

* * *

От росы рассветной до вечерней
Я, признаться, ноги оттоптал.
Предаваясь Пришвинским ученьям,
Степь и лес на практике листал.
Оживали строки горевые,
Оживали радужные сплошь.
Мне дарило солнце кладовые,
Музыку нашёптывала рожь,
Где моя просвечивала личность,
Пусть она утрюма, но светла.
Если есть в стихах философичность,
То она от Пришвина пришла!

УЖ

У пруда на жёлтой круче
Отдыхаючи сижу.
А под берегом колючим –
Уж, дружище мой ползучий,
За которым я слежу.
Он лежит, подставив спину
Свету, солнцу и теплу.
Ветер трогает рябину,
Прошепча её судьбину,
За компанью и ветлу.
Мне режим ужа не ведом.
Дела нет – лежит пускай.
Мне ж, как истинному деду,
Время в пору отобедать:
Достаю колбаску, чай.
Подзаправился немножко.
И опять за ним слежу.
Повернулся уж сторожко,
Шевельнул хвостом, что кошка,
Удлинив свою вожжу,
Вмиг отдался камышу.
Не снимая одежонку,
В пруд легко себя впустил.
Распрямившись, словно пшёнку,
Бедолагу-лягушонка
Моментально проглотил.
Лягушонка жаль мне стало,
Но теперь-то не тужу.
Пообедал я, хоть мало,
Но со временем настало
Пообедать и ужу!

* * *

Замер лес, как будто не качался
Под ветрами поострей ножа.
Первым уж на тропке повстречался,
Круча обозначила стрижа.
Стая уток речку оживила,
Цапля зашуршала в камыше.
Остальное радостно и мило
Строчкой продолжается в душе!

* * *

И дочь, и сын, и внуки есть,
Дерев посажено не счесть.
Не это ль высшая награда,
Чего ж ещё на свете надо?!
Да, коль признаться, ничего.
Хлебнул в избытке я всего.
Дышал и волей, и неволей,
Познал и радости, и боли.
И всё же многое достиг –
Издав десятки добрых книг.
Восславил Русь, воспел природу –
Слышал, что по сердцу народу...
Остановиться бы пора,
Но в путь былой зовут ветра.
Творить, как в юности, до пота...
Пожить ещё пока охота.

От рос трава отяжелела.
Рассвет взорвали петухи.
Калитка первой проскрипела,
За ней птенцы из-под стрехи.
Пастух посёлок взбудоражил,
Призывно щёлкая кнутом.
И стадо берегом овражьем
Сокрылось в царствии лесном.
Лишь доносились, тишь разрушив,
Под слабый выдох сквозняка
И свист пронзительный пастуший,
И нецензурная строка.
Прибрав дела, посёлок снова
Отдался отдыху легко...
Во сне кормилица- корова
И молодое молоко.

ДЕЛЁЖ

Развалилось, лопнуло семейство –
Начался хозяйственный делёж.
В дележе дошли и до злодейства,
Что коровы дойные под нож.
Нет ни Зорьки, ни Красули нету –
Ах, какое было молоко!..
Я жалею по-соседски Свету –
Будет ей сначала нелегко.
Повезло чуть-чуть гусиной стае –
К бабушке гусей перевезла...
Время боль с годами залистает,
Может быть, и выгорит дотла?
А пока судили да рядили,
Зачеркнув семейную черту,
Про собаку, видимо забыли...
Отдаваясь белому листу,
Я сижу без чувственных идиллий
И кормлю собаку-сироту.

То, что прожито, стало быть прожито,
Не вернётся уже никогда.
И не стоит об этом тревожиться.
Зной уходит, грядут холода.
Стужа сменится ледоходами,
СМИ затащит трескучая ложь...
Власть отвергни, и только с природою
И дружи, и живи, как живёшь!

ТАБУНЩИК

Худеет вяз на склоне.
Осенняя пора.
Отаву щиплют кони.
Табунщик у костра.
Сидит. Печёт картошку.
Дымится окоём.
Вздыхает понемножку
О чём-то о своём.
Взлетают искры, тая,
Как бабочки с куста...
А он в костре сжигает
Прошедшие лета.

ОБЪЕДИНЕНИЕ

Не обидь ни бабочку, ни птицу,
Что поёт нам песни допоздна,
Ни озёр приветливые лица,
Ни берёз-сестричек Шукшина.
Возлюби Чайковского и Верди,
Восхищайся Пушкинской строкой...
Будь, мой друг, любим и милосерден
И с природой вечной, и со мной –
Нас объединяет шар земной!

* * *

Шиповниками доли заросли
Да ивняками шибко молодыми.
Грудастых туч тяжёлые кули
Свисают угрожающе над ними.
Того-гляди сорвутся и зальют,
Как таинства легенд, гнездовья птичьи.
И не поможет радужный салют
Со всем небесно-солнечным обличьем.
А есть ли выход? Он, конечно, есть,
Подобное бывало не впервые,
Едва господь нашла благу весть,
Как ветер сбросит тучи грозные!

В НЕПОГОДУ

От Камы холод душу студит,
Не греют шарф и воротник.
А вот рыбак-фанатик удит,
Как тополь к берегу приник.
Продрогший я шагаю мимо,
Но не завидую ему.
Я, как рыбак неодолимый,
И не подвластен никому.
А ветер яростней и круче,
Бурлят тоска и злоба в нём.
В лохмотья рвёт, вгрызаясь в тучи,
Швыряет в Каму снег с дождём.
В полон сдаваясь непогоде,
Казалось, рухнул небосвод.
И начался в лихой природе
Водоворот, круговорот.
Взбесясь, пространство всполошилось,
А я иду сквозь плеск и шум,
И, как бурлак – поэт Пешилов,
Рекою Родины дышу!

* * *

Сентябрь наслал ветра и морось,
В клокастых тучах небосвод.
Недолго ждать. Наверно, скоро
Возьмёт нас холод в оборот.
Глядим внимательней и строже,
Но всё ж судьбу не пролистать.
Успеть бы главное, коль сможем,
В карманах дыры залатать.

* * *

Ветер листья из леса выносит,
Прибивая дождями к земле.
В путь-дорогу собирается осень –
Тают птицы в заоблочной мгле
Посреди разноцветного мира
Преимущество охра берёт.
Душу полнит минорная лира,
Как пожухлой ботвой огород...

РАЗМЫШЛЕНИЯ СОРОКИ

Выдохлась в осень сорока,
Молча сидит на суку.
И никакого намёка,
Что попадает в строку.
Видно, кумекает птица:
Есть поважнее дела.
Вот уж смогли оголиться
Тополь, осина, ветла.
Скоро взбунтуется холод –
Чувствую стужу в груди.
Первый морозец-то молод –
Старый мороз впереди.
И не успеешь подняться,
Как захлебнёшься пургой.
К людям пора пробиваться,
Чтоб не замёрзнуть зимой.
К людям былым доброоким,
Лучше б к вдовцу-старiku...
Так размышляет сорока.
И никакого намёка,
Что попадает в строку!

Тяжело-грузный нынче небосвод –
Того-гляди полопаются тучи.
Тогда возьмёт стихия в оборот –
Не спрятаться ни в роще, ни под кручей.
Октябрь давно леса поободрал,
Под кручей место лишь вороньей стае.
А я иду короткий путь избрал,
Тропинку за тропинкою листая.
Не за грибами-груздями иду,
Не горькою рябиной угощаться,
А предстоит единый раз в году
Мне с осенью на липовом пруду,
Как с женщиной роскошной
распрощаться.

* * *

Время близится к зиме:
Грузных туч нагроможденье.
День, а речка в полумгле,
Камышей и волн шипенье.
Берег в листьях утонул,
Как художник в акварели.
Закипает в красках гул
Поэтической свирели!

* * *

Сквозной дождливо-резкий ветер
Реку волнами завертел.
Холодный берег разноцветил,
В дорогу лету песню спел.
А птицы спрятались под кручи
В камыш – единственный закут.
От стужи злобной и колючей
К отлёту силы берегут.
И каждой спутнице по року
Тоска – тревога точит грудь:
Не сбиться б в небе ненароком,
А курс держать на Млечный путь!

Пока дожди не дышат холодом,
Не встали травы на дыбы,
Не разбросали наземь жёлуди
Дремуче-мудрые дубы.
В любые дни нас ждут за городом
Крепкоголовые грибы.
Оставьте дело неотложное –
Тужить не надобно о нём.
Уйдите глушью бездорожною
За густо-синий окоём.
И станет легче жизнь тревожная
В озёрном царствии лесном.
Душа испарит мгновеньем этим,
Что никакие виражи,
Ни даже самый злобный ветер
Не смогут в ров столкнуть с межи,
Когда подумаешь о лете,
Теплее станет в зиму жить!

Травы сникшие киснут в низине,
Лес листвою устал шевелить.
Что ж ты, осень, торопишься ныне
Бабье лето дождями залить?
Мужиков не жалеешь? – Не надо,
Ну а женщин, прошу, пожалей.
Знай, что женщина в мире, - награда,
Мать божья лесов и полей!
Ей бессмертье дарует природа
За рожденье детей на земле.
Ты ж природой единого рода,
Отчего ж покоряешься мгле?
Разорви чёрно-тучные светы,
Что висят от зари до зари.
Хоть бы капельку бабьего лета
На мгновенье, но всё ж подари!

* * *

Березняк туманится над логом,
Вздрагивают листья в гуще крон.
Тучи нескончаемые строго
Наплывают стаями ворон.
Карканьем озвучивают птицы
Небосвод тревожный без того.
Что-то в мире может сотвориться,
Но пока неведомо чего.
Что тут мне, когда не всем великим
Было суждено предугадать,
А другие даже птичьи крики
Не смогли стихами передать.
Покидая березняк над логом,
Я в себе тревогу пробудил:
Свято чту извечную дорогу,
По которой Лермонтов ходил!

* * *

Ветер взвинченный и хлѣсткий
Стужей северной сковал.
У тонюсенькой берѣзки
Все листочки оборвал.
И она забыв про лето,
Нагишом и босиком
Без тепла дрожит, без света
Перед зимним долгим сном...
Одеяла даже нету
В этом царствии земном!

Здравствуй, октябрь, особенный месяц,
С ворохом листьев, с кучей грибов!
Ты золотишь и грады, и веси,
Людям даруешь свет да любовь.
Млечным путём взбодрив поднебесье,
Птиц караваны к югу ведёшь.
Славно поёшь Есенина песни,
Лермонтовские песни поёшь.
В них оживает голос народа,
Мир Эрмитажа, Пушкинский глас.
Дышит бессмертной музой природа,
Чувством небесным радуя нас.
Осень-краса, к тебе приближаясь,
В храме лесном тебе я молюсь:
Ты же века в себе отражаешь,
Гениев русских жизнь продолжаешь
С верой святой в державную Русь!

НА КАМЕ

Туч отары движутся упрямо,
Хоть сквозняк почти полуутих.
Медленно ворочается Кама
В берегах от осени пустых.
Не слышать на круче и под кручей
Ни одной живительной души.
Даже песню про камыш певучий
Не хотят напомнить камыши.
Что ж ты, Кама, не поможешь миру?
Ты же Волге кровная сестра.
В водах ваших процветает лира
Акварели, музыки, пера!
В каждом всплеске торжество и трепет
От буян-мажора до тоски.
Слава богу, слышу снова Репин,
Разрывая сердце на куски,
Миру кажет вновь черновики,
Где поют и плачут бурлаки!

ПТИЦЫ

Хмуро. Сыро. Клёны голы.
Октябрём дожди строчат.
За промокшим частоколом
Птицы зябнуще кричат.
Не понять, о чём же крики:
Тяжко ль в стужу зоревать,
Иль в краю морозов диких
Невозможно зимовать?
Ах, наивные вы, птицы,
Вам Всевышний крылья дал.
Так летите за границы,
Как лихие господа!
Там от зноя реки сини,
Не придётся голодать...
Как я понял, вы России
Не хотите покидать.
Что ж, тогда мы побратимы,
Я тянусь душою к вам!
Прикипели мы к любимым
Святорусским берегам.
Здесь нам всё до боли зримо,
И роднее окоём.
Вместе мы не только зиму, –
И господ переживём!

Меня в полон ковыль взяла –
Я задохнулся в белопенье.
А тропы тянут удила
В озёро-тайное забвенье.
Я тут же ринулся туда –
Кувшинка весело встречала.
Я солнце пил, я небо пил,
В душе не зная постоянства.
Я мир любил, я жизнь любил,
Её великое пространство!
Земля даёт нам хлеб и волю –
Ценней которых в мире нет.
Не надо лучшей в жизни доли,
Чем зрить Руси священный свет!

ПАХАРЬ

Издревле пахарь на Руси
Был самым главным человеком.
Прошли века за древним веком,
А нынче – каждого спроси:
«Ну, кто же главный на Руси?»
Один, конечно, скажет: «Путин!»
Другой, как витязь на распутье:
«Чубайс, должно, господь прости.»
А третий судей назовёт,
Охочих до богатства боссов
И звёзд эстрадных безголосых,
Каких у нас неупорот.
А кто-то чуть навеселе,
В законе вора, что убили...
Но жаль не в древности, а в были
Мы нынче пахаря забыли,
А с ним забыли о земле!

ПОСЁЛОК «МАЙСКИЙ»

Петух заутреню отпел.
И смерть костлявая явилась.
Посёлок «Майский» опустел.
И жизнь в степи остановилась.
Наслал жару небесный свод –
Сады с хлебами задохнулись.
Заполонил поля осот,
А власти даже не проснулись,
Помочь крестьянам не смогли,
Гуляя весело и знойно.
Остался пахарь без земли
В бесхозном княжестве районном.
Коль нет земли, то нет крестьян,
А власть для родины, как гости.
И пахарь падает в бурьян
На горевом родном погосте...
Глухая власть всему виной –
Она бездарна и убога.
За сельский люд, за край степной
Держать ответ ей перед богом!

* * *

В обрыв сорвался старый тополь,
А ведь когда-то рвался ввысь.
Коренья-жилы, словно тропы,
Пришёл черёд - оборвались.
Обрыв ему, как в жизни раем,
Могилой будет средь полей.
Такое редко, но бывает
В миру у праведных людей.

* * *

Висит табличка: «Осторожно,
Собака злая во дворе»
Ну что ж, пожалуй, и возможно
Понять по нынешней поре.
А вот хозяина я знаю:
В законе вор, сидел не раз,
Его отца я вспоминаю:
Придворный шут и ловелас.
Противник я собачьей драки,
Иную б надпись подобрал:
«Хозяин злее чем собака –
Пол-государства обокрал!»

ПОЗАГАЖЕНА ДУША

Берег был на загляденье,
Свеж и ярок травостой.
А сегодня – наважденье,
Глянул, охнул: «Боже мой,
Склянки, банки и осколки –
Затуманен белый свет.
Как не люди бы, а волки
Здесь справляли свой обед.
Смачно лопали, не глядя,
Что швыряют хлам вокруг.
Где пируют, там и гадят –
Сходит всё с поганных рук.
Это вам не наважденье:
Пьют и жрут, красу круша
У таких людей с рожденья
Позагажена душа!

ЖИВАЯ ПРИРОДА

I

Природа – знаем с детства, что живая:
Шумят поля, бормочут родники.
Об этом вроде мы не забываем,
А как на самом деле, земляки?!
Сжигаем лес, пруды и реки травим,
Кричат луга из вымершей дали.
Пусть нами царь давно уже не правит,
Но вы-то где хозяева земли?
Не грех бы вспомнить, к совести взывая,
Что есть земной, но есть и божий суд!
Когда живой живое убивает,
Таких в веках убийцами зовут!

II

Природа вечна. Мы не вечны
Среди вселенской суеты.
Во всём мы видим бесконечность
От первой стёжки до версты.
Не запугать ни ветру странствий,
Ни торжеству, потомок мой,
Соединяет нас пространство
Совсем невидимой тропой!

Отдал бы полцарства, которого нет,
Но только б увидеть чарующий свет
Над полем ржаным по-над речкой степной,
Где я хоровожусь с лихой ребятнёй.
Пластаемся в чижик, в футбол и в лапту,
Мотая легко за верстою версту.
Но как зачинается в поле косьба,
Мы сусликов ловим, спасая хлеба.
И уток совхозных от лис стережём,
Построив шалаш под густым камышом.
Конечно, девчонки в бригаде у нас,
В бригаде – восьмой удивительный класс!
То в Зинку, то в Гальку ребячий народ
Влюблялся, а нам от ворот поворот...
Лета облетели, как в осень листья.
Полцарства отдай, хоть одно или два,
Но душу желаньем не бери.
И так задыхается сердце в груди.
Ни сёл, ни реки, вместо ивушек пни...
В миру не осталось моей ребятни.

ХОЧУ ВЕРНУТЬСЯ

Такие же лебяжьи облака,
Такие же размашистые дали,
Где мы под шум степного ивняка
Из детства на картошке вырастали.
И я, стараясь прикоснуться к полю ржи,
Обозревая речку под ветлою,
Хочу вернуться, хоть на миг в былое,
Да не взывают к облаку стрижи,
И речки нет, в ручье камыш дрожит –
Душа не возвращается в былое.
Но как тут быть, когда ни поля ржи,
И нет давно посёлочка Ежи,
А с ними – век хотел не расставаться,
И девушка на кладбище лежит,
Которая учила целоваться?!

СТРАШНЫЕ СНЫ

Лезут в голову страшные сны,
Что рассказывать даже не в силе.
Будто люди тупы и больны
Да по всей необъятной России.
Прёт на Русь иноземная рать,
Во главе либеральные судьи.
А славянское вече собрать –
Не хватает героев по сути.
Где ж вы Жуковы, Рохлины где? –
Нет ответа. В молчанье могилы.
Значит, будем рабами в орде –
Неужели орда победила?
Дали стоном предсмертным полны,
Это вовсе не древняя дальность...
Раздирающе-страшные сны,
Не дай бог, превратятся в реальность.

Изба порушена одна –
Хозяин в горьком потрясении.
Теперь иные времена –
Не счесть порушенных селений.
Но где же гордость, где же плач,
Но где же мщенье и стенанье?..
А зацерковленный палач
Нас призывает к покаянью.
Но что ж молчишь, слепой народ,
Коль называешься народом? –
Бери буржуя в оборот,
Ты ж из воинственного рода!
Ни покаянье, ни мольба...
Вставай на бой! Не жди мессии.
Погибнет русская изба –
Погибнет матушка Россия!

НЕ В ЧЕСТИ

Стихи рождаются, слава богу,
Ручьяются в мир из-под пера.
Легко выходят на дорогу
Любви, прозренья и добра.
Да вот не знал, придут напасти,
Что доживу до той поры,
Когда нужны не будут власти
Благой поэзии дары.
А коль захочешь издаваться,
То за издание плати.
Коль денег нет – не надо братья,
Заглохнешь в нищенском пути.
В избытке бед наворотили –
В болотной топи божий дар.
Когда-то нам за труд платили
Вполне приличный гонорар.
Теперь подлючьи либералы,
Разворовав родной уют,
Тряся златой мошной немалой,
Друзей бездарных издают.
А Русь, а Пушкинское слово,
Распутин где ж, господь прости?..
И гибнет родина Кольцова, –
Поэты больше не в чести.

ЧИТАТЕЛЮ

Почитаю стихи, порадую,
Но заверю, читатель мой,
Что в стихах есть не только радуга,
Но и тьма, и дожди, и зной.
Словом, всё как в природе, в жизни:
Вроде радость, а рядом грусть,
Как святая любовь к Отчизне
И глубокая вера в Русь.

НИЗКО КЛАНЯЮСЬ

Небо чистое да светло-синее,
Даже перистых нет облаков.
Пересыпано ярко росинами
Поле вязеля, ржи, васильков.
С кручи ивушки песнями русскими
Зачинают родные слова
Про любовь и тропиночки узкие,
Чем Россия осталась жива.
Сколько в них благородства глубокого,
Чувство гордости, ласки, добра
От Кольцова до Виктора Бокова
Звонко-песенного серебра?!
И восторги свои не устану я
Повторять на свету и во мгле:
За творцов, песнопевцев фатьяновых
Низко кланяюсь русской земле!

Ветер тихо дышит камышами,
Трогает кувшинковый уют.
Птицам и стрекозам не мешает –
Пусть себе резвятся и поют!
Песней наполняются колосья
И пространство, что с небес звеня,
Падает живым разноголосьем,
Попадая звуками в меня.
Слышу мир Чайковского и Листа,
Будто бы из прошлого привет,
И ложатся на душу искристо
Музыки и радужности свет!

ПТИЦЫ НЕБЕСНЫЕ

От звонков телефонных сбегу,
Что и делаю в праздник особенно.
Счастлив я, что услышать могу,
Как поют в светоносном логу
Неземные Шаляпин и Собинов.
А за ними – плеяда других,
Возглавляют Шмелёв и Нежданова...
За короткий, но сладостный миг,
За союз неживых и живых
Благодарен, природа желанная!
Не об этом ли шепчут леса
До верхушек заполнены песнями? –
Люди живы, а их голоса,
Что до боли волнуют сердца,
Обессмертили птицы небесные!

* * *

Вопят во след мне: «Убирайся!»
А я в ответ: «Да никогда!»
В моей судьбе не ковыряйся,
Поганоликая орда.
Творю стихи. Я жив покуда.
Мой род живёт, а им горжусь.
В душе у вас один Иуда –
В моей душе святая Русь!

* * *

Народ тощает. Власть жиреет.
Не видно этому конца.
Понять бы людям поскорее –
Не звать в спасители Творца.
Самим пора за дело взяться,
Чтоб не остаться на бобах.
Чтоб, не дай боже оказаться
У властных нелюдях в рабах!

Королева раздолья, ветла
Вознеслась над кугой и осокою.
Вволю было дождей и тепла,
И трава уродилась высокая.
Только не кому траву косить –
Обездолены славные пахари.
Как же вы, ах позвольте спросить,
Допустили такое в Руси,
Либерально-кремлёвские знахари?!
Может хватит ловчить и хитрить,
Что, мол служим народу старательно.
Вам деяний преступных не скрыть,
А пора вас карать и корить –
Вы пошли на холуйство сознательно.
Грянет всё ж наивысший наш суд –
Не спасут ни Чубайс, ни Войновичи,
Те, что Западу лапы сосут,
И сегодняшних дней Абрамовичи!

НАГРЯНЕТ ГОД...

Сёла и деревни опочили,
Степи задохнулись в сорняке.
Школы, институты разучились
Говорить на русском языке.
Что же вы, враги-образованцы,
Продались загранке ни за грош?
Подлые болонские засланцы
Убивают нашу молодёжь.
Первыми когда-то в мире были –
Мир учился классике у нас,
Пушкина и Гоголя любили,
Возносясь в ученьи на Парнас!
А теперь в учебниках от злости
Стая ЕГЭушников поёт.
Ребятне какой-то евро-Остер
Вредные советы выдаёт.
Если это будет продолжаться,
То, я думаю, нагрянет год –
От пророчеств нам не удержаться –
Прекратит безмолствовать народ!

ГРУСТЬ

Из сердца грусть гоню. А силы нет.
Она меня ломает и корёжит.
Скрипя, гнусит, завешивая свет:
«А не пора ли время подытожить?»
Как никому намёк понятен мне –
Зажился, мол, давно на белом свете...
Но ведь ещё не кланялся стерне,
Коль хлебы дозревают в жарком лете.
Не проводил и внучку в первый класс
С подаренным портфелем, а не ранцем.
Не сотворил былинно-русский сказ,
Не подражая модным иностранцам...
Ещё не осень, в дали снова рвусь –
Зовут, как встарь, на родину дороги.
Пошла ты к чёрту, дьявольская грусть –
Пока мне рано подводить итоги!

* * *

Суровой и тревожней небеса,
Ветра стужней, воинственной и резче.
Теряют листья грузные леса
И глуше птичье пение и речи.
Времён пространство нам не повернуть.
Как шар земной, себя во мрак уносим.
Но всё ж, слегка печальсь, держим путь
В извечную допушкинскую осень!

ВИНА

Мы сами повинны во многом,
Когда полыхала страна,
Продажным хулителям Бога
Отдали Россию сполна.
Теперь не стоните, не плачьте,
Пустую суму теребя,
На иродов сытых батрачьте,
Коль выбрали жизнь для себя.
От горя иконы промокли.
Но Бога моли не моли –
Он вас за предательство проклял
Славянской родимой земли!

ДА ЧТО ЖЕ ТЫ, НАРОД?..

По жизни путь совсем недлинный,
Да и короче может быть,
Но что же ты, народ былинный,
О том стараешься забыть?..
Ещё не старые селенья,
А погибают ни за грош.
Теперь по-щучьему веленью
Назад деревни не вернёшь.
Господь, конечно, и поможет,
Но только тем, кто встал на бой,
Кто ненавидящий до дрожи
Продажно-шкурный новострой!
Такие есть, но очень мало.
В церквях тускнеет дивный свет.
Ослябей жертвенных не стало,
И Пересветов тоже нет.

* * *

С каждым годом погост расширяется –
Скоро смертному некуда лечь.
Но единая власть не старается
От недугов больных уберечь.
Задушили высокими ценами
На лекарство, на мясо, на хлеб.
Край степной наш, как Русь благоверная,
От репьев и амброзий ослеп.
Плачет степь материнским криками –
Не поют ни пшеница, ни рожь.
Ах, вернуть бы во степи Сапрыкиных,
Только их днём с огнём не найдёшь.
Власть изменников покарается –
Точит люд святогоровский меч...
С каждым годом погост расширяется –
Будет где и преступникам лечь!

* * *

Награждали обычно за труд
Искромётно-бурлящий, ударный.
А теперь – ордена выдают
За лакейство и лесть, за бездарность,
Чтоб в години вражды и разрух
Развенчать вековую славу,
Чтоб славянский повыветрить дух,
Чтоб унижить народ и державу!

В политике завязли, как в грязи,
Который год безвыездно буксуем.
Не такой мы жаждали стези,
Святую Русь не поминали всуе.
Теперь в церквях грехи не отмолить –
Страну из крепкой сделали отсталой.
Как груз, вину с народов не свалить,
Что вознесли врагов на пьедесталы.
Расстреливают люд среди Москвы,
Насильники детей – друзья эфира.
Ах, люди добрые, да что же Вы
Отдали власть иудам и вампирам?
Опомнитесь, пока страна жива,
Пока что не в полоне иностранцев.
В Кремле должна быть мудрой голова,
Что вышвырнет толпу христопродавцев!
Плечо в плечо мы выйдем из грозы,
Победа всколыхнет знамена мира.
А выбираться надо из грязи
Самим, не дожидаячи буксира.

Не хочу предсказывать, не буду.
Ибо я, конечно, не пророк.
В детстве верил в сказку, верил в чудо.
Но, когда шагнул через порог,
Вслед за сказкой вера отлетела,
Даже я не ведаю куда:
Жизнь меня кусала и вертела,
За бедою бычилась беда.
Был бы рад, ах, если бы забыла,
Да к несчастью помнит обо мне.
Не лукавлю, так оно и было,
А теперь – живу я в тишине.
Не влекут ни митинги, ни споры –
В спорах, словно в картах, проиграл.
Той стране, что выдюжила горе,
Прозвучал свиридовский хорал.
Я устал от своры словоблудов,
От вранья правителей продрог...
Не хочу предсказывать, не буду,
Ибо я, конечно, не пророк.

СОРНЯКИ

I

Раза в три быстрее сорняки
Вырастают, чем иные травы.
В перелесках, в поле, вдоль реки
В мир глядят бунтующе и браво.
Сплошь косой, мотыгой и серпом
Люди с ними борются веками...
Как нам жить в Отечестве родном,
Если власть забита сорняками?!

II

Ветер не шевелится. Удушье.
Тридцать восемь градусов жара.
Мир одело мертвое засушье,
Да не в полдень вовсе, а с утра
Плавятся арбузы в огороде,
Даже загорела лебеда.
Где ж искать спасение в природе,
Коль в реке кипящая вода?
Степь дымит. Ковыльное раздолье.
Выжили, как в голод, сорняки.
Дружно люди ринулись в подполье,
Словно при царе большевики.

БОЯЗНЬ

Тихо дремлет пустая кровать –
Сын опять не пришел ночевать.
Зорька ранняя мир полонит...
Не откликнется, не позвонит.
Может встретил красотку на ять,
И не мог перед ней устоять?!
Это б ладно, совсем не беда.
Было с каждым в молодые года!
Запозднишься порой при луне –
Заночуешь с друзьями в копне.
И никто не обидит тебя,
Только в шутку подколят любя:
«Видно, дева красы неземной,
Коль тебя не пустила домой?
Крепкогруда, изящна, мила.
Может чем-то другим завлекла?!»
Жили дружно и мирно вполне,
А теперь – в криминальной стране.
И обчистят, и морду набьют,
И забудешь домашний уют.
Телевизор трещит день-деньской,
Что в Чечне не стихает разбой.
Мы без этого знаем давно –
Сердце русича обнажено.
Русь пылает Кущовками сплошь.
Власть глаголит не правду, а ложь...
Сына с ночи я жду – не дождусь –
За него, за Россию боюсь.

* * *

Творители зла и добра
Живут на единой земле.
Одни – на семи ветрах,
Другие – живут во мгле.
Не будем их словом корить,
Себя выводя на испод.
Не сможем, увы, помирить –
Помирят потом Господь.

* * *

Мне мир такой до боли нужен,
Когда зовут тропинки вдаль,
Где тонут солнце в желтой луже
И неба – синяя вуаль.
Доносит птица трель из леса.
Что у поселка на краю...
Не дам чернить картавым бесам
Святую родину мою.
А если все-таки случится,
Ударит враг под плач ветров,
То мы сумеем ополчиться,
Что превратится в штык перо!

Огороды, сады, уголья,
А хозяйства – полнейший двор!
Воронам приспустив поводья,
Вылетали в степной простор.
Молодели от русских песен –
Голос Зыкинский в душах жил.
Космонавты родные веси
Возносили на виражи!
Русь мужала, росла и крепла,
Уж такая его судьба.
С нею вместе, дыбась, из пепла
Восставала моя изба...
Но страну затянули тучи.
Доброта обернулась злом.
Настоящее было б лучше,
То не вспомнили б о былом!

ОТЕЦ

Последний рушится свинарник.
Вокруг полынь да лебеда,
Где службу нес отец-ударник,
Герой народного труда.
С доски почетной, что в районе,
Всегда глядел его портрет.
Для всех он был свинарь достойный,
А для семьи – авторитет!
Гордились им – чего ж лукавить! –
Величей нету свинаря!
Гордиться им, конечно, вправе –
Ведь мы героя сыновья!
Но тут враги пролезли к власти,
Почти всему пришел конец.
И сразу грянули напасти –
Не нужен власти стал отец.
Да что отец, когда под свисты,
Взорвав в России тишину.
Поскудье стадо Ельцинистов
Обезобразило страну.
Под нож хозяйство и заводы,
Чубайсов свора – на коне!
И стонет матушка – природа,
А люди русские – вдвойне!
Последний рушится свинарник,
Как отчий дедовский порог.
Узрил бы все отец-ударник –
Живым бы снова в землю лег!

ОТМЩЕНИЕ

Полуразрушенные базы.
Как перестройка началась,
Пошло под нож хозяйство разом –
Заполонили воры власть.
Крушили, грабили, сжигали,
А деньги – янкам за бутор.
И сиротели наши дали
Родной Руси наперекор.
Несметно горюшко людское –
Людьми пролито море слез.
Никто за варварство такое
И наказанья не понес:
Чубайс, Сванидзе, Кох и Гозман,
Как прежде точат топоры.
Не счесть других. Их в суд не надо,
Да и нельзя сажать в тюрьму.
Для всех для них одна награда,
Чтоб не обидно никому,
Собрать отродье все и разом,
Награда словом то проста:
В полоразрушенные базы
Вогнать навек в замен скота!

* * *

Знаю прав, но силы на исходе,
Исчезает к черту правота.
Гаснет, будто солнце в непогоде, –
И душа становится пуста.
Был побит неправую толпою,
Остается тусклой свечкой тлеть.
Даже глупых невозможно с бою
Без раздумий мудрых одолеть.

* * *

Взял Господь полнеба туч в охапку,
Крепко сжал и выжал, словно тряпку.
Залило и рядом, и вдали
Южный край, а может полземли.
Тонут люди, храмы, поселения,
Тонут крики, стоны и моления,
В бездну мир уносится рекой –
Помощи от властья никакой.
Непомерно горюшко людское,
Господи, за что же нам такое? –
Знать не знали этаких стихий...
«За грехи, земляне, за грехи...»

СТИХИЯ

Укрылся город тучей грозовой,
А туча на ветру засуегилась.
И на виду у грома превратилась
Не в мелкий дождь, а в ливень гулевой!
И ринулась по улицам река,
Презрев ГАИ и стаи светофоров.
Поди, задумала наверняка
Отмыть от грязи выгаженный город.
Шипы трещат. Афиши в пляске вод –
Плывут и Петросян и Розенбаум.
Заборы разодрал водоворот,
Как бесом размалеванную заумь.
Захлебываясь, изрыгают мат
Отбросы Пермской «Бело-мерзкой ночи».
Летят гурьбой, проваливаясь в ад
С афишами, разорванными в клочья.
И в спешке, не вписавшись в поворот.
Визжат от злости БМВ лихие.
Похожее отыскивают брод.
Хотя насквозь промокли. А стихия,
Как прежде, продолжая искони,
Сметает прочь текстуру, как халтуру,
Сметает прочь нерусскую культуру,
Что сатанистам нынешним сродни!

Оделся город в новое искусство.
Поизголялись бесы, видно, всласть,
Коль с латанных заборов смотрят гнусно
Людишки безголовые, как власть.
И яблоко гнилое с постамента
Поганит душу, господи прости.
Не воробьи, а крысы ждут момента,
Чтоб в яблоке пристанище найти.
Но точки, чтоб над городом расставить –
Не надобно колючиться ершом,
А просто губернатора поставить
На площади Октябрьской нагишом!

НА СОБОРНОЙ ПЛОЩАДИ

Шкурной перестройки перегуды
Родину всечасно полонят.
Русь благую бесы-словоблуды
На соборной площади чернят.
Матом подзаборно-трехэтажным
Поливают собственный народ.
Бьют поклон продажной силе вражьей –
Криминала взрыв под небосвод!
Храмы православные порочут,
В ад кромешный превращая рай.
Плачет, пряча каменные очи
Пресвятой угодник Николай!

ЛИЗОБЛЮДЫ

Встречал я много лизоблюдов –
Они в компании любой.
Им даже зло на свете любо,
А вместе с ним – неправый бой.
Хоть власть худое изрекает –
Они ж поддакивая ей,
Во всех грехах народ ругают
Поносной лживостью своей.
Ведь кто-то ж верит интриганам,
Живущим всласть на дурака? –
Борись за правду ураганом
Моя мятежная строка!
Мы в этом сами виноваты –
Мы ж люди праведной земли,
Но лизоблюдов мерзкохватых
На пьедесталы вознесли!

Библиотеки гибнут и музеи
Под колокольно-звездный перезвон,
А власть, как встарь, по-прежнему жиреет,
Переправляя деньги за кордон.
Леса редеют, нищенствуют степи,
В погосты превращается село.
Ах, сколько ж, Русь терпела ты и терпишь
Бесчинство, унижение и зло?!
Тяжелый груз твои горбатит плечи,
Как бездны туч на черном небеси.
Труби в трубу, славянский человек,
Сбирай народ на Мининское вече,
Музейщики, хранилище Руси!
Я чувствую и верую, и знаю,
Что доживем до солнечной зари,
И отстоим тебя, о, Русь родная,
Когда в ряды от края и до края
Восстанут из былин богатыри!

НЕ ЖАЛЕЮ

Служить во власть почти не звали,
А если звали – не спешил.
Меня потом позабывали.
Я сам себя кроил и шил.
Влекло к простому человеку,
Который нес посильный крест.
Душа бурлила правдой века,
Тянуло к перемене мест.
По свету шёл и спотыкался,
И падал в дикий ветровал.
В крови душа, но поднимался –
Людей благих на помощь звал.
Они мои лечили хвори
И приглашали на постой,
Но я шагал, не веря в горе,
Версту считая за верстой.
Вставал, как предок, с петухами,
В мечтах под солнышком парил.
Людей одаривал стихами,
За хлеб и соль благодарил...
Иду по жизни сквозь ненастья,
И друга чувствуя плечо.
Я не служу ни злу, ни власти, –
И не жалею ни о чём!

ВОПРОСЫ К ВЛАСТИ

Власть, ответь мне, коль властью зовёшься,
Что ты сулишь народу в стране:
Может в дружбе, как прежде, клянешься,
Может к Штатам в колонию рвешься?...
Телевизор включи – задохнешься, –
Украина пылает в огне.
Враг тревожит и наши границы,
По-разбойничьи лезет с ножом.
И летят, как подбитые птицы,
Тучи беженцев, чтобы укрыться.
Мы, конечно, поможем гнездиться
И от смертной беды сбережем.
Но а где же ты раньше бывала,
Всемогуще – бурливая власть,
С той години, когда зачинала,
А потом на костях закипала
И катила бунтующим валом
Молодая фашистская мразь?!
Что молчишь, или нету ответа? –
Надоело бессовестно врать?...
Всех вернем мы не канувших в Лету:
Кочубеев, Донских, Пересветов,
Чтоб возглавить в былинах запетых
Богатырско-славянскую рать!

ПРОСЬБА

*«... Дедко ты, дедко, Саша
ты мой любезный, да приди ко
мне скорее, да заberi ты меня
отсюдова!»*

Татьяна Соколова
«Откуда прилетает ветер»

Старик на погосте, а бабка живет.
Бессонною ночью белугой ревет.
Детишек бог не дал. Кончается род.
Не в силах уже содержать огород.
На пенсию ту, что нам власть выдает,
И ласточка даже гнезда не совет.
Да что же удумала высшая знать,
Живьем нас в могилы, как татей, вогнать?
Вернуться хотя б на мгновение встарь,
Где не был врагом для людей государь...
Страдая сидит у родного креста
И просит, и молит сквозь слезы Христа:
«Живу, как сорока на голом суку,
Помог бы Господь поскорей к старику!»

И МАШЕТ МАМА...

Любила жизнь, плясала, звонко пела,
Под праздник веселила земляков.
Частушки и стихи сплестать сумела,
Как дивные венки из васильков.
Читала внукам пушкинские сказки,
И в горести не хмурила бровей.
На полотне расплёскивала краски –
Пейзажами дивила сыновей.
Вокруг неё клубила жизнь, кипела –
Была счастливой в творчестве она.
Но вдруг в июль семья осиротела.
Повисла гробовая тишина.
Бедра стряслась в пути совсем недлинном –
Из рейса не вернулся теплоход –
Осталась с внём Батанова Галина
В слепой глуши мятежно-волжских вод.
А с нею люди бедные, которых
Спасти от смерти тоже не смогли.
Отпели всех молитвенно просторы
И без того страдальческой земли...
Бурлит река. Спешит за датой дата.
Слетает осень птицами с ветвей.
Батановы, как прежде, в Оверятах.
И говорит один из сыновей:
– «Всегда живой во сне мы видим маму.
Живём её картиной и строкой...»
А теплоход, качаясь, режет Каму,
И машет мама с палубы рукой...

ПРАВЕДНЫЙ СУД

Сволочной перестройкой не счесть
Сколько бедного люда погублено.
Власть, что предала совесть и честь,
Что на родине жизнь опаскудела.
Надо брать за грудки и судить
Всенародным судилищем праведным,
Но сначала бы люд разбудить,
До нательной рубахи обкраденный.
На колени поставив врагов,
По-мужицки потребовать яро их:
«Почему у родных берегов
Затонула в поволжье «Булгария?»
И пронзительно-гневной строкой
Повторять и твердить не устану я:
Почему в Оверята домой
Не вернулась Галина Батанова?
Оборвался, как птичий полёт,
Путь её укороченно-пройденный,
А зверьё, погубившее флот,
Продолжает глубиться над Родиной?!

* * *

Коршун в небе уже не парит –
Небо тучами в Каму сползает.
Ветер воду клокасто бурлит,
А «Ракета бугры разрезает.
Только россыпи брызг по бокам
Да людей удивлённые лики...
Долго душу тревожит не гам,
А печальные чаячьи крики.
И встаёт на дыбы предо мной
Незабытая страшная дата.
Не накрыла б «Ракету» волной,
Как «Булгарию» Волга когда-то...

* * *

Свинцово-тяжелые волны
В безвестие тащит река.
А ветер по-разински вольно
Срывает листву с дубняка.
И листья и пляшут, и вьюжат,
Сгорая костром на ветру...
Не так ли писатель и стужа
Себя утверждают в миру?!

* * *

День веселый да искристый –
Солнца под завязку!
Лес, как храм, румянолистый,
Что согласишь в сказку.
Заходи во храм цветастый,
Только ветер дунет –
Акварели в стих грабастай,
Как когда-то Бунин!

* * *

Добро и зло в пути встречаю,
Как правый и не правый люд.
На хамство хамством отвечаю –
Иначе просто заплюют.
Маши иль не маши руками,
Но защищай не тьму, а свет.
«Добро должно быть с кулаками»,
Как выдал некогда поэт!

Я изменчив, как природа,
То взбунтуюсь, то взбодрюсь.
Сею власти и народу
Веру в праведную Русь.
Да не значит, что согласен
С тем, что власть теперь творит.
Либеральный путь опасен –
Власть о том не говорит.
А давно бы их, продажных,
За бандеровский бугор.
Не пора ль от силы вражьей
Очищать родной простор?!
Мы пока еще-то в силе –
Стать былинная крепка.
И зовет вперед Россию
Путеводная строка!
Запускать свои заводы,
Хлеб и труд – за то борюсь,
Сею власти и народу
Веру в праведную Русь!

КОСМОНАВТЫ

I

Семья космонавтов редееет,
Уходят один за другим.
Апрель, а душа холодеет –
И в праздник не празднично им.
Познавшие ада и рая,
Все меньше осталось в живых.
Но шибко не плачьте о них:
Гагарин давно собирает
Собратьев своих неземных.

II

Лихим космонавтам,
Романтикам неба, '
Прославившим в мире
Россию вовек,
И пахарям верным,
Кто дарит нас хлебом,
В Руси благодарен
Любой человек!

МОРЕ ЧЁРНОЕ

Вздрогнул мир. Окровавлены зори.
То не птицу ударили в лет,
А в рассветное Чёрное море
Пассажирский упал самолет.
Перечеркнуты судьбы и жизни
В одночасье, а может – и в миг.
Храмы Родины вздыбили тризны –
Душу жжет раздирающий стих.
Не ошибки пилотов от бога,
Не теракты под злое вино.
Будет версий подобных премного,
Только правды узнать не дано.
Захлебнемся в безудержном споре
От ненужных и глупых вестей
Потому и на сердце больней...
От страданий, от тяжкого горя
Море Чёрное стало черней.

РУССКИЕ ПОСЛЫ

Убили в Турции посла,
Посла моей родной России.
И спецхрана не спасла
От банды якобы всесильной.
Так убивали, и не раз,
Славянских прадедов и дедов.
Но верю в то, что грянет час –
Из тьмы восстанет Грибоедов,
А с ним – совсем недолго ждать,
Ежель историю листая, –
Восстанет Русь – не удержать!
– Не зря в миру она святая!

* * *

Шар земной и колетса, и дробится –
На пределе мир уже.
Не дай бог, что вдруг озлобится
На последнем вираже.
Если злоба не кончается –
Начинается война.
Даже если мир качается,
То душа обнажена.
Гадя, Штаты вышли из доверия.
Люд всемирный, встань в штыки,
Чтобы всякие Америки
Прикусили языки!

ЛОЖЬ

Тонут Штаты, Европа тонет
В мерзопакостной грязной лжи.
Шар земной не молчит, а стонет –
Окровавлены миражи.
Что же делать нам, русским людям?
Не взирая какая власть,
Стиснем, словно пред боем, зубы,
Троекратно перекрестясь.
Коль Господь нас, как прежде, любит,
То не даст и во лжи пропасть!

СЛАВЯНСКИЙ ЧЕЛОВЕК

Гоголевой Н.М.

Как трудно жить, о, мудрая Надежда,
Когда на свете двадцать первый век,
И правят государствами невежды,
И не в чести славянский человек!
Его сажают, бьют и унижают
Под либерально – вымученный вой.
Бессовестно, открыто угрожая
Кровопролитной третьей мировой!
В политике, во лжи Олимпиады –
Не шар земной, а сущий тарарам.
От НАТО веет смертоносным адом –
На троне будь, хоть Клинтон или Трамп.
Как трудно жить, о, мудрая Надежда,
Когда на свете двадцать первый век...
Мы будем жить и мир любить, как прежде,
Но встань с колен, славянский человек!

ЕВРОПЕ

*«...В ее глазах вы будете всегда
Не слуги просвещения, а холопы»*
(Ф.И. Тютчев)

Больше строить крепостей и градов
И крепить воинственную рать.
Ничего хорошего не надо
От Европы вздорной ожидать.
От нее мы знали только войны,
Только смерти ждали от нее.
Так живи по-божески достойно
Русское Отечество мое!
Никакой бы не было напасти,
Если бы историю листать.
Жаль, что наши выбранные власти,
Либералам собственным под стать,
Перестали Тютчева читать!

С ума сошли Америка, Европа.
Помои льют на праведную Русь,
Чтоб мы пред ними пали, как холопы,
Поверив в мерзопакостную гнусь
Да нет, простите, нас не проведете –
Мы ж закаленным битвами народ.
И не дай бог, что ежели придете, –
Возьмем, как татей, в крепкий оборот.
Вы жить во зле и в подлости достойны –
Иное вам не снилось никогда.
А чем вмиру заканчивались войны? –
Историю читайте, господа!

ПРИЮТ

И день, и ночь дожди хлестали,
И продолжают до сих пор.
Сочатся мокрой марлей дали,
Ручьются лужами простор.
Грозой нахохлившись, природа
Под кручи спрятала сорок.
Не пожелаешь в непогоду
Ступить, как в детстве, за порог.
Но все же странника приветить,
За поздний час и стук простишь.
И печку страннику затеплишь,
И чаркой доброй угостишь.
Как мать с отцом мои бывало,
В пургу и в дождик затяжной,
Жалея путников, давали
Приют и хлебушек ржаной...

САПРЫКИН

В заволжских степях светлоликих,
Где ветер и жарок, и крут,
Романтик-помещик Сапрыкин
Построил имение и пруд.
Конечно, обнес плотиною –
В строительстве толк понимал.
Хватало крестьян даровитых –
В избытке вокруг деревень.
Качали сады и ракиты
За тенью хвостатую тень...
А тем, кто трудился в отваге,
Пахал, не жалеючи сил,
По чаше задиристой браги,
На праздники сам подносил!
Страда, табуны разрастались,
В богатство дорога вела.
Хлебами буянились дали.
Помещика слава росла.
Но грянули годы лихие –
И царь уронил удила.
И сгинул Сапрыгин в стихии,
Имение сгорело дотла...
В степи суховей завывает.
Осталось от жизни былой
В овраге ветла вековая
С разорванной сплошь плотиной.

Оставил детство под ветлой седой,
А юность – во степном пшеничном поле.
Но ураган расправился с ветлой,
Жара и власть убили степь, как волю.
А силы нет, чтоб с властью воевать –
От либералов никуда не деться.
Но как теперь мне старость доживать,
Когда в душе ни юности, ни детства?!

СОВЕСТЬ

От колыбели и до смерти
Святую совесть сохранить
И внуков ею наделить
Дано не каждому – поверьте.
Вмиру соблазнов очень много.
Будь в них разборчив, прям и строг.
К соблазнам тысячи дорог,
А к совести – одна дорога!

ТЯНЕТ К ДУБУ

Хожу в раздумьях не торопко
По берегам родной реки,
Но тянет к дубу, что у тропки
Стоит столетьям вопреки.
В кусты бросаю с плеч поклажу,
Как вещь ненужную в дому,
Рукой уставшей кожу глажу,
Прижавшись накрепко к нему.
Я не прошу у дуба рая,
Но думы праведные прут –
У дуба сил я набираюсь,
Чтоб завершить останный труд!

* * *

Земля мне силушку дает,
Когда дышу приречной рощей,
Где облака небесный свод,
Как платья белые, полощет.
Под берегами стаи фей –
Купав, как птиц разноголосых,
А рядом с речкой – в поле росном
Цветут гречиха и шалфей,
И пахнет жизнью медоносной!

Не обидел Господь, не обидел.
Много в жизни всего повидал:
Забайкалье и Псковщину видел,
Пискаревкой и Мгою страдал.
Душу рвал в безысходность порою
Моря Балтики бешеный вал.
А с есенинской младшей сestroю
На Рязанщине квасы пивал.
Руку жали Пермьяк и Распутин,
Жал Радкевич, желая добра,
Чтоб в поэзии, как в перепутье,
Не согнули крутые ветра.
Пережил я и ахи, и охи,
Но душа до сих пор не молчит.
Я – частица великой эпохи,
Хоть частица, но ох, как звучит!

ПРУД

В отвесный брег, резвясь, удало
Теперь, увы, не бьет волна.
Лягушек семь в пруду осталось –
Его судьба обречена.
Жара жарою, я не спорю.
Не оживить отвесный брег.
Но кто ж повинен в этом горе? –
Конечно, слабый человек.
Коль не поймет, то недостойный –
Достойный должен знать всегда:
В степи засушливой и знойной
Деревня сгибнет без пруда.

ГУСЬ

Никуда не тороплюсь.
Словно книгу, даль читаю.
И брожу, как старый гусь,
Потерявший стаю.
Нету сил, чтоб улететь
В край былинный, в край далекий,
Где шумит хлебами степь,
Где мои истоки.
Взбрызнуть душу б родником,
Спутав сказку с былью!...
Стал, увы, я стариком –
Ослабели крылья
Никуда не тороплюсь,
Словно книгу, даль читаю.
В небо синее не рвусь –
Не догнать мне стаю.

СТАРИК

В селе заброшенном давно,
Живет старик. Глядит в окно.
Сидит с утра, сидит до вечера,
Как будто больше делать нечего.
Не ходит к людям. Он один
И раб себе, и господин.
В углу свеча горит встревоженно
Да ликом дивным смотрит боженька.
О чем ты думаешь, старик? –
Не слышит мой ни зов, ни крик.
Наверно знает: одиночество
Порой рифмуется с пророчеством.

ФИЛОСОФИЯ ЖИЗНИ

Век живи в желтоглазой кувшинке,
В одинокой речной камышинке.
В предрассветной целебной росинке,
В материнской горящей слезинке,
В бездорожье живи и в предгорье,
В светлой радости, в буйственном горе,
В безысходности и в беспорядке,
И в разливиистой тульской двухрядке,
Век живи в православной молитве
И в словесной, но праведной битве,
В хлебе, в музыке, в свадьбе и в тризне,
И в добре, и в любви к отчизне...
Вот и вся философия жизни!

* * *

Не кручинься, друг сердечный,
Постарайся отдохнуть.
Мы с тобой, увы, не вечны,
Но еще продолжим путь.
Доживем до встречи с полем,
Как в прошедший год смогли.
Нам всего-то сил и воли.
Заглушить тоску и боли
Духом матери-земли!

* * *

Прежде чем осуждать других,
Загляни-ка в себя сначала:
Все ли гладко в делах твоих,
Много ль зимушек отстучало,
Как покинул отцовский дом,
Дорогие его истоки,
Как почти не рухнул потом,
В мир безжалостный, в мир жестокий,
Было ль счастье? Коль да, то миг.
В голос горем судьба кричала...
Прежде чем осуждать других,
Загляни-ка в себя сначала.

* * *

Не от случая к случаю,
А пишу постоянно.
В непогоду колючую
И в жару, и в туманы
Не особенно мучаюсь,
Коль стихи не получатся,
Не покажется странным,
Что взорвусь ураганно!
Снова в дали гремучие,
Снова в рощи дремучие,
Где земля первозданна...
Не от случая к случаю,
А пишу – постоянно!

* * *

Ничего не поправить, а хочется,
Чтобы жил человек, но, увы.
Душу точит, как червь, одиночество,
Понимаю стенанья вдовы.
Ни к холодной печи не притулится,
Не подняв головы горевой.
Как же я умудрился отчаяться,
Крылья раненой птицей сложить?...
Жизнь, она коротка, а печалиться
Нету времени – главное жить!

* * *

Жалею тех, кто неустанно
Чернят поэзию мою.
Не дал им бог в природе тайной,
Хотя у жизни на краю,
Узреть чарующее царство,
Услышать дивную струю.
Мне с каждым годом их жальчее,
Что век прожили, а глухи.
Из них не вышло книжечеев,
Но были хватки и лихи.
Да что там я? Их бог обидел,
Да разве только на стихи?!

* * *

Служу стихами праведному люду –
Не правоведному люду не служу.
Его нутром почуяв, ухожу,
Как власть крутую, хоть бывает худо.
Могу от возмущения взорваться
И укорить в бессовестности власть.
Могу споткнуться, даже и упасть,
Но только для того, чтоб вновь подняться!

* * *

Сам себе выбираю дорогу.
Не радей за меня, не радей.
Не мешали бы мне, ради бога,
Без того я устал от людей.
Ничего я не ждал от народа,
А теперь уж едва ли дождусь.
Я, как друг мой, из вечности родом,
И туда, не жалея, вернусь.

* * *

Дорога длинная, но коль пройдешь,
Она, как миг, становится короткой.
Ни правда не спасет, ни злая ложь,
Не удлинить ее горючей водкой.
На божий храм в молчанье помолись,
Прости себя за глупую беспечность,
Как истинный философ умились,
Что впереди страдающая вечность!

ПОЭТ И ПРИРОДА

I

Природа – божья нам награда,
Как хлеб, продутый сквозняком,
Как дол с мятежным родником,
В который бегал босиком
Со стариковским черпаком.
Природа – в жизни нам услада,
Любовь к ней всасывать бы надо
Не с пятизвездным коньяком,
А с материнским молоком.

II

Поэта рождает природа,
Дарящая голос и свет.
Не с властью всегда, а с народом
Живет настоящий поэт.
Властителей век быстротечен,
Как бабочки, были – и нет.
Народ, словно Родина, вечен,
А значит, – и вечен поэт!

На родине отпуск провел,
Тревожа и радуя душу.
Спускался в березовый дол,
Где птичий клубился престол,
Хоралы небесные слушал.
И сам возносился туда,
В таинственно-божьи палаты.
Врывались, как зной в холода,
Благие ребячьи года,
А детство – для каждого свято!
Я с ними и пел, и звенел,
Боялся в сей час обернуться.
Был счастлив зело, что меж дел,
Я все-таки в отпуск сумел,
Хоть в старость, но в детство вернуться!

* * *

Разъезжаемся часто,
Хоть встречаемся вновь.
Но стирается счастье,
Как семья и любовь.
Не вещаем, не ропщем,
Мол, такая судьба...
Ножевой расторопшей
Зарастает изба.

* * *

Мне за семьдесят. Путь к завершению.
Но почти не успел ничего.
Попросить бы у предков прощенья,
Да в округе уже никого.
До погоста добраться? – Не хватит
На дорогу ни денег, ни сил.
Думу думаю, лежа в кровати,
О семье дорогой, о Руси.
Недописанной дремлет страница.
Дождь за окнами яростно льет,
Не давая вершить обмолот...
А душа, словно старая птица,
Собирается в вечный полет.

* * *

Жизнь дороге сродни,
Вместе версты считают,
Как летящие дни,
Как стрижиные стаи.
Знают гордость и страх,
Как с неверными драться,
Как их сбросить в овраг,
Чтоб самим не сорваться.

* * *

На жизненный путь не в обиде,
Хоть был он извилист и крут.
Ладони кровавил мне труд.
Но многое в жизни увидел:
На север судьбина кидала,
В суровость Архангельских зим,
А песен герой – баргузин
Окутывал душу Байкалом.
По жизни и ада, и рая
Хлебнул, но в мире не пропал,
А только сильнее прикипал
К родному Заволжскому краю!

* * *

Не по нраву окружение —
Сам такое выбирал.
Привыкаю к пораженью,
Хоть не злобствовал, не врал.
А служил, считаю, верно
Дому, людям и стране.
Дело главное, наверно,
Век-новатор не по мне.
Жить бы мне в столетьях славных,
Где на жизненном пути
Был бы русич православный,
Как положено, в чести!

* * *

Чтоб не тревожить тишину,
Дай бог, забудусь и усну.
Строка к строке свершу во сне
Стихи о милой стороне.
Под утро летнее проснусь,
Себе немножко улыбнусь,
Что вовсе я не постарел,
Коль душу словом обогрел!

* * *

Ругать себя – пустое дело.
Не стоит время тратить зря.
Беда случилась и слетела
Угрюмой птицей с пустыря.
Взметнулась ввысь – и в поднебесье
Надорвала живую нить.
Ни божьим промыслом, ни песней
Былую жизнь не возвратить
Беда меня крылом задела
В конце седого октября...
Ругать себя – пустое дело –
Не стоит время тратить зря.

* * *

Знаю прав, но силы на исходе,
Исчезает к черту правота.
Гаснет, будто солнце в непогоде, –
И душа становится пуста.
Был побит неправой толпою,
Остается тусклой свечкой тлеть.
Даже глупых невозможно с бою
Без раздумий мудрых одолеть.

* * *

Горжусь знакомством с громкими людьми:
С поэтами, певцами и творцами,
Живущими в Москве или в Перми
За синими полями и лесами.
Но почему, когда придавит грусть
И невозможно выветрить остуду
Из миллионно-звучных градов рвусь
К простому землепашескому люду?!

* * *

Стихов количество не важно,
А важно, чтобы каждый стих
Был в меру буен, в меру тих,
Был от тебя неотделим,
Как от печи огонь и дым.
Чтоб от него не тлен бумажный,
Не дух воинственно-овражный,
А пахло медом молодым
И терпким колосом ржаным!

* * *

Когда не пишется, то за меня
Природа пишет, славит и рисует.
Березы у речушки, у плетня
По-пушкински, по-пластовски – не все!
Природой, восхищаясь и дивясь,
Дырявые «квадраты» напрочь рушу.
А главное – держу с творцами связь,
Подпитывая песенную душу!

* * *

Мальчик тянется к перу,
А перо – к бумаге.
И родятся поутру:
Роща, луг, овраги,
Даль, в которой не избыть
Солнечного света.
Мальчик скоро, может быть,
Вырастит в поэта!

ИСТИННЫЙ ПОЭТ

От пейзажей местного значенья
С первопутком, речкой и тропой,
С пахарем и с отчею избой
До пейзажей звездного свеченья
С градами, морями и тайгой,
С пушкинско-есенинской строкой:
Крепкою, бунтарской, вдохновенной,
Не подвластной Богу и Вселенной,
Но дарящей людям, верь зело,
Радость, милосердье и тепло.
Если перечисленное мною
От начала жизни до конца
Все вместит поэзия творца,
Взбудоражив, словно брег волною,
Заплескает души и сердца
Музыкой былинного певца,
То готов, как славянин крещенный,
Строками пиита восхищенный,
Смело заявить на белый свет:
«Перед нами истинный поэт!»

Задохнулся гул вокзальный.
Вновь впадаю в тишину.
Виснет лес над берегом скальным –
Не сорвался б в глубину.
Хоть, конечно, не сорвется –
Корни в шар земной росли.
Слышу, как тревожно бьется
Сердце матери-земли!
В каждом стуке, в каждом вздохе
Предсказанье и намек
Про грядущие эпохи,
Про сегодняшний урок.
Будто мне она вещает,
Как же дальше жить да быть,
Словно душу очищая,
Сей завет в себя вмещаю,
Дай Господь, чтоб не забыть!

* * *

Не жги себя тоской дремучей,
Ее с дороги прочь гони.
Развеет ветер мрак и тучи,
Подарит солнечные дни.
И зазвенит благое слово,
Как в поле зреющая рожь.
Тогда, мой друг, я верю снова
В себя бессмертие вдохнешь!

* * *

Ни вдовьей цапли, ни утиной стаи –
Растаяли в дремучем далеке.
Когда в полыни речка зарастает,
Тогда конец, выходит смерть реке.
И с нею, уплывая в мир безвестий,
Как тени растворяемся во мгле.
Никто не скажет и не вспомнит песней,
Что мы когда-то жили на земле!

Подзадержусь в пути возможно,
Когда вернусь? Откуда знать.
Встречай меня, природа-мать,
Погодой радужной и сложной,
Могучим дубом мерзляковским,
Степным именем толстовским —
Твоих красот не занимать!
Я разгоню тоску и тучи,
Взъероша волнами покой,
Привешу солнце над рекой.
Но прежде чем тебя озвучить,
Стрижами взмою из-под кручи.
Переживу, очеловечу,
Как говорят, еще не вечер,
Еще порадуя строкой!

ЕСТЬ СКАЗАТЬ, ЧТО О РУСИ

Полюбил я с детства сказки,
Словно лыжи и салазки.
А потом – трава ковыль
Мне с годами впела быть.
И пошел гулять по свету
От зимы, весны и к лету.
Посреди чужих дорог
Забывал родной порог.
Но, конечно, возвращался.
Моментально воскресал
И, как в юности, писал
О любви к родному краю,
Как Есенин повторяю,
Хоть и чуточку бедней,
Но с особенкой своей.
Быль со сказкою мешаю,
Но пути не завершаю.
Мне еще, Господь спаси,
Есть сказать, что о Руси!

Критики моим стихам не рады –
Грызть, как прежде, жутко принялись.
Никому доказывать не надо,
Что стихи, конечно, удались!
Я-то знаю лучше их, бесстыжих,
Потому ни сколько не боюсь,
Что меня там грешного, – они же
Ненавидят творческую Русь!
Все глядят на запад вожделенно,
Упиваясь нерусью своей.
Гнать бы их березовым поленом
С Родины классической моей,
Где живут веками: Ломоносов,
Пушкин и Жуковский, и Кольцов.
Не сочтешь певцов разноголосых,
Не сочтешь талантливых творцов!
Их когда-то, ох, как грызли тоже,
Якобы не ведая вины,
Но споткнулись, и о слово божье
Зубы обломали грызуны.
Я не классик, но, как есть, до боли,
Заходя в музей или во храм,
Будь в неволе иль на синей воле
Я служу, как Родине, стихам!

ПОЭЗИЯ

Моя поэзия не тайна –
Доступна другу и врагу,
Как в небе синем птичья стая,
Как дом на отчем берегу.
Я называю воров вора
Национальности любой.
Не выношу тупых разборок
Переходных в кулачный бой.
По нраву мне, где больше света,
Дыханье речек и лугов.
Не греют душе те поэты,
Что тащут строки из мозгов
И не дай бог еще из пальца
Плетут, натужась, кружева.
Играя в псевдоиностраница,
В его нерусские слова
А я уверен – так и будет,
Мне труд словесный по плечу.
Поймут читающие люди,
Что я в поэзии хочу:
Чтоб муза птицей из-под кручи
Слетала с белого листа
Светло, пронзительно-певуче
До гениальности проста!

В ПОЛЕ ОСТАТЬСЯ

Отбугрили давно половодья,
Речки ссохлись – дождям не помочь,
В ручейки превратились точь-в-точь.
Камыши опустили поводья –
До воды дотянуться невмочь.
Лягушачье семейство в молчаньи,
В безголосьях оглохли хоры.
Еле течет шмель от жары
Даже тощая цапля, отчаясь,
Покидает свой край до поры.
Ну а мне-то куда же податься? –
Обескрылил я очень давно.
Не пьянят ни любовь, ни вино...
А не лучше ли в поле остаться,
Где мне жить и уйти суждено?..

* * *

Судьба пытается на излом,
Хотя изломан я с истока.
Осиротел мой отчий дом,
А сам – состарился глубоко.
Уже, как прежде, не спешу
В родную степь за птичьей стаей.
Стихи останные вершу,
Как раны свежие латаю.
Порой бессоннице шепчу
О том, что век не получился.
Других, как жить в миру, учу,
А сам, увы, не научился!

* * *

Развиднелась. Упала мгла.
Умылась росами ветла.
Проснулся ветер, и в тиши
Слегка раздвинул камыши
Качнулась в речке цапли тень –
И начался над миром день!

МЕТЫ

Сквозь вьюгу и ливень по белому свету
Идем, как всегда, дерзновенно вперед,
Хоть молодость канула в древнюю Лету,
И грозы пластают глухой небосвод.
Сменяется оттепель осенью рыжей,
Как с громом небесным бандеровский гром.
Бывает порою не знаем как выжить,
Но все-таки правдой святою живем.
А правда, как Родина, только едина,
А Родина наша – всеславная Русь.
И ныне, и в вечности непобедима,
Которой гордимся, которой горжусь!
Воздвигнув кругом путеводные меты,
Грабастая нечисть в крутой оборот,
Сквозь вьюгу и ливень по белому свету
Идем, как всегда, дерзновенно вперед!

* * *

Под березовой кроной стою,
С огородом и садом прощаюсь.
Постаревшую душу свою
Степью родины я очищаю.
Дай господь, повстречаться опять –
Отпуск в жизни всегда быстротечен.
Птицам тоже пора улетать –
Птичий век, он ведь тоже не вечен...

* * *

Потемнело поднебесье.
В бездну шлепнулся покой.
Степь сменилась густолесьем,
Пруд – гривастой рекой.
Покатались, замотались
Расстояния клубком.
Потянулись села, дали
Под свистящим сквозняком
Грусть-тоска морочит душу –
Перечеркнут путь межой.
Светлый мир, не глядя, рушу,
Уезжая в край чужой!

* * *

Встреча с родиной была
Продолжительной и долгой.
Мне кивали и ветла,
И Самара с дивной Волгой.
Пережил, перестрадал...
Возвращаясь в край таежный,
Дай господь, чтоб крепче стал,
В мире яростном и сложном!

Всё идет по закону в природе,
Хоть Всевышним не писан закон.
Даже самой крутой непогоде
Наступает и то утомон.
Длиться зной бесконечно не может –
Задохнутся иначе поля.
Оборвись у наездника вожжи –
Не спасет и родная земля.
От ветров зачинаются волны –
Волн по жизни вовек не собрать.
Человек на миру, как подсолнух, –
Отвернется от света, от солнца –
Значит, время пришло умирать.

В СЕРДЦЕ ДОБРОТА

Не нуждаюсь больше в похвале,
Вышел я из возраста такого.
Жил в ночи, на солнце и во мгле,
Не терпя, как татя, люди злого.
Мог за правду встать на эшафот
Вместо всех героев Краснодона.
Я горжусь, что мой крестьянский род
Взял начало из дали бездонной,
А бездонной – только может быть
Степь Заволжья без конца и края.
Степь, что невозможно не любить,
Народясь, живя и умирая.
Человеку волюшка нужна,
Как дыханье песен Толкуновой,
Чтоб не мимоходом, а сполна
Душу грело матушкино слово.
Уходя, скажу, а мысль проста,
Несмотря на жуткую усталость,
Чтобы в каждом сердце доброта
Думой сокровенною осталась.

ВОДЕВИЛЬ

Ш. Зебелеву

Дорогой ты мой Шамиль,
Жизнь – она не водевиль.
Толь со злобы, толь со страху
Вдруг ударит в морду с маху.
И на время затаюсь,
Снова тиснет носом в грязь.
Отдышаться не успеешь –
Присобачит вьюговей.
Ни следов вокруг, ни мет –
Помертвеет белый свет.
Но спасет ли даль родная? –
Я не ведаю, не знаю...
Дорогой ты мой Шамиль,
Жизнь – она не водевиль.

МЫ СТЕПЬЮ ПРОПАХЛИ

Была и осталась тяжелою доля,
Но мы не согнулись от гулких ветров.
В душе сохранилась орлиная воля
От пашен клокастых до звездных миров!
Как предки, в пространство мы шепчем
губами:
«— За Родину, Русич, всесвято держись»...
Мы степью пропахли, а значит — хлебами,
А в хлебе насущном — и крепость, и жизнь!

* * *

Ах, мой друг, не тревожься, остынь.
Подыши вековою полынью.
Взор впечатай в небесную синь —
И душа обернется теплыню.
Будет легче и жить, и творить,
И не думать о будущей тризне,
Но о родине вслух говорить,
Как о нашей бунтующей жизни!

* * *

Обжег крапивой руки, ноги —
Не смог в дороге уберечь,
Но каждый день живу в тревоге, —
Боюсь, чтоб душу не обжечь...

В дремучий край, где сосны, ели
Верхушки тычут облака,
И сенокосы откипели,
И рыбой горбится река
Лечу, плыву, иду и еду
И не с друзьями, а один.
Пускай мне этот край неведом,
Да и почти что нелюдим,
Но дорог тем, что каждый встречный,
Как гостя, впустит в дом родной.
Дремучий край природы вечной,
Предстанет, молча, предо мной!...
Иного счастья и не надо,
Другой судьбы не попрошу.
Одна, как жизнь, в душе отрада, —
Что Русью вечною дышу!

ИСКУССТВО

«Искусство – крылья...»

А. Шиков

Искусство – это крылья, а не хвост,
Виляющий в угоду власть имущих.
А путь в искусство не бывает прост,
Талантлив должен быть творец идущий.
Упрям и дерзок, и трудолюбив.
Любую историческую дальность,
Любой глубинно-выстраданный миф,
Приблизив, сможет превратить
в реальность.

И на достигнутом в кругу благом
Порадуется вдосталь и поплачет.
Тогда искусство поселится в нем,
А он в искусстве будет – не иначе!

Свесив ноги, сажу на круче.
В даль степную, как встарь, гляжу.
Шлю привет стрекозе стрекучей
И, творящему высь, стрижу.
Шлю господнему небосводу,
Мне дарящему жизнь и свет,
А соавтор – моя природа
Стихотворный дает ответ!

ПАМЯТИ МОИХ ДРУЗЕЙ-ЕДИНОМЫШЛЕННИКОВ

В.И. Сопину

I

Ноябрь дождём предзимье прострочил –
И снова обнажилось чернотропье.
В сей мрачный день навеки опочил
Наш друг Вениамин Иванович Сопин.
Талантливый и добрый человек,
Он совестью и правдой назывался.
Но в двадцать первый, столь жестокий век,
Не выдержало сердце. Надорвался.
С небес пролил совсем не дождик вдруг,
А слёз не счесть от Господа упало.
Таких людей, как незабвенный друг,
Пожалуй, что на свете не осталось.

II

И.Г. Ёжикову

Перехватило горло горе,
На миг стал чёрным белый свет.
Покинул нас Иван Григорьич:
Певец, писатель, краевед.
Творил он книги о Каменском,
Поэте, славном земляке.
И каждым вздохом по-вселенски
Дышал и жил в его строке.
Поставить памятник поэту

Мечтал. К нему тропа вела...
Остались песнею запетой
Не завершённые дела...
Прощай. Прости за прогreshенья.
Я в жизни много знал потерь,
А эта – главная, поверь.
Скажу одно лишь в утешенье:
С Каменским встретишься теперь!

III

М.В. Левину

Буянят в мире вздыбленные вьюги,
Теряясь, словно странницы, во мгле.
Как трудно мне писать о давнем друге,
Которого не стало на земле,
Сдружили нас и радио, и слово,
Летающее легко из-под пера.
Ему в миру всегда была основой
По жизни путь любви и добра.
А путь к добру бывает с кулаками,
Порой до слёз бывает и тернист,
Но сдюжил всё поэт, речник на Каме
И радио бессменный журналист.
Когда лежал я после катастрофы,
Он прикатил немедленно ко мне.
И записал мои больные строфы,
И жизнь вдохнул на радиоволне!
Едва ли позабудется такое
Пока пишу, дышу я и живу,
И Михаил, не знающий покоя,

В стихах шагает с нами наяву!..
Раскинут зимы взвьюженные гривы,
Коснётся всех забвения река,
Но голос левинский неторопливый
Переживёт не годы, а века!

IV

Н.П. Бурашникову

Талантливый, яркий и честный,
Он жизнь несказанно любил.
Поэтом земным и небесным
В Прикамском отечестве был!
Уверенно, бодро и смело
С гитарою наперевес
Шагал он, а сердце звенело –
В твореньях и в музыке весь!
Но кучка подонков подпитых,
Вершивших грабительский бал,
Накинулась мерзкою свитой, –
И он, как врагами убитый,
На землю родную упал.
Спасала земля дорогая
Поэта от горя и зла,
Но вот от бессилья рыдая,
Впервые спасти не смогла...
А лира его на полсвета
Звучит, песнопеньем полна.
Отчетливо слышит поэта
Святая до боли страна!

ПЕСЕННЫЙ ДАР

А.К. Трухину

I

Творца не стало. И баян
В чужих руках обезголосел.
Окружье выбелил туман,
Как слёзы, высыпали росы.
Скорбит природа – нет творца.
Давно душой он в поднебесье,
Но в грады шумные и веси
Оттуда дарит нам в сердца
Свои пронзительные песни!

II

Сегодня день рождения музыканту –
Исполнилось бы восемьдесят лет,
Который ярко песенным талантом
Обогатил певуче-русский свет.
И, словно птицы, песни разлетались,
И западали в души и в сердца.
Дышали ими солнечные дали,
И край таёжный, и степной дышали
В святую память славного творца!..
А он ушёл в дремучее безвестье,
Обрёл в тиши заоблачный уют.
Хоть путь по жизни яростен и лют,
Но мы поём его живые песни,
И правнуки, я верю, запоют!

НИНА СУББОТИНА

Вот и Нины Субботиной нету,
Но казалась бессмертной она.
Откружилась по белому свету.
В зиму выюжную канула в Лету,
Отжила, отлюбила сполна.
Богом данных мужей схоронила,
А в миру поэтессой была.
Клокотали в ней буйство и сила,
Как могучий Урал и Россия.
Век вдовой коротать не смогла.
Над стихами, как птица, парила –
Был талант – и немалый в судьбе.
Людям лирикой радость дарила.
До зари мемуары творила
О поэтах-друзьях, о себе.
Знали Нину в кругах именитых:
Боков, Соболь, Жигулин, Самед
И среди пермяков даровитых,
А женился на ней Домовитов –
Зек, шахтёр, фронтовик и поэт!
Ах, как чтили влюблённую пару
На земле древнепермской родной!
Домовитовской песнею старой
Их встречали певцы под гитару
Про былой Вологодский конвой.
Люди, плача, певцам подпевали,
Хоть судьбина горька, но светла!
Но забудешь былое едва ли.

Не вернуть невозвратные дали –
Поэтесса к поэту ушла.
Может там, в неземной круговерти
Под пронзительный вой сквозняка
Обретёт поэтесса бессмертье?..
Я не верю и, люди, не верьте,
Что её задохнулась строка!

АБАТУРОВ

С рюкзаком Уральский край протопал –
Путь-дороги не были просты.
Но тянули в Заполярье тропы,
Вознестись на дикие хребты.
Возносились с крепкими друзьями
На костях почти под небеса.
Вспоминая город свой на Каме,
Прочищали песней голоса.
И гитара царственно звенела
Так, что в бездну падала беда.
От костра в миру заледенелом
Опускали крылья холода.
И пространство освещали дали,
В кладовые Севера вели.
Пред очами пращуры вставали,
Первооткрыватели земли:
Кряжистые, сбитые, как скалы,
В ликах гордость, мужество и свет.
Восхищаясь Северным Уралом,
С них портретов написал немало
Славный и художник и поэт.
Таинство пещерных бездорожий,
Радужность и бешенство стихий
Абатуров – истинный художник
Перенёс в картины и в стихи!

ЛЕГЕНДА

Не Хворостовский умер, а легенда –
Она была среди живых живой.
И опоясан траурною лентой
С великой Русью вечный шар земной!
Всеобщий плач. В сердцах людских тревога.
Чтоб выразить печаль, – не хватит слов.
Певца большого голос данный Богом
Перерастает в звон колоколов.
Стоят в поклоне скорбном континенты.
А русь от Красноярска до Москвы,
Прощаясь с богоявленной легендой,
Уходит с ней в бессмертье синевы.

ДЕД КЛИМ

Антону и Дмитрию Шелонниковым

Жил на свете дед Шелонник,
Имя деда было Клим.
Добрых дел большой паломник,
От земли неотделим.
Одевался скромно, просто,
Лёгок был в любом пути.
Невысокий с виду ростом,
Да широк и твёрд в кости.
Плёл корзины. Избы строил
С дивной вязью и резьбой.
Оставлял тепло живое
В память Холмовке родной.
Жил безбедно с бабой Анной.
За весной текла весна,
Но внезапно и неожиданно
Разломила мир война.
Ночь зависла вместо сини,
Поле выжет суховей.
Клим отдал святой России
Восемь бравых сыновей.
Ни гаданья, ни молитвы
В горьки час не помогли.
Не вернулись парни с битвы –
На чужбине полегли
Деда гнули боль и мука,
Но лихой беде назло,
Поднимал за внуком внука,
Делом радуя село.

Обучал разумно, с толком
Труд любить и жить в чести
Тарантасы и кошёлки,
И плетни учил плести.
И с годами зацветало
В прутьях ивовых село.
Если денег не хватало –
Деда Клима вдаль несло!
За границы, за кордоны!
За гремучие мосты.
Нанимался в платогоны –
Гнал по Неману плоты.
Возвращался со снегами,
Рад, что чуточку богат
Обцелованный ветрами,
Крепок, жилист, бородат.
И опять своей науке
Обучал премного лет.
Уходили в люди внуки,
И гордился ими дед.
За стаканом в день погожий
Изрекал он: «Хорошо,
Что мой Женька стал художник –
В деда, стало быть пошёл!»
Жизнь была худой и любой –
Сотню лет сумел прожить.
Клим давно под старым дубом
В милой Холмовке лежит.
Но жива его наука,
Коль в село людей зовёт.
Дед живёт в картинах внука,
И в стихах теперь живёт.

КОРЗИНА

Е. Шелонникову

Отложи-ка, художник, картину,
И потёртый мольберт отложи.
Пусть хотя бы на время застынут
На холсте облака и стрижи.
Пусть рябина застынет и омут,
Но бывшее на миг возврати:
Из черёмухи ли, из соломы ль
Мне корзину на память сплети.
Да такую, что боже мой правый,
Как в годину всемирной беды
Плёл не ради какой-то забавы, –
Плёл, как дед, из великой нужды.
Деда Клим Шелонника нету –
Он тебя ремеслу обучал.
Сгинул он, да не сгинули в Лету
Свет и радость, что дед излучал.
Отложи-ка мольберт свой, художник,
За назойливость, друг мой, прости –
Деда Клим на свете продолжи –
Мне корзину на память сплети.
Позабуду житейские беды,
Коль взгляну на корзину в тиши:
И услышу дыхание деда,
И твоей одинокой души.

ГЛАЗУНОВ

Не граф, не раб, а мастер божий
С высоким именем художник.
Ушёл в миры извечный снов
Илья Сергеич Глазунов.
Пред ним славянским верным сыном
Склонила голову Россия.
А со стены, с его холстов,
Совсем не надо лишних слов,
Глядят цари, поэты, горцы
Эпох дремучих ратоборцы.
Он сам умел держать удар,
А свой могущественный дар
Достойно, ярко, искромётно
Вживлял и вплёскивал в полотна.
Дивил талантом край родной,
Перерастая в шар земной!..
Творец ушёл, но, слово право,
Не зря же чтит его держава,
А явь, как истина, проста,
Свершить, доверив Храм Христа!

БРАТУ ВЛАДИМИРУ

I

Ему по силе труд ударный –
Трудиться любит и любил.
В миру он врач неординарный,
Но мир шофёрский удивил:
На «Запорожце» легендарном
Аж до Самары докатил!
Гаишник, глянув номер, ахнул:
«Да что тут думать и гадать,
Ты не водитель, а Шумахер,
Хоть непростой мужик, видать,
Но за такой пробег бы смаху
Пора тебе и орден дать!»

II

Декабрь идёт за декабрём.
Мороз крепчает и крепчает,
А ты приветно и добро
Свой день рождения встречаешь.
Вокруг и стар, вокруг и млад.
Взбодрён застольем хуторянским.
Гляди впредь, мой старший брат,
И продолжай наш род крестьянский!

ГРЕБНЕВУ А.Г.

I

Говорю я без подколов:
Очень славный Богомоллов,
Что хватило сил и воли
Книгу выпустить о Толе,
О котором знает свет –
Гребнев истинный поэт!

II

Ну что ж, с рождением, Гребнев Толя!
Сыграй нам песнь о камыше!
Твои стихи родны до боли –
В них Русь живет, как Чистополье,
Как вальс Свиридовский в душе!

ДУБРОВИНУ А.А.

I

Родился ты под звон капли,
По сердцу творчество ЛЮБЭ.
В Очер влюбленный в самом деле,
Как в свет Руси, как в птичьи трели,
Но за плечами... ФСБ?!

II

Не хмурь, молодой дружище, брови,
А в жизнь влюбляйся горячо!
Ты ведь не просто А. Дубровин,
А господин, то бишь, Очер!

ЭКСПРОМТЫ

И.П. Гурину

I

Не смиренен вовсе Гурин,
Чужд ему земной покой.
Он, как классик, жаждет бури,
Коль склонится над строкой!

II

И Шарынинский он, и Ординский,
И Чернушинский он, и Уинский,
Но писатель – кого не спроси! –
Умножает таланты Руси!

III

Он творит в простой рубахе,
Схож обличем с Шукшиным.
На словесной ниве пахарь –
Не утонишься за ним!

IV

Восхитил талантом окруженье,
А иначе Гурин бы не смог.
Выиграл победное сраженье
За родной Советский огонёк!

V

Твоё глубокое творенье
И вдохновенное, и верное

Насквозь пронзило душу мне,
Что, верю, чудо «Сокровенное»
Пойдёт гулять по всей стране!

VI

О, друг Иван, ты мастер прозы.
И тем-то, братец, и хорош,
Что пишешь так, как сам живёшь.
В труде то радуга, то грозы, -
И вышибаешь правдой слёзы!

VII

Ты с каждым годом в прозе строже,
А потому ты людям свой.
И на Урале, и в Заволжье,
И в Белоруссии самой!

VIII

Рад я искренно за друга –
Признаёт его страна.
Знать, Ивану по заслугам
Золотые ордена!

Е.Л. РОЖДЕСТВЕНСКОЙ

I

В день особо-юбилейный
Восклицаю, дуя в ус:
Без Рождественской Елены
Был бы скучен наш Союз!

II

Ведь она – сама стихия,
Дар ее разноголос!
Продолжает мать Клавдию,
Как положено, всерьез!

В.С. БИКМАЕВУ

С открытием выставки, друзья!
Событие большое в Пермском крае.
Не удивиться мастерству нельзя –
Пред вами свет Степанович Бикмаев!
Шагнувший в мироздание с крыльца,
Творит судьбу в живительных работах,
В которых сплошь дыхание творца,
Художника классического фото!

Л. МАЛЫШЕВОЙ

I

Века проходят, годы, дни.
В искусстве ищем клады истин.
Художник слова или кисти,
С тобой от века мы сродни!

II

На выставке у Малышевой Любы,
Забыв недуги, сшибки и дела,
Я провалился в мир светлоголубый,
Не знающий ни подлости, ни зла.
Устав от либерально-скверных рубищ,
Душа моя, как в юность, ожила!...
Художница взволнованно и любо
Руси природу в зал перенесла!

В.В. ЖДАНОВУ

I

Твои холсты, как близь, как дальность,
Философичны и мудры.
Перетекает в них реальность
В потусторонние миры!...

II

Мир пленишь цветастыми холстами –
Ты в искусстве славен, ярок, дюж.
Я дивить пытаюсь словесами,
Не парящими под небесами,
А простыми русскими словами –
В этом наши родственности душ!

С.С. ПОДРЕЗУ

Нарисовал меня Подрез
Совсем не все, между прочим,
А в затуманенные очи
Впустил живыми степь и лес.
Вдохнул добро, тепло и свет,
Вдохнул божественную лиру,
Тем самым подтверждая миру,
Что я действительно, поэт!

РАВИЛЮ ИСМАГИЛОВУ

I

Соединяя тундру с небом,
Дорогу в космос ты мостишь.
Мешая краской быль и небыль,
Мятежность превращая в тишь,
По-человечески грустишь...

II

Творишь, как Пророк, то, что будет,
что было.
Ведешь, словно пахарей, нас по жнивью,
Большое спасибо, Равиль Исмагилов,
За добросердечную музу твою!

III

Мы ели много, много пили
За юбилейный год Равиля.
Мой друг, художник Исмагилов,
Борись с хандрою, как с Игилом!

ХОККЕИСТАМ

I

Не добрались мы до медали –
Соперник, стало быть, сильнее.
По праву, значит, проиграли –
Хоккей, увы, до лучших дней.
Теперь откуда ждать награды,
Когда угас запал побед?
У них в душе быда Канада,
У вас в душе – России нет.

II

Команда великою будет тогда,
Когда делимы в любые года
Чреда поражений, победы успех
Одни на команду, а значит – на всех!
Команда крепка, как благая семья,
Где каждый дерётся за други своя!

ФУТБОЛИСТАМ СБОРНОЙ

I

Ни техники, ни воли, ни задора –
Рассыпалась команда, как горох.
Не избежать на родине позора,
Как ступит на родительский порог.
Глаза в глаза с обидою нелюбой
Вопросы в лоб: «Да как же вы смогли
Не научиться в мяч играть, как люди,
Высокообразованной земли?»
Наверно, мы, простите, виноваты.
В Москве ль живём, в Самаре иль в Перми,
Бездарным вам такую втёрли плату,
Что Путину не снилось, чёрт возьми!

II

Обесчестили Русь футболисты,
Опустили, как скажем, на дно.
Неужели по жизни тернистой
Нам тащиться в хвосте суждено?
Эх, поднялись бы Хомич, Татушин,
Легендарные Яшин, Стрельцов.
За бесчестье вам плюнули б в души,
Что забыли великих отцов!

III

Проиграли бездарно, безвольно,
Сдали матч без огня, без борьбы.
Оттого и болельщикам больно,

Что не встали, как встарь на дыбы!
Нет в команде лихих да искристых,
В Русь влюблённых, а значит – в народ,
Как когда-то вели футболистов,
Как в атаку, к победам вперёд!

IV

Прокукарекали футбол –
Не совладали с греками.
Ах, если только бы футбол! –
Страну прокукарекали.

ОСТАПЕНКО ВИКТОРУ

I

Леса, пруды, курганы, птичьи гамы –
Природой восхищался с детских лет.
Дальневосточный край сменил на Каму,
В этюднике вмещая белый свет.
С его задором, яростью и грустью,
Печальной и удачливой судьбой,
С громами бурь и с тихим захолустьем,
С Российской вымирающей избой,
С бездонной глубины до брода
От светлого рожденья до креста.
Осмысленно и чувственно природа
Стекает правдой с каждого холста.
Любой художник верит в быль и в небыль,
Но ты вот утверждаешь не впервой,
Что в Вишере вода светлее неба
Бывает и полночную порой.
Я верю, что и в разности погоды,
В какой бы край тебя не занесло,
Несут художника по жизни воды
Бунтующе, но всё-таки светло!

II

В твоих картинах мощь и сила,
И восхищенье красотой.
С полотен смотрит Мать-Россия,
В очах родных былинно-синих:
Река в мятежности крутой.

По берегам, как встарь, осины,
Тайга, деревни, травостой.
И жизнь кипящая клубится
В травинке, в людях и в реке,
И в небе перистом, где птица
В пустом пространстве не таится,
А режет высь на сквозняке...
Спасибо, мастер, что в мазке,
Как пчёлка с мёдом на цветке,
Полёт в прекрасное рождается,
Что снова я, открыв страницу,
Отдался Пушкинской строке!

ХУДОЖНИКУ ИГОРЮ ОДИНЦОВУ

Когда художник истинно-творящий,
Идущий к свету сквозь бездонья зла,
Сквозь ворох чёрной мерзости кипящей, –
Его дорога в жизни тяжела.
Через колючих бездарей прорваться,
Не оставаясь в сторбленной глуши,
Через паденья в омут ввысь подняться,
Не расплескав талантливой души.
И ты, мой друг, свершил, восстал и сдюжил,
Не затерялся в брошенной дали.
Ты был и есть великорусским мужем
Уральско-несгибаемой земли.
Не зря мечтал в художники податься
С барачно-детских выстраданных лет.
Ни холоду, ни голоду не сдаться,
А выжить – чтоб увидеть белый свет.
Перед тобой, хотя и не по-братски,
Но двери открывает институт,
Да не какой-нибудь, а Ленинградский,
Где Репина традиции живут!
А дальше труд рабочее-вдохновенный.
Нелёгкий труд, но всё-таки благой:
Идти вперёд навстречу переменам
В художнической жизни непростой.
Тебя всё чаще кличет мир вселенский.
С годами оживают на холсте:
Поэт-земляк – бунтующий Каменский,
И Спас нерукотворный во Христе.

В пейзажи Забайкалья и Урала
Вдыхаешь свет, величье и тепло,
И под рукой пространство в синих скалах
Державно вознеслось и зацвело!
В картинах Русь в церковных перезвонах,
Движение эпох отражено.
Тебе, художник, друг неугомонный,
По праву быть заслуженным дано!

ПРИГЛАШЕНИЕ ДРУГУ

Осень выставляется в музее –
Расплескались краски до небес!
Приходи, мой друг, не пожалеешь:
Остановка «Загородный лес».
Здесь музей работает до ночи,
Да и в ночь, пожалуйста, открыт.
Ты услышишь и узришь воочью,
Как творец с творцами говорит.
Рядышком Саврасов и Тумбасов,
Левитан этюд осенний вьёт.
И студентке юной златовласой
Одинцов автографы даёт.
Исмагилов, Малышева Люба,
Мудрый Перевалов и Подрез...
Приходи, мой друг высоколюбый,
Остановка «Загородный лес»!

* * *

«Деревья умирают стоя...»

Н. Жоголев

Река не зная устали, бежит,
Неся моторки, баржи, теплоходы.
Прибрежный лес заранее дрожит
От предстоящей долгой непогоды.
Не думая, умчал бы за рекой
В любое преглухое захоlustье,
Где вволю солнца, благость и покой.
Умчал бы я, но корни не отпустят,
А сожалеть об этом не могу.
Изрѣк поэт: «желание простое...»
Мне жить и умереть на берегу,
Но умереть, не падая, а стоя.

Памяти В.Г. Распутина

Слезятся кручи. Бледнеет март. Распутье.
Чернеет снег среди подталых вех.
Скорбит весна. От нас ушёл Распутин,
Талантливый и славный человек.
А радио съязвило: «Деревенский...»
И что-то прокартавило в конце.
Ни слова не сказали иноверцы
О нём, как о философе-творце.
Он был рождён, конечно, деревенским
(им не понять распутинской души) –
А стал и есть воистину вселенским,
Как Шолохов, Есенин и Шукшин!

ПОЭТ НЕОБХОДИМЫЙ ДЛЯ РУСИ

Телегиной В.Ф.

С осенним юбилеем, Валентина,
Не поэтесса вовсе, а поэт!
В тебе полынно-хлебная равнина
И белый до пронзительности свет!
Ты людям даришь мир великолепий,
Исповедально с ними говоришь.
В твоих стихах поют и стонут степи,
Звучит набат и тушит горечь тишь
От колоса до солнышка и выше –
До Господа, чего греха таить.
Твой голос тихий на полсвета слышен,
С ним можно жить и плакать, и любить.
Твои стихи пропахли камышами,
Простором русским, что любим и мил.
Не зря ж поэт от бога, Лев Ошанин
В страну творцов тебя благословил!
Он знал, что ты способностью богата,
Осилишь путь падений и побед...
Прими же, Валя, от степного брата
Родной полынно-пламенный привет!
Желаю я не только долголеть,
А взлётов поэтических и сил.
Живи и пой, твори на белом свете,
Поэт необходимый для Руси!

2015 г.

ЮБИЛЯР

Юбиляру слов наговорили.
А потом, разбавив коньяком,
Песнопеньем лихо воспарили
О славянском крае дорогом.
Голоса, легко переплетаясь,
Журавлями плыли в небеса,
Млечный путь уверенно листая,
Крутояры, степи и леса.
С ними незаметно уносилась
Юбиляра чуткая душа,
Обретая радужность и силу,
Ложь и гнусь безжалостно круша.
Лица просветлённые сияли,
Кто не пил – хмелели без вина.
Время за столом позабывали –
Праздник продолжался допоздна.
Расставались грустно с юбиляром, –
Видно, понимал наверняка:
Праздник сник, а завтра снова старость
Страшно одинока и горька...

А.А. Гребёнкину

С юбилеем, Гребёнкин Саша!
Я желаю тебе добра,
Чтобы дружбу, как лиру нашу
Не согнули в пути ветра.
Биты жизнью мы были оба,
Проходили глубины вброд.
Не сломала в борьбе хвороба
Ни завистливо-гнусный сброд.
Против подлости в рост восстали –
Победили же, чёрт возьми!
И творцами благими стали
Да не только в родной Перми!
Нас печатали в стольном граде.
Пережили не раз беду.
Верю, будем творить и ладить
И в грядущем, дай бог, году!

ЗАВЕТЫ РАДКЕВИЧА ЖИВЫ

Говорил мне Радкевич однажды,
А Радкевич – учитель, поэт:
«В стихотворце, запомни, не в каждом
Есть надежда и радужный свет, –
И добавил, пыхтя сигаретой, –
А ещё состраданье и честь.
Всем, кто пишет и тянется к свету,
Это с юности надо б учесть.»
Речь его, как заветы, звучала –
Слушал я с умилением творца.
Я по жизни стоял у начала,
Он державно, увы, у конца.
Путь трещал мой от дикого зноя,
Падал вниз, как в овраг дерева.
Вот уже зацвела сединою
Удалая моя голова.
Пропасть книг прочитал и продумал,
И своими похвастать могу.
Да, не скрою, они и угрюмы,
И от горя сгибают в дугу.
Но работалось мне вдохновенно –
Я ж ершист, разношёрст, разнотрав.
Ах, учитель ты мой незабвенный,
Как ты был по-пророчески прав!
Те пииты, кто вымучив строки,
Проклиная родимый уют,
Протрещали и мрут, как сороки,
А кто плакал над строчкой – живут!

Продолжают сердца будоражить,
В поднебесье паря над землёй.
Слово падает в рощу и в пажить,
И в народ песнезыкинский мой!
Век по-птичьи летит несдержимо:
Год, как месяц, а сутки – как миг.
Но заветы Радкевича живы
В юных душах поэтов моих!

ТРОПИСТАМ

«И радуга льётся рекою»

К. Ибрагимова

I

Не ведай в творчестве покоя.
На хамов злобы не таи.
В пути не сбейся с колеи.
Пусть льётся радуга рекою
В стихи добротные твои.

II

Ребята, милые ребята,
В стихах не гладкость бы должна,
А сплошь метафорой объята,
Как пылью звёздною луна,
Мятежна, праведна и свята
Душа, не знающая дна!

III

Ученики, друзья-«трописты»,
Люблю светло и нежно вас!
Как путь бы не был ваш тернистым,
Но курс держите на Парнас!
А строки, чтоб дышали хлебом,
Цветасто-росною зарёй.
Бездонно-лермонтовским небом
И древнерусскою землёй!
Тогда, уверен я, при хаме
Легко отпор дойтойный дать.
Себя славянскими стихами
И защищать, и утверждать!

IV

Как хотите, верьте иль не верьте,
Я прошёл нелёгкою дорогой
От степи прожжённой до тайги,
Потому при жизни стал бессмертен,
Что богатой власти вопреки.
Не предал ни отчего порога,
Ни великой Пушкинской строки,
Ни любой ухабистой дороги...
У меня в отличии от многих,
Есть достойные ученики!

ГЕОФИЗИК

В.Н. Гордееву

I

Приветствую, трудовершитель,
Дружище полазненский мой,
Почётный земляк-долгожитель,
По Волге и Каме родной!
Я радуюсь встрече желанной,
Хоть встреча, увы, коротка,
Но пусть же, как звуки баяна,
Подарит продленье строка!
Среди бездорожий и кочек
Прошёл геофизиком ты,
Нефтяников уши и очи
От каждой версты до версты.
Прошёл по горам и дубравам
Не ради каких-то наград.
Когда-то сказал Добронравов,
Что солнцу и ветру ты брат!
Сплавлялся по кряжистым рекам,
Орлом в поднебесье паря.
Не зря ж ты Гордеев от века,
По имени Виктор не зря!
Ты горд, победитель, конечно,
Не терпящий подлость и ложь.
Протопав дорог бесконечье,
Как прежде, по свету идёшь
С любимой женой Антониной,

Не знающей бед и разлук.
Ваш род продолжается сыном,
А там – подрастает и внук!
Но век, не спросясь, быстротечно,
Как буйной весны ледоход,
Беснуясь, берёт в оборот...
Храни же, Господь вековечно
Гордеевско-праведный род!

II

Геофизик брат геологу,
Жизни странника сродни.
Бродит лесом, степью, долами,
Выкорчёвывая пни.
Ищет газ и нефть кипучую
В недрах матери-земли,
Чтобы Русь была могучее
И в Москве, и в Дертюли!

БЕРЁЗКА

«Растёт в Волгограде берёзка...»

М.Агашина

Вы где-то давно в поднебесье
Нашли свой господний уют,
А ваши сердечные песни
В России, как прежде, поют!
На свадьбе разгульной, на тризне,
На звонких вечёрках поют.
В них столько и света и жизни –
О счастье забыть не дают.
Размашисто, знойно и броско
Душа, оживая, цветёт:
«Растёт в Волгограде берёзка,...»
Вовек не старея растёт!

ПЕСНЯ

I

Шелохнулся ветер, слава богу,
Знать, не задохнулся от жары.
Прощуршал и вышел на дорогу –
Заклубился к озеру с горы.
Птицы акапельно засвистели,
Светы рассыпая от души.
В озере от счастья зашумели
Вековую песню камыши!

II

Стихов не счесть про камыши,
А песен, знаю я, тем боле.
И строки вроде от души,
В них боль, любовь, величье, воля.
Идут года и времена –
Томами песни обернулись,
А вечной стала лишь одна:
«Шумел камыш, деревья гнулись...»

III

«Шумел камыш, деревья гнулись...»
Какие светлые слова!
Века назад не возвернулись,
А песня вечна и жива.
О жизни песня, о природе,
Её поют из рода в род.
Величье песни не в народе –

Она сама уже народ!
Идут вперёд по белу свету,
В ней плачет русская душа.
Она – как памятник поэту,
На речке, возле камыша!

СПАСЕНИЕ ДУШИ

Кто в отпуск, кинув свой уют,
Коль денег куры не клюют,
В Израиль, в Штаты улетает,
Кто в Катманду, Господь, прости,
А мне Отечества хватает,
Хватает Матушки-Руси,
Где есть на свете деревенька,
В которой не был я давненько,
Где песней жив и Разин Стенька,
И песню чтят про камыши,
А в них – спасение души!

Наобнимались. Всласть нацеловались –
Распухли огне-знойные уста.
Стихами под мадеру расставались,
Клянясь дружить до смертного креста.
Но разбрелась компания по свету,
А белый свет коварен и сердит.
Заторопились умирать поэты
От нищеты, от водки, от обид.
А женщины внезапно постарели –
Маячит предпоследняя черта.
Поют и стонут вечные метели
У клятвенного смертного креста.

ПАМЯТИ Н.Г. КИНЁВА

I

В стихах, в рассказах даже самых ранних
Писательский просачивался дух.
Творенье поэтическое «Грани»
Очаровало русичей вокруг.
Любая строчка правдою дышала,
Что вышибала горькую слезу.
В редакции работа не мешала –
Торил и журналистскую стезю.
Писал и жил народом для народа.
Был с родиной и рядом и вдали.
Мужал и креп уральскою природой.
А силы брал от матери-земли!
Но всё ж не минул боль-тоску ни омут
И снова поднимался на утёс.
С него спускаясь, пел родному дому,
Любовь и радость добрым людям нёс...
Гордились и дивились постоянством –
Не изменил отеческой земле...
Но вот под юбилей он взмыл в пространство
И растворился в поднебесной мгле.
Не будет новых повестей, романов –
Душа его по-божьи вознеслась...
Под колесом убийцы-наркомана
Судьба его, как жизнь оборвалась.

II

Ах, как бы радовался он,
Что, мол, дожил до юбилея!

За Русь радея и болея
Под колокольный перезвон.
Он был бы с нами... Но судьба
Распорядилась по-иному.
Он рухнул ввысь, как в звёздный омут
В пожаре отчая изба.
От жизни, видимо, устал,
А может в мире стало тесно?..
И в мироздании словесном
По праву встал на пьедестал!

ЭКСПРОМТЫ

I

И в радость с другом, и в беду
Свои стихи несли в «Звезду».
А коль в «Звезде» не будет клёв –
Спасёт от бедности Кинёв!

II

А после выпьем по рюмашке,
Чтоб стало чуточку теплей,
За хлеб славянский, за ромашки,
За красоту родных полей!

(из давних)

МОЦАРТ

(ответ журналисту-критику)

«Моцарт – великая музыка
на все времена» (А.Эйнштейн)

«Завистники умрут,
но зависть – никогда»
(Мольер)

Давно забылись древнетропья.
Земля живёт и молодеет.
Но до сих пор ломают копыя:
А кто ж травитель Амадея?
Один лихой единовец,
Пророк подобие кукушки,
Накуковал, что не Сальери,
А виноват, конечно... Пушкин,
Что ложь пустил по белу свету,
Мол, в той курьёзной круговерти –
Сальери Моцарт жаждет смерти!
Вот так хлестнул, хоть стой, хоть падай,
Хоть грозным матом трёхэтажным
Пластай, круши, гвозди, как градом,
Хоть сам запейся пойлом бражным.
А что ответить журналисту? –
Усвоил нынешнюю моду!
Статьёй своею ты подсвистнул
Таким врунам, как ты, в угоду.
Ах, знал бы, как благоговейно
Звучат в истории, радея,

Слова Бетховена, Эйнштейна
О гениальном Амадее?!
Но трогать Пушкина не надо,
А для тебя – бесчеловечно!
Ты мрак и зло, а Пушкин радость!
Ты – миг всего, а Пушкин – ВЕЧНОСТЬ!

РОДНИК СЛОВЕС

I

С горы спустись. Ходи по краю,
Где бездной правит тишина,
А роща древностью полна,
Родник словес не иссякает.
Его не исчерпать до дна –
Язык богат в славянском крае,
Ему не властны времена.
В нём песни, сказки и частушки,
Цветы и сорная трава,
Сушняк и росная листва.
Готовь для блага речи кружки,
Но взбудоражь родник сперва,
И черпай так, как черпал Пушкин
Животворящие слова!

II

При жизни Пушкина и после
До нас, до нынешних времён
Его величественным полем,
Как хлебом, каждый озарён.
С его густым, богатым словом
Творцы рождались и росли.
Он вечно был и есть основой
Словесной Матери-Земли!

III

Ветер внезапно притих –
Тишь да покой в огороде.

В это мгновенье в природе
Новый рождается стих!

IV

Мысль закончена, зарифмована,
Превратилась в добротный стих,
Что зарывшись в блокнот мелованный,
До хороших времён затих.
Отлежится, накопит силушку
И покинет, как дом блокнот.
Надышавшись родной долинушкой,
Как Есенин, уйдёт в народ!

V

Открыла полночь в бездну двери –
Луну, как звёздочки, зажгла.
Река лизнула тихо берег
И, потянувшись, спать легла.
Покой в природе и забвенье.
Во мгле околица глуха.
И лишь поэта вдохновенье
Не отпускает от стиха!

VI

Стихи не выдумка, не мода.
Стихи дарует нам природа,
А у природы – есть родник,
Который в душу нам проник.
Стихи природа хороводит,
А мы – всего лишь переводим
На человеческий язык!

VII

Тот поэт, кто свисты суховея,
Пенье птиц, от радости немея,
Звон колосьев в поле, не в горсти,
Плач вдовы и беженки в пути,
Плеск волны и вздох листвы сумеет
На язык стихов перенести!

VIII

Птицы, радуясь теплу,
Песней взвихрили ветлу.
И ветла зашелестела
Стало быть, вовсю запела!
Ветер песню подхватил
И по свету запустил.
Песне дал поэт слова –
Закружилась голова!
Композитор вмиг озвучил –
И запел народ певучий!

IX

Не прост характер у поэта.
Да разве может быть простым,
Когда поэт – носитель света,
А свет дарован лишь святым!

ВСТРЕЧИ ЖДУ

*«Там русский дух...
Там Русью пахнет!»*

А. Пушкин

Устал от митингов и споров,
От слов чужих, от властной лжи.
Во Псковский край качу на скором:
Мелькают сёла, как стрижи,
Леса, предгорья и болота...
Всё дальше, дальше от Перми,
Где богачи – мордовороты
Поганят город, чёрт возьми!
Потуги бесов забывая,
Как фальшь, поскудство и беду,
Я с древнерусским божьим краем,
С Пушкиногорьем встречи жду.
В душе клокочет захолустье
Иных эпох, иных времён,
Где русский дух, где Русью пахнет,
А я, как русич, в Русь влюблён!

СОН В ПОЕЗДЕ

Закачай же меня, закачай,
Скорый фирменный поезд «Москва»,
Пусть приснится степной Иван-чай,
Да классических песен слова.
Засыпаю, как в детстве. Молчу.
Я за тридевять стран и земель
Просыпаться, хоть плачь, не хочу –
Мать качает мою колыбель!

* * *

Приехал на Псковщину снова
Не только по тропам пройти,
А музыку, волю и слово
В себе для себя обрести.
Я вижу и Сороть, и поле,
От счастья в пространство кричу:
И Пушкиным Родину полню,
И Пушкиным душу лечу!

* * *

Отчего художникам, поэтам
Псковский край воистину любим?
В нём в избытке Пушкинского света,
Свет, который им необходим!

* * *

В обильных росах травы, рощи, кроны –
Древней былин густые деревья,
Сквозь них не просочиться небосклону,
И в полдень не прольётся синева.
В жару и в дождь, и в яростные стужи,
Таёжную судьбину разделя,
Им в жизни до кончины верно служит
Родная светоносная земля!

РУССКИЙ ДУХ

В.А. Шульцу

I

Небесных храмов перезвоны
И высь от радуги цветёт.
Владимир Шульц неутомонный
Тропою к Пушкину ведёт.
Стихи взволнованно читает
Про Анну Керн, про свет и тьму.
По-спиваковски птичья стая
Аккомпанирует ему.
От слов, от музыки хмелеем,
Как в юный век от молодух:
В душе и Пушкин, и аллеи,
И святогорья русский дух!

II

Тропа. Михайловское поле.
Дом няни. Озеро. Река.
Петляет по зелёной воле
Уже не годы, а века.
Экскурсоводов умных речи,
Аллеи в липах и в дубах...
Я не заметил, как под вечер
Строкою Пушкинской пропах!

III

Владимир Шульц, творец всеславный,
Спасибо доброе тебе,
Что ты в моей лихой судьбе,
Возможно в жизни самый главный
Возник на Пушкинской тропе,
Спасибо доброе тебе!
Я вновь обрёл покой и волю
Среди Михайловских полей.
И стал свободней журавлей.
Приняв и долю, и недолю,
И мыслю глубже и светлей
Среди Михайловских полей.
Влюблённых глаз не отрываю,
Хоть век повыбелил виски,
От мест, где бродят грибники,
И Сороть вяжут сквозняки...
Дуэль и смерть переживаю
Бессмертьем Пушкинской строки!

ЗАЩИТНИК ПРИРОДЫ

Гуси-лебеди, аисты, утки
В снег апрельский, в дожди, в холода
Прилетают совсем не на сутки –
Прилетают на лето сюда.
Здесь никто не мешает гнездиться,
Не стреляют Дантесы, не бьют.
В благодарность небесные птицы
Так поют, как нигде не поют!
То взвинтят по-есенински звонко,
То по-бабы, как Зыкина, в грусть.
Восславляют для нас, для потомков
Неизбывную Матушку – Русь!..
Здесь в Михайловском птичья свобода,
А свобода – не знает границ.
Пушкин вечный защитник природы,
Человека и ангельских птиц!

У ПУШКИНСКОЙ МОГИЛЫ

Стихи читал у Пушкинской могилы.
Хоть жизнь прожил, а всё-таки робел.
И плыли тучи дерзко и уныло.
И древней Русью ветер шелестел.
Февраль клубил, а сердце леденело.
Накатывал смертельный выюговал.
Я слышал вьявь, как пушкинское тело
Отец Геннадий в спешке отпевал.
Монахи в землю яростно вгрызаясь,
Долбили ломом Пушкину покой...
А я взахлёб читал, но мне казалось,
Что не владею собственной строкой.
Да что за годы в мире приключились:
Напасти, свары, зло – не погасить,
Когда по воле вражьей опочили
Творцы высокоправедной Руси?!
Ответа я, конечно, не дождался,
Наверно, Пушкин преустать успел.
Но главное, что он не взбунтовался –
Мои стихи, как мог, перетерпел!

* * *

Поэты Псковские, Смоленские,
Тверские, Пермские, Тюменские,
А коль точней, то всей земли
К творцу поистине Вселенскому
На день рождения пришли.
Стихи, цветы, молитвопения,
Как летних ветров дуновения
Звучало звонко и тепло.
Дышало вечным вдохновением
Его любимое село:
Вещало Соротью, купавами,
Кугой озёрною и травами,
Где кудри моет синева...
И возносились над державою
Творца бессмертные слова!

* * *

Я говорил, наверно, не впервой,
Но всё ж послушай вновь, потомок мой:
Чтоб сотворить святое на Руси –
У Пушкина совета попроси!

Есенин Господу в угоду,
Как с древнерусскою избой,
Смешался с Матерью-Природой
Строкой, любовью и судьбой.
Убит картавою ордою,
Как Пушкин, Лермонтов, Рубцов...
Но воссиял святой звездой,
Умножив землю на творцов!

ТВОРЦУ

На роду написано ему
Быть в работе жарким, словно лету.
Потому не канешь с ним во тьму,
А скорее – выберешься к свету.
Он зажжёт надеждою сердца,
Исцеляя люд благой и правый.
В нём сквозит дыхание творца,
А в творце – величие державы!

ПУШКИНИАНА

В. Злобину

Громады туч толпятся над рекой.
Похолоданье хлынуло неожиданно,
Но, к счастью, я у друга в мастерской,
А друг встречает славно и желанно.
Художник он, и как творец благой,
Меня сразил своей Пушкинианой.
С холстов глядит пленительный поэт
Раздумчиво, мечтательно и жгуче.
В глазах то вспыхнет дивный свет,
То жуткий мрак чернее чёрной тучи,
То смех звенящих юношеских лет,
То родников лиричная певучесть.
Едва встряхнув кудрявой головой,
Как заклокочет сердце во мгновение.
Строка легко польётся за строкой
И оживут Татьяна и Евгений,
Как Пушкин искромётный и живой
Под злобинское яркое творенье!
С природой Пушкин в тесной мастерской
Слились, как встарь, от века первозданной,
А с ними Злобин как творец благой,
Талантливый художник, богом данный,
Как Пушкинской пронзительной строкой
Меня сразил своей Пушкинианой!

О ЛЕРМОНТОВЕ

I

Не помнит лик, что канул в бездне,
А был святым и дорогим.
Но помнит ласковую песню,
Что пела мать, склонясь над ним.
В себя вобрал века и нови,
Как мир земной и небосвод.
Не зря же в Лермонтовском слове
Живая музыка живёт.
Поэт выходит на дорогу –
Душа поёт в любой строке.
И разговаривает с Богом
На музыкальном языке.
Судьба в бессмертие уводит
Сквозь божий свет и злую тьму.
И потому творцы мелодий
Извечно тянутся к нему!

II

Его манили таинствами грозы,
Дремуче-неопознанная высь,
Куда, оставив землю и берёзы,
Умерших предков души вознеслись.
И, стряхивая горестные слёзы,
Сверлил очами стынущую высь.
А жизнь пугала ссылкой и угрозой...
Со временем поэзия и проза
Виолончелью в музыку вплелись!

БЛОК

«Степь, да ветер, да ветер...» (А.Блок)
*«Без этого ощущения ветра для А.Блока
не существует России» (К. Чуковский)*

Ворвался в душу Блока ветер.
Скорей всего, что поутру.
Он жил, любил, творил на свете
На нескончаемом ветру,
Который пел ему Россию
Не на пиру, а в нищите.
Не в богатырско-русской силе,
А на страдальческой версте
Взрываясь, плача и тоскуя
Среди расхлябленных дорог
В себя влюбил её такую,
Какой любить другой не мог.
А ветер выл в грозе и в дыме,
И революцией хлестал
Но Русь и Блок неразделимы,
А с ними – грозный буревал.
В поэте ветра ощущение,
А с ветром вера и юдоль.
Душой он верил в очищенье
Сквозь мщенье, ненависть и боль!

ХРЕБТЫ БАСЕГИ

I

Крутом хребты таёжного Урала
И тонущие в реках облака.
Пространство божие в себя вобрало
И древние, и новые века.
Вдохнёшь былого, даже не заметив,
Как в древность окупёшься с головой.
И встретишься, конечно с Пересветом,
Наговоришься с Муромцем Ильёй.
Не перечислить всех ещё премногих
Скалисто-каменных богатырей.
Не поспешишь назад искать дороги
В наш новый век терактов и смертей,
...Но всё же возвращаюсь, как бывало,
И думаю, что это лишь пока...
Меня спасают и хребты Урала,
И тонущие в реках облака!

II

Хребты Басеги побратались
С туманом, с ветром и с пургой.
Не зря ж в истории остались
Не схожи с кем-то, а с собой.
Кто к их вершинам путь протопал,
Тот каждый сделала вывод свой:
«Они – связующие тропы
Меж небесами и землёй!»

III

К хребтам Басеги путь не прост,
Не каждый сможет, слово право,
Забраться в небо, к горным травам,
А травы – человеку в рост!
Кто явью праведной зажжён
И божьим светом освещён,
Кто дружит с песней и стихами,
Зарю встречает с петухами,
Насквозь продутый сквозняками,
Тому, кто молнией крещён –
К Басегам путь не запрещён!

Летит «Газель», как птица,
За окнами – простор
Подсолнечно клубится,
Ветлой шумит угор.
Мелькают избы, долы,
Самарка в пляске вод,
Где с травяным подолом
Смешался небосвод.
Тропинки в рощи рвутся...
Хочу, как дождик в зной,
Босой ногой коснуться
Земли моей родной.
Гляжу, восторг не пряча,
Не вспоминая грусть.
А всё ж, как много значит
Для нас благая Русь?!

ОТКРЫТИЕ

I

Повидал я дремучье Урала
С Ермаковскою Камой рекой,
Но величье седого Байкала
Восхитило своей красотой.
Превозносит краса, очищает,
Первозданностью в душу вещает
Каждой новой тропой и верстой.
С тех далёких времён и поныне
Поселился во мне непокой.
И живёт, словно дали степные,
Поэтично-певучей строкой,
Как священный Байкал неустанный,
Как свеча, что горит постоянно
Над могилой княжны Трубецкой.

II

Пробираясь звериными тропками,
Отдыхал у скалистых берёз.
Как багульник, гигантскими сопками
В небеса Забайкальские врос.
Пусть не врос, а душой голосистою
В степь и в сопки влюбился всерьёз.
А влюбленность тропой декабристскою
Я с собою в Прикамье увёз.

III

Забайкалье мне открыло
Глубь тайги, размах полей,

Вознесенье сопок стылых
Да небесных журавлей.
В скалах рёв и пляски ветра,
Клад историй в двух шагах,
Перезвон церковных кедров
На высоких берегах.
Бунт мятежных речек синих
И Байкала дивный свет,
Что величия России
Ни конца ни края нет!

НАПУТСТВИЕ

Ушли в мальчишескую дальность
Мои мечтания просты.
Теперь-то знаю, что в реальность
Не превращаются мечты.
Тужить не следует об этом,
Назад былое не вернёшь.
Взгляни: над миром столько света,
Леса шумят, кустится рожь.
Ребятки прыгают, не глядя,
С крутого берега в реку.
Кукушка с тополя, что рядом,
Доносит вечное: «Ку-ку.»
Над речкой синь бурлит стрижами,
Подстепье сусликом свистит.
Природа мудро продолжаясь,
И веселится, и грустит.
О чём-то может и мечтает,
Как мы в ребячьи времена.
Живёт влюбляясь и страдая
Моя степная сторона.
Молитвой в храме причащаясь,
Возносит хлебные края.
К потомкам юным обращаясь,
Скажу напутствие и я:
«Неважно, кем ты станешь в жизни –
Профессий всех не перечесать,
Но сохрани любовь к Отчизне,
Как совесть, веру, свет и честь!»

МОЙ ПУТЬ

«Я несу непосильную ношу...»

(Глеб Пагирев)

Я родился в февральскую вьюгу,
В год страдальческий сорок второй.
Похоронки летели в округу
С кровожадной войны мировой.
Под рыдание вдов горемычных,
Под грачинные гомон и гам
Рос болезненным я, как обычно,
И задумчивым не по годам.
Доставалась одежда от братьев,
Хоть на вырост была, велика.
Проносились невиданной ратью
Времена, журавли, облака.
Ни отца, ни погибшего дяди,
Ни умерших до срока родных.
Мне господь подарил, как награду,
Улыбаться и плакать за них.
Принимать поражения, победы
В урожай и в худой недород.
Не взирая на грозы и беды,
Продолжать землепашеский род.
И, неся непосильную ношу,
Стиснув зубы, по жизни иду.
С плеч сутулых я ношу не сброшу,
Я пока что ещё на ходу!

«ВЕЧНО В ДОМ БЛИЗКА ДОРОГА»

«Я живу добротою»

Шесть с лишним лет продолжается наша заочная дружба с Фёдором Сергеевичем Востриковым.

А кажется, что мы знаем друг друга давно. Всё время себя спрашиваю: почему ему доставляет радость это общение со мной, с ребятами нашей маленькой школы, затерявшейся в провинциальном пошехонском краю на Ярославщине?

Его письма всегда дают нам заряд бодрости, получать их лестно, они греют душу. Тем более теперь, когда мы все разобщены, затёрты нашей непростой жизнью. А началось всё со статьи в газете «Литературная Россия», где московская писательница – Ирина Ивановна Стрелкова, давний друг нашей школы, рассказала о нас и обратилась к писателям России пополнить школьную библиотеку. Не буду перечислять всех, кто откликнулся, их было неожиданно много, бескорыстных добрых людей. Пришло письмо и от члена Союза писателей Фёдора Вострикова из Перми. И огромная посылка с книгами. Таких посылок от него пришло двенадцать в разные годы и столько же его сборников стихов. А столько писем! Из них мы узнали и полюбили самарские степи и лесную пермскую землю. Мы благодарны этому славному человеку за его душевный порыв, за отклик, за истинное подвижничество.

В школе оформлен альбом по переписке с писателями. Новое поколение школьников прикасается к доброте человеческой, к нестандартным,

идушим от души словам: «На добрую память и добрые слова во имя нашего многострадального Отечества.»

Я процитирую фрагменты писем
Ф.Вострикова.

«У меня два брата учителя, которые живут и работают на земле моих незабвенных предков... Все мытарства, все беды теперешнего учительства на селе глубоко ранят душу русского человека. Но всё-таки, благодаря учителям Русь возродится, святая и праведная. «Примите из града Пермского книгу Валентины Телегиной – она очень талантливая поэтесса, в этом Вы убедитесь сами...»

«На днях у нас закончилась выставка, к сожалению, посмертная, уникального художника Н.П. Горбунова. Я был очень дружен с ним. У меня дома висят две его прекрасные работы, подаренные им. Николай Павлович не дожил до шестидесяти лет. С великим трудом пробили выставку. Но всё-таки выставка свершилась. И я радуюсь вместе с семьёй незабвенного мастера и его друзьями...»

«Творческий год для меня удался, вышли в свет два поэтических сборника, 10 романсов на мои стихи композитора Сергея Федосеева прозвучали по областному радио...»

«Уже около десяти лет я веду при Дворце творчества юных литобъединение «Тропа», мои ученики стали лауреатами и дипломантами городских областных и российских литературных конкурсов.

18 декабря завершился ещё один конкурс, посвящённый памяти Валерия Дементьева, погибшего в Нагорном Карабахе. Валерий был талантливым журналистом, ему шёл двадцать пятый год. Предательский режим властей унёс столько прекрасных жизней! Нет утешения от жуткой боли...

«Хотел обрадовать Вас новой книгой, теперь вот дождался, высылаю. Ещё уезжал на родину, месяца полтора был в родных пенатах. Очень бедно живётся моим землякам. Хозяйство идёт под нож, коровушек кормить нечем, зарплаты убогие. Отношение властелинам и их деяниям прочтёте у меня в сборнике «Холода».

«... Если не вкладывать душу, точнее, не пропускать через неё, то строки будут холодные, мёртвые, запыленные... Только не подумайте, что лукавлю, я прошёл большую жизненную и литературную школу: и в пропасть кидали, и возносили, и снова опускали на дно, словом, повидал всякое, но радуюсь до слёз добрым и совестливым людям. Хорошо, что такие люди живут на русской многострадальной Земле, и никаким иноземным и доморощенным псевдомократам не опоганить их светлые души, не выгравить любви друг к другу...»

«Получил от Ваших учеников добрые письма. Привет и новогодние поздравления ребятушкам и учителям Вашей школы...»

И снова задаю себе вопрос, зачем ему это всё: тратить деньги на книги и посылки, выкраивать время, тратить силы? Ответ в его же поэзии:

*«... Главное, чтоб сердце не устало
Радоваться жизни и ветле.
Каждой ветке, бабочке, травинке,
Каждому знакомому лицу...»*

Его сердце не устаёт нести добро, потому что нравственная сила самого поэта в материнской любви, в чём он неоднократно признаётся:

*«Меня уставшего от люда злого,
Уставшего дорогами блукать,
Лечила мать простым и добрым словом...»*

Помнится, поэт Сергей Есенин сказал о себе, что он не «поэт для чего-то», а поэт от чего-то». Так и поэт Фёдор Востриков от светлости и святости своей души, способной вобрать в себя все человеческие ценности и вернуть, «оплатить каждому, с кем соприкасалась», добро:

*«Моей души родные люди,
О, как хочу я вам добра!
Пока в свирепом перегуде
Не закружили вас ветра,
Пока не выступили веру
В светящий лучик божества...»*

Добрый человек, добрые стихи его, добрые чувства несут его читаемые строки

*«Не молил у судьбы, не молю
Жизни слаще, вольготней и проще.
Я, как прежде, с друзьями делю
Хлеб и кров, и осенние рощи.*

*...Что мне дорого, тем и делюсь,
Худо ль, бедно ль – живу добротою...»*

Неизменно звучат на школьных и районных конкурсах его «Колоски», «Обелиск», «Имба»...

МОЙ ВОСТРИКОВ

У меня 14 сборников стихов Фёдора Вострикова. К каждому сопроводительное слово друзей-поэтов. Я согласна с их словом о его поэзии, что она - взволнованные строки о родном крае, о людях труда, раздумия о мужской дружбе и любви к женщине, о сложности жизненного пути человека.

Я не литературный критик, не поэт, всего лишь читатель, но у меня есть свой Востриков (как «Мой Пушкин» у Цветаевой). Волной захлестнула разнообразная тематика его стихов. Он готов всё вобрать в себя и, переплавив в горниле собственной души, почтенно (!) передать читателю о Пушкине и Есенине, о Льве Толстом и Фатьянове, о пермском художнике Горбунове и Иване Бунине, и просто о землячке-бабушке, у которой спина «серпом». О родных и близких. – «Мой отец хлебобоб-землепашец», десятки стихов о матери, о братьях, стихи детям, племянникам, «Родных в избытке, слава Богу», «Умер дедушка». За всем – Человек. То ли пастух, без которого невозможно представить Русь, то ли воины, «павшие в круговерти великой войны».

Особая печаль автора – уход человека, это на фоне сегодняшнего обесценивания человеческой

жизни. Как традиционно уместен здесь положительный параллелизм: «плачет тополь дождём у плетня» на равных с роднёй по умершему дедушке, ушёл из жизни товарищ – «надломилась озябшая ветка». Вчитываясь в строки поэта, понимаешь, что это не просто смена поколений, это обязанность наша видеть и чувствовать смену веков – «и древний век, и мой – соединились».

А как неброско, но до обнажённости души откровенно говорит он о родном доме, об «избе крестьянской»! Его «неостывшее тепло» всю жизнь покоит душу. Дом – это основа, стержень всей жизни, и тут кстати вспомнились слова Арсения Тарковского: «Живите в доме – и не рухнет дом». Как привязан поэт к родным стенам, как веришь его бесхитростному объяснению брату в ответ на его приглашение:

*«Не зови, ради Бога,
Слишком тяжело назад уезжать».*

Как-то в жизни нашей утрачено было значение родительского дома (пагубно утрачено!): комсомольские стройки, отработка после института за тридевять земель, невозможность устроиться по желанию вблизи дома...

И в наше теперешнее время беженцев и переселение как важен приоритет Дома, малой родины, и хочется ко многим стихам Вострикова взять эпиграфом – я всегда это делаю, для себя, ищу в его же стихах иные названия, мысли писательницы Натальи Баранской: «Кто любит Жизнь и

дорожит Жизнью на Земле, должен понять всю ценность, всю спасительность Дома. Уставший в странствиях путник устремляется к Дому...» как и в стихах поэта: без дома – потеря, опоры в жизни:

*«К земле привязан человек,
К её равнинам и деревьям.
И так всю жизнь, и так весь век –
Одна изба, одна деревня».*

Как близко и понятно читателю опущение Фёдора Вострикова от вымирания деревень, как точно языковое решение замысла (деревенская лексика с уменьшительно-ласкательными суффиксами в словах...) читатель не может быть спокойным, хотя по тексту есть это здесь, скорее, каверзное слово:

*...«От зноя почерневшие мостушки
Уже не ждут хозяйшек с бельём.
В округе не осталось ни избышки –
Давно село во времени былом.
Вот-вот потонет в тучах купол синий,
Погост потонет в лапистых лесах...
Родной до боли уголок России
Спокойно умирает на глазах.*

Какая точность слова «спокойно». Для кого? Для тех, кто обязан сделать всё для сохранения деревень. Да. Власть имущие спокойны. Но как режет слог это слово! И хочется кричать от этого «спокойно». Для автора характерно отсутствие лишних деталей, разъяснений, нагромождения слов, всё ясно до создания определённого настроения:

*«Душе мгновенья радужны и святы,
Когда кругом смиренно из травы
Глазами одуванчиков и мяты
Глядит земля в безбрежье синевы.
И все интриги в пропасть круговертью
Слетают, как стрекозы с камыша.
Впервые вдруг поверишь, что бессмертен,
Воистину бессмертен, как душа.»*

Поэт всегда знает, что хочет сказать и как сказать, как выразить родившийся образ. Нет нарочитости метафор, изысканности эпитетов, всегда чувство меры, простота. Но это не делитанство, это скорее, блоковская тайна, которую до сих пор не могут раскрыть критики, откуда в сих строках такая притязательная сила.

*«Я звал тебя, но ты не оглянулась,
Я слёзы лил, но ты не снизошла,
Ты в синий плащ печально завернулась,
В сырую ночь ты от меня ушла.»*

Я нахожу то же у Вострикова:

*«Сама сказала «не люблю»,
А навсегда со мной осталась.
С тех пор с тобою я делю
И грусть, и радость, и усталость.
С пути, где встретил я рассвет,
Спешу домой – ты, знаю, дома,
Меня волнует столько лет,
Печально смотришь из альбома.»*

Та же глагольная (осуждаемая!) рифма, избитые слова – «и грусть, и радость, и усталость», но в

целом контексте такая передача верности чувства, безнадежного возврата, неотвратимости тоски навсегда! В стихах поэта нахожу, как говорят, глубину для измерения духа:

*«Страна разграблена. Казна пуста.
С протянутой рукою миллионы!
И храмы возвращают нам Христа
Российским колокольным перезвоном.
...Чужим врагам в иные времена
Не дали мы гулять славянским полем.
Ужель теперь, когда в нужде страна,
Своим врагам бесчинствовать позволим?»*

Или ещё, почти крик души:

*«Как много мы в себе похоронили
Всего, что надо помнить и беречь».*

Завтра возьму на урок сборник Фёдора Вострикова. Листая страницы, остановлюсь там, где автор создаёт захватывающее впечатление фоно и видеографической точности с тихим (о, как душа наша, исстрадавшаяся, нуждается в тишине!) мыслями, ярким сиянием строчек от источника, имя которому талант:

*«Я люблю, когда камыш листают
Пахнущие полем сквозняки,
И листья кувшинковые стаи
Полоскают в заводи реки.
Ластится волна дворянкой верной,
Ива кроной тянется к волне,
Жаворонок музыкой напевной*

*Зависает в синей тишине.
Рожи дышут волей и свободой,
В каплях рос, как в бусах, травостой.
В этот час Российской природой
Родина беседует со мной.»*

Зоя Горюнова,
Учительница Кладовской школы
Ноябрь 2000 года.

СОДЕРЖАНИЕ

Творческий путь	3
Начало	8
«Если хочешь в древность провалиться...»	9
«Тропинки волглые листья...»	9
В древней Чердыни	10
Серафим Соровский	11
Сыны Бородино	14
Колчаковщина	15
Крещение	16
Славная душа	17
Мать	20
Сговор	21
Рассказ ветерана	22
«Пограничники, парни, солдаты...»	23
«Боже, сколько страдальцев убитых безвинно...»	24
«Гремит не гром, а самолёт...»	24
Пристанище степное	25
«Ругать историю грешно...»	26
Ты сам теперь-илес, и степи	27
Вдова	28
Обелиск	29
Изба	30
Позывной «Мангуст»	31
Власти в рост	33
Потомки бандеры	34
Ратоборцы	35
Закружило, замело	36
«Темнеют озёра. И спешно...»	37
«Заноябрило и задекабрило...»	37

Предзимье	38
Декабрь	39
«Реку мороз, как птицу влёт...»	40
«Ровняя даль, бугры и доли...»	41
«Заморожены лужи...»	41
«Последний день. И старый год...»	42
«Новогодье морозами грянуло...»	42
«Зима взлохматила равнины...»	43
Новогодье	43
За речкой зима	44
Январь	45
Свет вифлеемской звезды	46
«Ночь январская длинная-длинная...»	47
Хорал	48
На белой горе	48
«Дали засутроблены...»	49
«Усилились морозы к Рождеству...»	49
«Бесконечные зимние ноченьки...»	50
«Мороз Рождественский взъярился...»	50
«Пришли Крещенские морозы...»	51
«Очередной январь уходит в Лету...»	51
Метель	52
Зима крепка	53
Грядёт февраль	54
Раздумье	56
Февраль	57
«Последний день февральский прожит...»	58
Снежень	59
Метельная строка	60
«Восток прояснился. Светает...»	60
«Забылась злая стужа...»	61
«Потепление. Спит солнце...»	61

Звонок от брата	62
Любимым женщинам	63
«Обессилел март, расплакался...»	63
Всплески апреля	64
«За окном апрель, а не верится...»	65
Скворушка	66
Первомай	67
«Май до ниточки промок...»	67
Одуванчиковый цвет	68
«Мы, конечно, встретимся с тобою...»	69
Книга природы	69
Сретенье	70
«Спасибо, природа родная...»	70
И ещё про ветер	71
Посиделки	72
«Зацепившись, полумесяц...»	72
«В круговерти серых буден...»	73
«Морозы откалякал...»	73
Берусь я снова за стихи	74
Пляжные этюды	75
Ярослава	77
«Травы сникшие киснут в низине...»	78
Она	79
Елена	80
На реке	81
«Разнотравье. Густолесье...»	82
В тёплый дождь	83
«Зелёными шапками вётлы...»	84
«Шиповник цветёт на угоре...»	84
Суховей	85
«В полдень солнце даль парило...»	86
«Купол неба сер и мглист...»	86

«В ночь жара немного спала...»	87
«Ночь прокалывают звёзды...»	88
Тени	88
Благодарение	89
Перемирие	90
У дуба	91
«Гуляет солнце – день отличный...»	92
«Замер лес. Природа тоже...»	93
Песенные вести	94
«С утра уйду в широко поле...»	96
«Дымясь июльской жарой...»	96
«Раскраснелось поле...»	97
«Кустарник, репейник, ветла...»	98
«Не манят вдаль чужие страны...»	98
Цапли	99
Воробей	101
«До срока поле в проседи и в охре...»	102
«Волну за волной швыряет река...»	103
«Молча удочки смотали...»	103
Рыбаки	104
Мечта	105
«Почти не бывает...»	107
«Небесный свод, взвалив на плечи тучи...»	108
Месяц	109
«Озеро натягивает ряску...»	109
Вдохновенье на пруду	110
«Умерший тополь рухнул на рассвете...»	111
Август	111
Ураган	112
«Когда разрываются тучи...»	113
Зелёный август	113
Птицам в полёт	114

«Свалилась туча за угор...»	115
«Прижавшись к старому плетню...»	115
Праздник	116
«Ещё кузнечики стрекочут...»	117
«Сидит. Папироска дымится...»	118
«Стадо пропылило...»	118
Кукушки	119
«Ещё один рассвет встречаю...»	120
«В осенние ромашки...»	121
«Изба покосилась, едва лишь стоит...»	122
Дворняга	123
«Осень уже на пороге...»	124
«Сухостой под ногами хрустит...»	125
«Дорога длинная, но коль пройдёшь...»	125
Грибы	126
Просеки	126
Яблони	127
Молодильные яблоки	128
«Был жуткий зной и крупный ливень...»	129
«Бездарной прессой душу не тревожь...»	130
Племяннице Любаше	131
«Степь и зной. Полынь. А коршун...»	132
«Сёла и деревни опочили...»	133
«Я был в вертепе и во храме...»	134
Молчанье леса	135
«Ветер кружит. Небо хмурится...»	136
Огород	137
Ветер	138
Не расстанусь	138
«Ночь окутала тучами дом...»	139
«От росы рассветной до вечерней...»	139
Уж	140

«Замер лес, как будто не качался...»	141
«И дочь, и сын, и внуки есть...»	141
«От рос трава отяжелела...»	142
Делёж	143
«То, что прожито, стало быть прожито...»	144
Табунщик	144
Объединение	145
«Шиповниками доли заросли...»	145
В непогоду	146
«Сентябрь настал ветра и морось...»	147
«Ветер листья из леса выносит...»	147
Размышления сороки	148
«Тяжело-грузный нынче небосвод...»	149
«Время близится к зиме...»	150
«Сквозной дождливо-резкий ветер...»	150
«Пока дожди не дышат холодом...»	151
«Травы сникшие киснут в низине...»	152
«Березняк туманится над логом...»	153
«Ветер взвинченный и хлётский...»	153
«Здравствуй, октябрь, особенный месяц...»	154
На Каме	155
Птицы	156
Меня в полон ковыль взяла	157
Пахарь	158
Посёлок «Майский»	159
«В обрыв сорвался старый тополь...»	160
«Висит табличка: «Осторожно...»	160
Позагажена душа	161
Живая природа	162
«Отдал бы полцарства, которого нет...»	163
Хочу вернуться	164
Страшные сны	165

«Изба порушена одн...»	166
Не в чести	167
Читателю	168
Низко кланяюсь	168
Ветер тихо дышит камышами	169
Птицы небесные	170
«Вопят во след мне: «Убирайся!»...»	171
«Народ тощает. Власть жиреет...»	171
«Королева раздолья, ветла...»	172
Нагрянет год	173
Грусть	174
«Суровой и тревожней небеса...»	174
Вина	175
Да что же ты, народ	176
«С каждым годом погост расширяется...»	177
«Награждали обычно за труд...»	177
«В политике завязли, как в грязи...»	178
«Не хочу предсказывать, не буду...»	179
Сорняки	180
Боязнь	181
«Творители зла и добра...»	182
«Мне мир такой до боли нужен...»	182
«Огороды, сады, угодыя...»	183
Отец	184
Отмщенье	185
«Знаю прав, но силы на исходе...»	186
«Взял Господь полнеба туч в охапку...»	186
Стихия	187
«Оделся город в новое искусство...»	188
На соборной площади	188
Лизоблюды	189
«Библиотеки гибнут и музеи...»	190

Не жалею	191
Вопросы к власти	192
Просьба	193
И машет мама	194
Праведный суд	195
«Коршун в небе уже не парит...»	196
«Свинцово-тяжелые волны...»	196
«День веселый да искристый...»	197
«Добро и зло в пути встречая...»	197
«Я изменчив, как природа...»	198
Космонавты	199
Море чёрное	200
Русские послы	201
«Шар земной и колется, и дробится...»	201
Ложь	202
Славянский человек	203
Европе	204
«С ума сошли Америка, Европа...»	205
Приют	206
Сапрыкин	207
«Оставил детство под ветлой седой...»	208
Совесьть	208
Тянет к дубу	209
«Земля мне силушку дает...»	209
«Не обидел Господь, не обидел...»	210
Пруд	211
Гусь	212
Старик	213
Философия жизни	213
«Не кручинься, друг сердечный...»	214
«Прежде чем осуждать други...»	214
«Не от случая к случаю...»	215

«Ничего не поправить, а хочется...»	215
«Жалею тех, кто неустанно...»	216
«Служу стихами праведному люду...»	216
«Сам себе выбираю дорогу...»	217
«Дорога длинная, но коль пройдешь...»	217
Поэт и природа	218
«На родине отпуск провел...»	219
«Разъезжаемся часто...»	220
«Мне за семьдесят. Путь к завершенью...»	220
«Жизнь дороге сродни...»	221
«На жизненный путь не в обиде...»	221
«Не по нраву окруженье...»	222
«Чтоб не тревожить тишину...»	222
«Ругать себя – пустое дело...»	223
«Знаю прав, но силы на исходе...»	223
«Горжусь знакомством с громкими людьми...»	224
«Стихов количество не важно...»	224
«Когда не пишется, то за меня...»	225
«Мальчик тянется к перу...»	225
Истинный поэт	226
«Задохнулся гул вокзальный...»	227
«Не жги себя тоской дремучей...»	228
«Ни вдовьей цапли, ни утиной стаи...»	228
«Подзадержусь в пути возможно...»	229
Есть сказать, что о Руси	230
Критики моим стихам не рады	231
Поэзия	232
В поле остаться	233
«Судьба пытает на излом...»	234
«Развиднелась. Упала мгла...»	234
Меты	235

«Под березовой кроной стою...»	235
«Потемнело поднебесье...»	236
«Встреча с родиной была...»	236
«Всё идет по закону в природе...»	237
В сердце доброта	238
Водевиль	239
Мы степью пропахли	240
«Ах, мой друг, не тревожься, остынь...»	240
«Обжег крапивой руки, ноги...»	240
«В дремучий край, где сосны, ели...»	241
Искусство	242
Свесив ноги, сажу на круче	243
Памяти моих	
Друзей-единомышленников	244
Песенный дар	247
Нина Субботина	248
Абатуров	250
Легенда	251
Дед Клим	253
Корзина	255
Глазунов	256
Брату Владимиру	257
Гребневу А.Г.	258
Дубровину А.А.	259
Экспромты	260
Е.л. Рождественской	262
В.с. Бикмаеву	262
Л. Малышевой	263
В.в. Жданову	264
С.с. Подрезу	264
Равилю Исмаилову	265
Хоккеистам	266

Футболистам сборной	267
Остапенко Виктору	269
Художнику Игорю Одинцову	271
Приглашение Другу	272
«Река не зная устали, бежит...»	273
«Слезятся кручи. Бледнеет март. Распутье...»	274
Поэт необходимый для Руси	275
Юбиляр	276
«С юбилеем, Гребёнкин Саша...»	277
Заветы Радкевича живы	278
Тропистам	279
Геофизик	281
Берёзка	283
Песня	284
Спасение души	285
«Наобнимались. Всласть нацеловались...»	286
Памяти Н.Г. Кинёва	287
Экспромты	288
Моцарт	289
Родник словес	291
Встречи жду	295
Сон в поезде	296
«Приехал на Псковщину снова...»	296
«Отчего художникам, поэта...»	297
«В обильных росах травы, рощи, кроны...»	297
Русский дух	298
Защитник природы	300
У Пушкинской могилы	301
«Поэты Псковские, Смоленские...»	302
«Я говорил, наверно, не впервой...»	302
«Есенин Господу в угоду...»	303
Творцу	303

Пушкиниана	304
О Лермонтове	305
Блок	306
Хребты Басеги	307
«Летит «Газель», как птица...»	309
Открытие	310
Напутствие	312
Мой путь	313
Вечно в дом близка дорога	314

Литературно-художественное издание

ВОСТРИКОВ
Федор Сергеевич

СНЕЖЕНЬ
стихотворения

Выпуск 2018 г.

Художник Е.Д. Шелонников
Верстка Я.А. Макарова

Отпечатано ООО «Алекс-Пресс»
614070, г. Пермь, ул. Дружбы, 34
Тел./факс (342) 22-00-184
Тираж 1000 экз. Заказ № 626.

1. The first part of the paper is devoted to the study of the

2. The second part of the paper is devoted to the study of the

3. The third part of the paper is devoted to the study of the

4.

5.

6.

7.

8.

9.

10.

